

Том 8, № 6, 2018

ISSN 2226-7867 (Print)
ISSN 2629-1482 (Online)

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

DOI: 10.26794/2226-7867

Издание перерегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС77-67071
от 15 сентября 2016 г.

The edition is reregistered
in the Federal Service for Supervision
of Communications,
Informational Technologies and Media Control:
PI No. ФС77-67071
of 15, September, 2016

Периодичность издания — 6 номеров в год

Publication frequency — 6 issues per year

Учредитель: «Финансовый университет»

Founder: "Financial University"

Журнал входит в перечень периодических
научных изданий, рекомендуемых ВАК
для публикации основных результатов
диссертаций на соискание ученых степеней
кандидата и доктора наук, включен в ядро
Российского индекса научного цитирования
(РИНЦ)

The Journal is included in the list
of academic periodicals recommended
by the Higher Attestation Commission for
publishing the main findings of PhD and
ScD dissertations, included in the core of the
Russian Science
Citation Index (RSCI)

Журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс 44090 в объединенном
каталоге «Пресса России»

The Journal is distributed by subscription.
Subscription index: 44090 in the consolidated
catalogue "The Press of Russia"

Vol. 8, No. 6, 2018

HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES. BULLETIN
OF THE FINANCIAL UNIVERSITY (GUMANITARNYE
NAUKI. VESTNIK FINANSOVOGO UNIVERSITETA)

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
LIBRARY.RU

NEICON
ЭЛЕКТРОННАЯ ИНФОРМАЦИЯ

RePEc

ROAR

СОЦИОНЕТ

EBSCOhost

Google Scholar

OCLC

WorldCat®

ВАК

ВЫСШАЯ
АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ (ВАК)
при Министерстве образования и науки Российской Федерации

CYBERLENINKA

DOAJ DIRECTORY OF
OPEN ACCESS
JOURNALS

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель редсовета — **М.А. Эскиндаров**,
доктор экономических наук, профессор,
ректор Финансового университета,
академик Российской академии образования;

С.В. Алексеев, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Московского гуманитарного университета, председатель Историко-просветительского общества «Радетель»;

А.Н. Аринин, доктор политических наук, директор Института федерализма и гражданского общества, депутат Государственной Думы Федерального собрания РФ первого (1993–1995) и второго (1995–1999) созывов;

А.И. Ильинский, доктор технических наук, профессор, декан Международного финансового факультета Финансового университета;

Ф.А. Лукьянов, председатель Президиума Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), главный редактор журнала «Россия в глобальной политике»;

В.Д. Нечаев, доктор политических наук, профессор, исполняющий обязанности ректора Севастопольского государственного университета;

И.Ю. Новицкий, депутат Московской городской Думы (1993–2014), заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Международного университета в Москве;

Р.М. Нуреев, д-р экон. наук, проф., научный руководитель Департамента экономической теории Финансового университета;

А.В. Островский, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института Дальнего Востока Российской академии наук (РАН);

С.Н. Сильвестров, доктор экономических наук, профессор, директор Института экономической политики и проблем экономической безопасности Финансового университета;

В.С. Степин, доктор философских наук, профессор, академик РАН, академик-секретарь секции философии, политологии, социологии, психологии и права РАН;

В.В. Фёдоров, кандидат политических наук, генеральный директор Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), научный руководитель факультета «Социология и политология» Финансового университета;

В.Г. Федотова, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН;

В.Ф. Шрейдер, доктор политических наук, депутат Государственной Думы VI созыва от «Единой России», член комитета ГД по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления, член-корреспондент Международной академии общественных наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор — **А.Б. Шатилов**,
кандидат политических наук, профессор, декан Факультета социологии и политологии Финансового университета

Заместитель главного редактора — **А.Г. Тюриков**,
доктор социологических наук, профессор, руководитель Департамента социологии Финансового университета;

Заместитель главного редактора — **Я.А. Пляйс**, доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор Департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета;

С.Ю. Белоконов, кандидат политических наук, доцент, руководитель Департамента политологии Финансового университета;

А.Н. Зубец, доктор экономических наук, профессор, проректор по стратегическому развитию и практико-ориентированному образованию Финансового университета;

В.В. Кафтан, доктор философских наук, профессор Департамента политологии Финансового университета;

Н.И. Киселева, кандидат социологических наук, доцент, заместитель руководителя Департамента социологии по учебно-методической работе Финансового университета;

В.А. Лапшов, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Московского государственного лингвистического университета;

Д.З. Музашивили, кандидат философских наук, заместитель декана Факультета социологии и политологии по учебной работе и международным связям Финансового университета;

А.В. Пачкалов, кандидат исторических наук, доцент Департамента экономической теории Финансового университета;

Д.В. Петросянц, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института проблем рынка РАН;

Е.Е. Письменная, доктор социологических наук, профессор Департамента социологии Финансового университета;

С.В. Расторгуев, доктор политических наук, профессор, заместитель руководителя по учебно-методической работе Департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета;

П.Б. Салин, кандидат юридических наук, директор Центра политологических исследований Финансового университета;

П.С. Селезнев, заместитель директора по персоналу Финансового университета;

Г.Г. Силласте, доктор философских наук, профессор Департамента социологии Финансового университета;

К.В. Симонов, кандидат политических наук, первый проректор по внешним связям Финансового университета;

А.А. Трошин, кандидат философских наук, заместитель декана по магистратуре и профориентационной деятельности Факультета социологии и политологии Финансового университета

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Е.В. Астахова, доктор исторических наук, профессор, ректор Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия» (Украина)

Д. Байчунь, доктор наук, профессор Пекинского педагогического университета, директор Культурного центра китайско-российских отношений (Китай)

Н.М. Долгополов, заместитель главного редактора «Российской газеты», член Союза журналистов РФ, член Союза писателей Москвы и Межрегионального союза писательских организаций (Россия)

Т.М. Кальво Мартинес, доктор наук, профессор, директор Парижского международного института философии (Испания)

Р. Крумм, руководитель московского филиала Фонда имени Фридриха Эберта (Россия)

Д. Кьеза, итальянский журналист и политический деятель, депутат Европарламента (2004–2009) (Италия)

В. Макбрайд, доктор наук, профессор, президент Международной федерации философских обществ (США)

И. Мамед-заде, доктор философских наук, профессор, директор Института философии, социологии и права НАН Азербайджана (Азербайджан)

К. Мацузато, доктор права, профессор, Токийский университет (Япония)

А.Н. Нысанбаев, доктор философских наук, профессор, академик Академии наук Казахстана, научный руководитель Института философии Академии наук Казахстана (Казахстан)

Д.Е. Сорокин, доктор экономических наук, профессор, научный руководитель, член-корреспондент РАН (Россия)

Ж.-Л. Трюэль, доктор наук, консультант по развитию международных отношений в РФ и странах СНГ, вице-президент Ассоциации экономистов Le Cercle Kondratieff («Кружок Кондратьева»), профессор Университета Париж-12 (Франция)

К. Уилкокс, доктор наук, заслуженный профессор кафедры управления Университета Джорджтаун (США)

EDITORIAL BOARD

Chairman of the Editorial Council – **M.A. Eskindarov**,
Doctor of Economics, Professor, Rector of the Financial University,
Academician of the Russian Academy of Education;

S.V. Alekseev, Doctor of History, Professor,
Head of the "History" Chair of Moscow University for the
Humanities, the Chairman of Historical and Educational Society
"The Guardian";

A.N. Arinin, Doctor of Political Science, Director
of the Institute of Federalism and Civil Society, Deputy of the
State Duma of the first (1993–1995) and second (1995–1999)
convocations;

A.I. Il'inskiy, Doctor of Engineering, Professor, Dean
of the International Financial faculty, Financial University;

F.A. Lukyanov, Chairman of the Presidium of the Foreign and
Defense Policy Council (SWAP), Editor in chief of the magazine
"Russia in Global Affairs";

V.D. Nechayev, Doctor of Political Sciences, Professor,
Acting Rector of Sevastopol State University;

I.Y. Novitsky, deputy of the Moscow City Duma (1993–2014),
Head of "State and Municipal Management" Chair, International
University in Moscow;

R.M. Nureyev, Doctor of Economics, Professor, Science
and Research Coordinator of the Economic Theory Chair of the
Financial University;

A.V. Ostrovsky, Doctor of Economics, Professor,
Deputy Director of the Institute of the Far East, the Russian
Academy of Science;

S.N. Silvestrov, Doctor of Economics, Professor, Director of the
Institute of Economic Policy problems of economic security,
Financial University;

V.S. Stepin, Doctor of Philosophy, Professor, Full member of
the Russian Academy of Science, Academician-Secretary of the
Section of philosophy, political science, sociology, psychology
and law, the Russian Academy of Science;

V.V. Fedorov, Cand. Sci. in Political Science, Director General
of the All-Russian Public Opinion Research Center (VTSIOM),
the supervisor of the faculty "Sociology and Political Science",
Financial University;

V.G. Fedotova, Doctor of Philosophy, Professor,
Chief researcher at the Institute of Philosophy of the Russian
Academy of Science;

V.F. Schreider, Doctor of Political Sciences, deputy of the State
Duma of the VI convocation from the "United Russia", a member
of the State Duma committee on the Federal structure and Local
Government, a member of the International Academy of Social
Science

EDITORIAL COUNCIL

Editor in Chief – **A.B. Shatilov**,
Cand. Sci. in Political Science,
Professor, Dean of the "Sociology and Political Science" Faculty,
Financial University;

Deputy Editor – **A.G. Tjurikov**, Doctor of Social Science, Head
of Department of sociology, Financial University;

Deputy Editor – **Y.A. Pleis**, Doctor of History, Doctor of Political
Sciences, Professor of the Department of Political Science and mass
media, Financial University;

S. Ju. Belokonev, Cand. Sci. in Political Science, Associate Professor,
Head of Department of political science, Financial University;

A.N. Zubets, Doctor of Economics, Professor, the vice rector
for a strategic development and the praktiko-oriented education,
Financial University;

V.V. Kaftan, Doctor in Philosophy, Professor at Department of Political
Science, Financial University;

N.I. Kiseleva, Cand. Sci. in Social Science, Associate Professor, the
deputy manager of Department of sociology on educational and
methodical work, Financial University;

V.A. Lapshov, Doctor of Social Science, Professor Head of the
"Sociology" Chair of Moscow State Linguistic University;

D.Z. Muzashvili, Cand. Sci. in Philosophy, Associate Professor,
"Sociology and Political Science" Faculty, Financial University;

A.V. Pachkalov, Cand. Sci. in History, Associate professor, Deputy Head
of Department of the economic theory, Financial University;

D.V. Petrosyants, Cand. Sci. in Economics, Assistant professor
of Department of political science, Financial University, a Senior
researcher at the Institute of Market Problems of Russian Academy
of Science;

E.E. Pismennaya, Doctor of Social Science, Professor of Department
of sociology, Financial University;

S.V. Rastorguev, Doctor of Political Sciences, Professor, Deputy head
of educational and methodical work of the Department of Political
Science and mass media, Financial University;

P.B. Salin, Cand. Sci. (Law), director of the Center for Political Studies,
Financial University;

P.S. Seleznev, Deputy Director for Human Resources, Financial
University;

G.G. Sillaste, Doctor in Philosophy, Professor of Department
of sociology, Financial University;

K.V. Simonov, Cand. Sci. in Political Science, Associate Professor, the
first vice-rector for external communications, Financial University;

A.A. Troshin, Cand. Sci. in Philosophy, Deputy Dean
for master's degree and career guidance of the "Sociology and
Political Science" Faculty, Financial University

EDITORIAL COUNCIL

E.V. Astakhova, Doctor of History, Professor, Rector
of Kharkov University for Humanities "People's Ukrainian Academy"
(Ukraine)

D. Baychun, Doctor, Professor of Beijing Pedagogical University,
director of the Cultural Center of the Sino-Russian
Relations (China)

N.M. Dolgoplov, deputy editor of the "Russian Newspaper", a member
of the Union of Journalists of Russia, a member of the Union of
Writers of Moscow and of the Interregional Union of Writers'
organizations (Russia)

T.M. Calvo Martinez, Doctor, Professor, Director of the Paris
International Institute of Philosophy (Spain)

R. Krumm, director of the Moscow branch of the Friedrich Ebert
Foundation (Russia)

D. Chiesa, Italian journalist and politician, member of the European
Parliament (2004–2009) (Italy)

B. McBride, Doctor, professor, president of the International
Federation of Philosophical Societies (USA)

I. Mamed-Zadeh, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the
Institute of Philosophy, Sociology and Law, National Academy
of Sciences of Azerbaijan (Azerbaijan)

K. Matsuzato, Doctor of Law, Department of Law and Politics,
University of Tokyo (Japan)

A.N. Nysanbaev, Doctor, Professor, Full member of the Academy
of Sciences of Kazakhstan, Director of Science, Institute of Philosophy,
Academy of Sciences of Kazakhstan (Kazakhstan)

D.E. Sorokin, Doctor of Economics, Professor, Science and Research
Coordinator, Corresponding member of the Russian Academy
of Sciences (Russia)

J.-L. Truelle, Doctor, a consultant for the development
of international relations between Russia and CIS countries,
Vice-President of the Association of economists
"Le Cercle Kondratieff", professor of the University of Paris-12
(France)

C. Wilcox, Professor, Department of Government, Georgetown
University, Washington, D.C. U.S.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА: РОЛЬ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА В ПРОЦЕССЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Салин П.Б.

Краткий обзор зарубежного опыта нейтрализации радикальных настроений учащейся молодежи 6

Евгеньева Т.В., Усманова З.Р.

Особенности влияния цифровых коммуникаций на профессиональную культуру
и адаптацию студентов социально-политических специальностей. 12

Заугаров В.В.

Международный опыт использования высшего образования как ресурса «мягкой силы» государства 19

Назарова Н.А., Антонович С.А.

Вопросы государственного стимулирования активности молодежи в сфере науки,
техники и инноваций в Российской Федерации 24

Звягинцева Е.П., Манахова Е.Б.

Создание условий для самомотивации будущих политологов в процессе иноязычного обучения 29

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

Расторгуев С.В.

Основные критерии оценки эффективности исполнения функций
государственной власти в контексте развития гражданского общества 35

Родионова О.В., Сигалов К.Е.

Проблемы эффективности современного социального государства:
общемировые и российские тенденции 43

АКТУАЛЬНЫЕ ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Егорченков Д.А., Данюк Н.С.

Санкции как инструмент принуждения суверенных государств: идеологический аспект 49

Зубец А.Н., Новиков А.В.

О качестве медицинского обслуживания населения
в контексте повышения качества жизни в России. 58

Тюриков А.Г., Разов П.В., Амерсланова А.Н.

Участие потребителей в оценке качества и востребованности образовательных услуг вуза 68

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОГНОЗ

Томас Флиши де ла Невиль

К 2030 г. НАТО трансформируется в глобальную сеть
для сохранения внутренней безопасности. 76

РЕЦЕНЗИИ

Шатилов А.Б.

Рецензия на монографию И.К. Коряковой «США: профсоюзы
и общество в период реконверсии (1945–1948 гг.)» 83

Содержание журнала «Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета» за 2018 г. 85

CONTENTS

COVER STORY: THE ROLE OF THE STATE AND SOCIETY IN THE PROCESS OF POLITICAL AND PROFESSIONAL SOCIALIZATION OF TODAY'S YOUTH

Salin P.B.

A Brief Review of Foreign Experience
in Neutralising Radical Attitudes of Students. 6

Evgenyeva T.V., Usmanova Z.R.

Features of the Impact of Digital Communications on Professional Culture
and Adaptation of Students of Social and Political Specialities 12

Zaugarov V.V.

The International Experience of Using Higher Education
as a Resource of "Soft Power" of the State. 19

Nazarova N.A., Antonovich S.A.

Aspects of State Stimulation of Youth Activity in the Field of Science,
Technology and Innovation in the Russian Federation 24

Zvyagintseva E.P., Manakhova E.B.

Creation of Conditions for Self-Motivation of Future Political Scientists
in the Process of Foreign Language Teaching. 29

FUNDAMENTAL SCIENTIFIC KNOWLEDGE

Rastorguev S.V.

The Main Criteria for Evaluating the Effectiveness of the Functions
of State Power in the Context of the Development of Civil Society 35

Rodionova O.V., Sigalov K.E.

Problems of Efficiency of Modern Social State: Global and Russian Trends. 43

ARGENT APPLIED RESEARCHES

Egorchenkov D.A., Danyuk N.S.

Sanctions as a Tool for the Coercion of States: Ideological Aspect 49

Zubets A.N., Novikov A.V.

About the Quality of Medical Care in the Context
of Improving the Quality of Life in Russia. 58

Tyurikov A.G., Razov P.V., Amerslanova A.N.

Participation of Consumers in Assessing the Quality
and Relevance of Educational Services of the University 68

POLITICAL FORECAST

Thomas Flichy de La Neuville

2030, NATO is Transformed into a Global Network
Dedicated to the Preservation of Homeland Security 76

REVIEWS

Shatilov A.B.

Review of the Monograph of I.K. Koryakova "The USA: Labor Unions
and Society in the Reconversion Period (1945–1948)" 83
Contents of the journal "Humanities and Social Sciences."
Bulletin Of The Financial University" for 2018. 85

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА

Международный
научно-практический журнал
Том 8, № 6 (36), 2018

Главный редактор –

А.Б. Шатилов

Заведующий редакцией
научных журналов –

В.А. Шадрин

Выпускающий редактор –

Ю.М. Анютин

Корректор – **С.Ф. Михайлова**

Верстка – **С.М. Ветров**

Переводчик – **З. Межва**

Адрес редакции:

125993, Москва, ГСП-3,
Ленинградский пр-т, 53, к. 5.6

Тел.: **8 (499) 943-98-02**

E-mail: julia.an@mail.ru

[http://www.fa.ru/dep/jgn/
about/Pages/default.aspx](http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx)

Оформление подписки в редакции

по тел.: **(499) 943-94-59**,
e-mail: ASOstrovskaya@fa.ru;
Островская А.С.

Подписано в печать 23.11.2018

Формат 60 x 84 1/8.

Объем 10,46 усл.п. л.

Заказ № 1143

Отпечатано в Отделе
полиграфии

Финансового университета
(Ленинградский пр-т, д. 51)
© Финансовый университет

Editor-in-Chief – **A.B. Shatilov**

Head of Scientific Journals

Editorial Department –

V.A. Shadrin

Managing editor –

Yu.M. Anyutina

Proofreader – **S.F. Mihaylova**

Design, make up – **S.M. Vetrov**

Translator – **Z. Mierzva**

Editorial address:

53, Leningradsky prospekt, office 5.6
Moscow, 125993

tel.: **+7 (499) 943-98-02**

E-mail: julia.an@mail.ru

[http://www.fa.ru/dep/jgn/
about/Pages/default.aspx](http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx)

Subscription in editorial office

tel.: **+7 (499) 943-94-59**

e-mail: ASOstrovskaya@fa.ru

Signed for press on 23.11.2018

Format 60 x 84 1/8.

Size 10,46 printer sheets.

Order № 1143

Printed by Publishing House
of the Financial University
(51, Leningradsky prospekt)
© Financial University

ТЕМА НОМЕРА: РОЛЬ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА В ПРОЦЕССЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

DOI: 10.26794/2226-7867-2018-8-6-6-11

УДК 32.019.5(045)

КРАТКИЙ ОБЗОР ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА НЕЙТРАЛИЗАЦИИ РАДИКАЛЬНЫХ НАСТРОЕНИЙ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ*

Салин Павел Борисович,

канд. юрид. наук, директор Центра политологических исследований,

старший преподаватель Департамента политологии,

Финансовый университет, Москва, Россия

salpavbor@mail.ru

Аннотация. Актуальность темы обусловлена подверженностью молодежи воздействию радикальных идей в силу того, что представители данной социальной группы еще не заключили социальный контракт с обществом. Особенно это утверждение актуально в отношении молодежи, обучающейся в вузах, которая территориально сконцентрирована в небольших локациях, а также подвержена гораздо меньшему контролю, чем, например, учащиеся школ. Цель данной статьи – сделать краткий обзор зарубежного опыта профилактики экстремистских настроений в среде учащейся молодежи. В статье рассматривается опыт таких европейских стран, как Дания, Австрия, Франция и Великобритания. В Европе в качестве потенциально опасных элементов рассматриваются, прежде всего, носители радикального исламизма, именно в отношении них осуществляется профилактика в учебных заведениях. Однако за редким исключением такая профилактика носит формальный характер и вряд ли может принести системные результаты. На примере Турции и Китая рассматривается иная практика профилактики радикальных настроений, основанная на тотальном охвате профилируемой группы. В первом случае применяются сугубо административные рычаги, во втором – новейшие информационные технологии. В конце статьи автор делает вывод, что европейские методики, которые подходят России в силу похожей структуры общества, менее эффективны. При этом более эффективными следует признать китайские технологии, обратной стороной которых является практически тотальный информационный контроль над обществом с использованием технологий Big Data. Такая картина напоминает структуру общества, описанную в произведениях антиутопистов.

Ключевые слова: студенческая молодежь; радикализм; экстремизм; мигранты; Big Data

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету 2018 г.

A BRIEF REVIEW OF FOREIGN EXPERIENCE IN NEUTRALISING RADICAL ATTITUDES OF STUDENTS**

Pavel B. Salin,

*Cand. Sci. (Law), Director of the Center of Political Studies;
senior lecturer at Department of Political Sciences, Financial University, Moscow, Russia
salpavbor@mail.ru*

Abstract. *The relevance of the topic is due to the exposure of young people to radical ideas because representatives of this social group have not yet signed a social contract with society. This statement is especially true for young people studying in universities, which is geographically concentrated in small locations, and is subject to much less control than, for example, school students. The purpose of this article is to make a brief overview of foreign experience in the prevention of extremist attitudes among students. The article discusses the experience of European countries such as Denmark, Austria, France and the United Kingdom. In Europe, the carriers of radical Islamism are considered as potentially dangerous elements, and it is against them that prevention is carried out in educational institutions. However, with few exceptions, such prevention is formal and unlikely to produce systemic results. On the example of Turkey and China, we consider a different practice of prevention of radical moods, based on the total coverage of the preventable group. In the first case, purely administrative levers are used, in the second – the latest information technology. At the end of the article, the author concludes that European methods, which are suitable for Russia due to a similar structure of society, are less effective. At the same time, Chinese technologies, the reverse side of which is almost total information control over society using Big Data technologies, should be recognised as more effective. This picture resembles the structure of society described in the works of anti-utopians.*

Keywords: *student youth; radicalism; extremism; migrants; Big Data*

Студенческая среда, в силу своей возрастной и социальной природы, весьма открыта к восприятию радикальных идей, реализация которых влечет за собой серьезные деструктивные последствия. Это можно видеть как на примере событий арабской весны, так в современной европейской практике. В России радикализация настроений молодежи также дает о себе знать, правда, пока не выходя за рамки протестной активности, примером чего могут служить акции оппозиции в 2017 г. [1]

Проблеме нейтрализации деструктивных и экстремистских настроений в молодежной среде посвящено значительное количество исследований как отечественных, так и зарубежных специалистов, однако большинство из них сосредоточены на отдельных аспектах проблемы и не предлагают ее комплексных решений [2].

Коллектив авторов Финансового университета в 2018 г. провел исследование, посвященное проблеме профилактики радикальных и экстремистских настроений в студенческой среде.

В его рамках были выполнены следующие работы:

1. Проведение массовых и экспертных исследований текущего состояния радикальных и экстремистских настроений в студенческой среде.

2. Анализ радикальных и экстремистских позиций студенчества с их дифференциацией по идеологическим и социальным основаниям на основе поколенческой теории Х и Y.

3. Анализ отечественных и зарубежных soft-практик по нейтрализации радикализма и экстремистских проявлений в молодежной среде.

4. Разработка теоретико-методологических принципов создания soft-практик по нейтра-

** The article is based on the results of studies carried out at the expense of budget funds on the state task of the Financial University in 2018.

лизации радикализма и экстремизма в молодежной студенческой среде.

5. Разработка классификатора латентных и открытых экстремистских позиций с рекомендациями по «мягкой» профилактике и мировоззренческому «перепрограммированию» их адептов на основе технологий дискурсивного управления, мифодизайна и символической трансформации и продвижения региональных образовательных проектов.

6. Разработка рекомендаций по совершенствованию системы управления политическими предпочтениями на основе технологий дискурсивного управления, мифодизайна и символической трансформации с учетом отечественного и зарубежного опыта.

В данной статье особый упор будет сделан на зарубежном опыте противодействия радикальным и экстремистским настроениям в молодежной среде.

Прежде всего, любопытен анализ европейского опыта, так как Европа столкнулась с проблемой молодежного экстремизма давно, и это стало для нее своеобразным шоком. В итоге в европейских странах наработан достаточно богатый и разносторонний инструментарий для нейтрализации подобных опасных настроений в молодежной среде вообще и в студенческой в частности.

Инструментарий такого противодействия зависит от того, в чем власти европейских стран видят причину тяготения молодежи к экстремизму. В частности, в Дании и Австрии принято считать, что основная причина — это неинтегрированность в общество второго поколения мигрантов, т.е. детей тех, кто приехал в европейские страны на заработки. При этом в двух странах существуют разные практики противодействия экстремизму.

По данным The International Centre for the Study of Radicalisation (ICSR) на 2015 г., в разгар войны в Сирии и Ираке [пик развития террористической группировки «Исламское государство» (признана террористической и запрещена на территории Российской Федерации)] в ближневосточную зону боевых действий отправились 100–150 граждан Дании (<https://icsr.info/2015/01/26/foreign-fighter-total-syriairaq-now-exceeds-20000-surpasses-afghanistan-conflict-1980s/>). Однако с подобным явлением и ростом радикализма в молодежной и студенческой среде

датские власти столкнулись гораздо раньше, чем началась гражданская война в Сирии (<https://icsr.info/2015/01/26/foreign-fighter-total-syriairaq-now-exceeds-20000-surpasses-afghanistan-conflict-1980s/>). В итоге в Дании был опробован инструментарий профилактики экстремистских настроений, который получил условное название «модель Орхуса» (<https://www.thelocal.dk/20150127/denmark-passes-new-anti-radicalisation-plan>).

Строго говоря, речь идет не столько о профилактике самих настроений, сколько о работе с уже имеющимися носителями таких экстремистских настроений, попытках идеологического переубеждения. В центре данной модели — институт наставничества. Опубликованный в Европе кейс касается работы с мигрантом по имени Ахмед, который является выходцем из Сомали, но с шести лет проживает с отцом в Дании.

После хаджа с отцом в Мекку Ахмед стал проявлять экстремистские настроения, что заметили его одноклассники. Сначала окружающие и правоохранительные органы избрали «наступательную» стратегию, де-факто третируя Ахмеда за его взгляды, а полиция провела обыск в его доме. В итоге в результате защитной реакции экстремистские взгляды объекта исследования только усилились, так как он приравнивал неприятие окружающими его точки зрения к оскорблению своей личности. Таким образом, он утвердился в мысли о враждебности внешнего окружения в Дании и еще больше замкнулся в своих радикальных взглядах. Более того, он намеревался поехать с целью получения религиозного образования в Пакистан, что могло закрепить его радикальные взгляды.

На этом этапе датские власти в лице полиции начали использовать методы работы, которые получили название «модель Орхуса», поскольку применялась в Орхусе — пригороде второго по численности населения города страны. В качестве первоочередной меры он был приглашен на собеседование в полицию (важно отметить, что это не был официальный привод и тем более задержание), где ему постарались ненавязчиво разъяснить возможные негативные последствия его поездки в Пакистан. Это не принесло результатов, после чего его познакомили с другим мусульманином, имя которого не раскрывается.

Ахмед пошел на контакт (вероятно, под давлением), но изначально относился к своему новому знакомому весьма негативно, считая того предателем в первую очередь за сотрудничество с полицией. Однако в результате последовательного общения и ненавязчивых бесед нового знакомого с Ахмедом на религиозные и повседневные темы его более взвешенная позиция передалась и Ахмеду. Важно отметить, что при этом он не перестал быть практикующим мусульманином, т.е. продолжал придерживаться обрядовой стороны вероисповедания, но его взгляды стали гораздо более умеренными и компромиссными.

В случае с «моделью Орхуса» используется инструмент индивидуального наставничества. Другой активно применяемый датскими властями инструмент — «горячая телефонная линия», на которую могут позвонить как родственники и знакомые потенциальных экстремистов, заметившие нежелательные изменения в их взглядах и поведении, так и сами потенциальные носители таких настроений. При этом общение на первом этапе происходит максимально анонимно.

В Австрии подход к профилактике экстремистских настроений в среде учащихся более формальный и включает в себя два основных момента. Первый — это встречи представителей некоммерческих организаций, заключивших договоры с властями и учащимися. Во время таких мероприятий проводится мониторинг на предмет склонности учащихся к экстремистским идеям (официально это не афишируется), а случае выявления таких учащихся — мероприятия по профилактике. Второй момент — выступления успешных (интегрированных в австрийское общество) мигрантов перед учащимися. Однако, как видно из вышеописанного, речь об индивидуальном наставничестве, как в случае с «моделью Орхуса», не идет. Также проводятся различные акции в соцсетях, направленные на вовлечение мигрантов в различного рода проекты, стержнем которых является приобщение к австрийской культуре.

Во Франции комплекс мероприятий по профилактике экстремистских настроений в среде учащихся, с одной стороны, похож на опыт Австрии, а с другой — отличается от него. В первую очередь разница заключается в оценке причин, провоцирующих экстре-

мистские настроения. Если в Дании и Австрии принято считать, что причина заключается прежде всего в культурной неукорененности мигрантов (потенциальных носителей экстремистских настроений), то во Франции — в отсутствии у них ощущения справедливости общественного устройства. Соответственно, вся профилактическая работа направлена на преодоление таких стереотипов. В остальном противодействие экстремистским настроениям также сводится к формальным моментам. Так, например, как и в Австрии, французская программа борьбы с экстремизмом предусматривает подготовку образовательных кадров и пособий. С этой целью были выделены средства на подготовку 300 тыс. педагогов-методистов. Для руководителей учебных заведений издаются специальные инструкции, рассказывающие, как распознать в школе группу людей или отдельных учеников, воспринявших экстремистскую идеологию.

Важным моментом французского опыта является программа по борьбе с распространением экстремистских настроений в Интернете. В ее рамках осуществляется обучение потенциальных объектов воздействия радикальных идеологий критическому восприятию информации, распространяемой через Интернет. Также проводится контрпропагандистская работа, направленная на перехват повестки в Интернете у проповедников радикальных настроений.

В Великобритании борьба с радикальными настроениями в среде учащихся выглядит более системной и упорядоченной [3]. Во-первых, в учебных заведениях стоят специальные фильтрационные программы, которые выявляют заходы на подозрительные интернет-ресурсы и сигнализируют о них руководству заведения. С этой целью была проведена масштабная подготовительная работа по составлению алгоритмов выявления таких запросов. При этом вторая составляющая профилактических мероприятий — непосредственные действия — также выглядит формальной, как и в других европейских странах. Например, одним из ее элементов являются лекции исламских богословов, во время которых они пытаются оппонировать их более радикальным «коллегам» по вероисповеданию.

Весьма любопытен, хотя и не оригинален с точки зрения противодействию экстремизму

турецкий опыт. Он имеет несколько особенностей и существенно отличается с содержательной точки зрения от европейского. Главными носителями экстремистских настроений, с точки зрения властей, в стране являются не исламские радикалы, а последователи Фетхуллаха Гюлена. Такую позицию турецкие власти занимали давно, а укрепились в ней после попытки военного переворота летом 2016 г., в которой были обвинены гюленисты.

Дело в том, что, с точки зрения стороннего наблюдателя, данная идеология носит размытый характер и не содержит столь ярко выраженных экстремистских идей, как, например, радикальный исламизм. Она не преследует краткосрочные цели, а направлена на «выращивание» элиты и закрепление ее во всех институтах, оказывающих влияние на общество. Соответственно, значительную роль в проведении такого учения играет именно образовательный процесс. В турецких учебных заведениях сосредоточено наибольшее количество последователей Гюлена.

В данном случае руководство Турции выбрало не эволюционный, а радикальный путь по борьбе с нежелательными элементами. В частности, был проведен масштабный аудит учебных заведений на предмет наличия в них сторонников Гюлена (как среди преподавателей, так и учащихся), после чего они вынуждены были покинуть вузы (некоторые были помещены в тюрьму). Также кардинальным образом были пересмотрены все образовательные программы, выпущены новые учебники и пособия. Задачу турецким властям облегчал тот факт, что до начала 2000-х гг. нынешний турецкий лидер Реджеп Эрдоган поддерживал Гюлена, поэтому власти располагали сведениями о последователях данных идей в учебных заведениях, в которых они в основном сконцентрированы.

В завершение целесообразно рассмотреть опыт Китая, который также последовательно проводит свою линию по борьбе с радикальными настроениями в студенческой среде. Правда, в силу особенностей китайской культуры и политической системы она носит тотальный характер и не сконцентрирована только на вузах или даже на всей системе образования (<https://www.interfax.ru/world/628787>). Опасность для КНР также представляет религиозный экстремизм исламского толка, терри-

ториально сконцентрированный в основном в Синцзянь-Уйгурском автономном районе (СУАР).

Для противодействия таким настроениям китайские власти предпринимают целый комплекс мер, которые носят тотальный характер и выходят за рамки образовательной сферы, хотя и охватывают ее целиком. Во-первых, в регионе происходит «размывание» коренного населения, которое является носителям радикальных настроений, титульной нацией Китая — ханьцами. Реализуется целый комплекс мер, способствующих их переселению в СУАР. Во-вторых, происходит масштабная индустриализация региона, которая призвана вывести уйгурскую молодежь из-под влияния радикалов [4].

Однако наибольший интерес представляет собой программа тотального контроля с помощью современных технических средств, реализуемая на территории СУАР. Она носит название «система социального кредита» и основана на тотальном учете всех действий конкретного гражданина и даже его возможных намерений. Важную роль в этом играют видеокамеры, которые отслеживают практически каждый шаг жителей в городах СУАР. На основе данных видеонаблюдений (такой анализ проводится с помощью компьютерных технологий и системы Big data, но в отношении каждого жителя) и делаются выводы о его благонадежности. В зависимости от этих выводов ему предоставляется «социальный кредит», т.е. возможность пользоваться современными благами цивилизации (вне зависимости от того, кто их предоставляет — государство или частники). Например, те жители, которых сочли ограниченно благонадежными, лишаются возможности приобретать билеты на самолеты. Формально это объясняется тем, что они могут устроить теракт [5].

Подводя итоги, необходимо отметить следующее:

1. Основную угрозу с точки зрения экстремизма и радикальных настроений в зарубежных странах представляет радикальный исламизм, причем это характерно как для европейских стран, так и для Китая.

2. Борьба с экстремистскими настроениями в Европе во многом сводится к формальным моментам за редкими исключениями («модель Орхуса» в Дании) и вряд ли может привести

к значимым результатам. Причина — формирование в Европе в результате урбанизации пост-христианского общества, которое не способно предложить мигрантам во втором поколении (именно они рассматриваются как носители радикальных настроений) такую же простую и убедительную идеологию, объясняющую несправедливость мира и способы ее устранения, как радикальный исламизм [6].

3. Наибольшую эффективность демонстрируют тотальные рецепты борьбы с экстремизмом, причем по своей сути и инструментарию они могут серьезно различаться, но их объединяет всеохватность. Это либо полная люстрация всей страны («зачистка» от гюленистов Турции), либо всеохватывающий контроль на основе последних достижений техники («система социального кредита» в Китае).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гончаров С. Эпоха Мальцевых: как новый популизм работает в России. URL: <http://intersectionproject.eu/ru/article/politics/epoha-malcevyh>.
2. Чурилов С.А., Быкадорова А.С. О противодействии распространению и профилактике радикальных идеологий в молодежной среде. Обзор. *НЦПТИ*. 2016;(8):39–43.
3. Mansel T. How I was de-radicalised. URL: <https://www.bbc.com/news/magazine-33344898>.
4. Морозов Ю.В. Сравнительный анализ борьбы с проявлениями сепаратизма на российском Дальнем Востоке и в Китае. Китай в мировой и региональной политике. *История и современность*. 2014;(19):72–92.
5. Ковачич Л. Большой брат 2.0. Как Китай строит цифровую диктатуру. URL: <http://carnegie.ru/commentary/71546>.
6. Вояковский Д.С. Молодежь и религия: проблема «исламского экстремизма». *Вестник Башкирского университета*. 2009;14(1):273–275.

REFERENCES

1. Goncharov S. Maltsev era: how the new populism works in Russia. URL: <http://intersectionproject.eu/ru/article/politics/epoha-malcevyh>. (In Russ.).
2. Churilov S.A., Bykadorova A.S. About counteraction to distribution and prevention of radical ideologies in the youth environment. Review. *NCPTI*. 2016;(8):39–43. (In Russ.).
3. Mansel T. How I was de-radicalised. URL: <https://www.bbc.com/news/magazine-33344898>.
4. Morozov Yu. V. Comparative analysis of the fight against separatism in the Russian Far East and China. China in the world and regional politics. *History and modernity*. 2014;(19):72–92. (In Russ.).
5. Kovachich L. Big brother 2.0. How China is building a digital dictatorship. URL: <http://carnegie.ru/commentary/71546>. (In Russ.).
6. Voyakovskii D. S. Youth and religion: the problem of “Islamic extremism”. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. 2009;14(1):273–275. (In Russ.).

DOI: 10.26794/2226-7867-2018-8-6-12-18

УДК 316.776(045)

ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ ЦИФРОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ КУЛЬТУРУ И АДАПТАЦИЮ СТУДЕНТОВ СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ*

Евгеньева Татьяна Васильевна,

канд. ист. наук, профессор Департамента политологии

и массовых коммуникаций, Финансовый университет;

доцент кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ

им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

etv133@mail.ru

Усманова Заира Романовна,

канд. полит. наук, доцент Департамента политологии и массовых коммуникаций,

Финансовый университет, Москва, Россия

ZRUsmanova@fa.ru

Аннотация. В статье представлены результаты исследования влияния коммуникации в интернет-пространстве, в том числе в социальных сетях, на формирование профессиональной культуры абитуриентов и студентов специальностей политического, экономического и управленческого профилей подготовки, а также на профессиональную адаптацию молодых специалистов, приступивших к работе сразу после окончания обучения в вузе. Под профессиональной культурой студенческой молодежи в рамках предмета исследования понималась совокупность устойчивых ценностей, норм, установок и стратегий поведения, формирующаяся преимущественно в цифровой среде в процессе выбора профессии, обретения профессиональных компетенций студентом в вузе и сопровождения карьеры молодого специалиста. Под адаптацией молодых специалистов подразумевается процесс формирования в их сознании представлений о конкретной профессии через становление образа профессионала; идентификация с профессиональной группой, а также реализация установки на вхождение в профессиональное сообщество. С помощью сочетания количественных и качественных методов исследования авторами выявлены и классифицированы деструктивные и конструктивные особенности влияния цифровых коммуникаций на указанные феномены. При этом обращение вектора влияния в область деструкции обусловлено негативацией факторов цифровой среды, способных катализировать регрессивные формы профессиональной адаптации. Соответственно, обращение вектора влияния в конструктивную область обусловлено позитивацией факторов цифровой среды, что достигается благодаря целенаправленному развитию цифровых компетенций на всех уровнях образования. В качестве выводов и рекомендаций в статье предложены методы и приемы, позволяющие реализовать антидеструктивные иммунитеты в цифровой среде.

Ключевые слова: цифровая коммуникация; цифровые компетенции; профессиональная культура; профессиональная адаптация; критическое мышление; антидеструктивный иммунитет.

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету в 2018 г.

FEATURES OF THE IMPACT OF DIGITAL COMMUNICATIONS ON PROFESSIONAL CULTURE AND ADAPTATION OF STUDENTS OF SOCIAL AND POLITICAL SPECIALITIES**

Tatiana V. Evgenyeva,

Cand. Sci. (History), Associate Professor, Department of Political Sociology and Psychology, Political Science Faculty, Lomonosov Moscow State University; Professor, Department of Political Science and Mass Communication, Sociology and Political Science Faculty, Financial University, Moscow, Russia
etv133@mail.ru

Zaira R. Usmanova,

Cand. Sci. (Politics), Associate Professor, Department of Political Science and Mass Communication, Sociology and Political Science Faculty, Financial University, Moscow, Russia
ZRUsmanova@fa.ru

Abstract. *The article presents the results of the study of the impact of Internet communication, including social networks, on the formation of the professional culture of applicants and students of political, economic and managerial educational profiles, as well as a professional adaptation of young professionals who started work immediately after graduation from high school. The professional culture of students as the subject of the research we understood as a set of sustainable values, norms, attitudes and behavioural strategies that emerge mainly in the digital environment in the process of choosing a profession, gaining professional competencies by a student at a university, and supporting a career as a young specialist. The adaptation of young professionals is the process of forming of the ideas of their mind about a particular profession through the formation of the image of a professional, identification with a professional group, as well as the implementation of the installation on entering the professional community. Using a combination of quantitative and qualitative research methods, we identified and classified destructive and design features of the influence of digital communications on these phenomena. The vector of influence in the area of destruction is caused by the negative factors of the digital environment that can catalyse the regressive forms of professional adaptation. Accordingly, the influence of the vector of influence in the constructive area is due to the positive factors of the digital environment achieved through the targeted development of digital competencies at all levels of education. In conclusions and recommendations, the article suggests methods and techniques for implementing anti-destructive immunities in the digital environment.*

Keywords: *digital communication; digital competence; professional culture; professional adaptation; critical thinking; anti-destructive immunity*

Развитие высшей школы в современной России демонстрирует направленность на подготовку высокопрофессиональных кадров, готовых сразу же по окончании обучения приступить к сложной профессиональной деятельности. Это стимулирует учреждения высшего образования активно включаться в процесс формирования профессионального сознания и профессиональной культуры своих студентов. Навыки, необходимые специалисту для конкурентоспособности на современном глобальном рынке трудоустройства, постоянно меняются и все чаще требуют обладания цифровыми компетенциями. При этом перед научно-педагогическим сообществом и исследова-

телями во всем мире встает вопрос о содержании цифровых компетенций, характеристиках цифровых навыков и умений, приемах и методах их формирования у студентов. Дискуссионной остается и проблема выбора стратегии обучения между нацеленной на тотальную доступность цифровой среды в образовательном процессе или, напротив, на применение мер по ограничению онлайн-активности обучающихся.

В настоящее время исследовательское сообщество разделилось на «кибероптимистов», рассматривающих цифровую среду как фактор, расширяющий возможности в сфере формирования профессиональной культуры, и «киберпессимистов», отмечающих пагубное воздействие

** The article is based on the results of studies carried out at the expense of budget funds on the state task of the Financial University in 2018.

коммуникации в глобальной сети на профессиональные траектории молодежи [1–7]. Но и те и другие едины в том, что признают неизбежность влияния цифровых коммуникаций на формирование профессиональной культуры и профессиональную адаптацию молодежи. Проблеме исследования влияния цифровых коммуникаций (как деструктивного, так и конструктивного) на профессиональную культуру и адаптацию студентов социально-политических специальностей посвящено исследование, проведенное коллективом ученых Финуниверситета в мае — октябре 2018 г.

Профессиональная адаптация молодежи происходит путем формирования в их сознании представлений о конкретной профессии через становление образа профессионала — члена профессиональной группы. Эти представления, приобретая ценностное значение для молодого человека, становятся фундаментальными факторами профессионального выбора и формирования установки на вхождение в профессиональное сообщество. Чувство идентификации с профессиональным сообществом способствует наилучшему прохождению этапа адаптации и становлению профессионального мировоззрения молодого человека. В случае, когда данная идентификация не формируется, актуализируются настроения неудовлетворенности, проецируемые как на выбранную профессию, так и на общество в целом или его конкретный сегмент. В результате зарождается негативная идентификация, которая может оказать деструктивное влияние на поведенческие практики молодого человека, в том числе на профессиональный выбор.

Исследования роли средств массовой коммуникации в формировании и тиражировании образов показывают, как представления о внешнем мире, недоступном непосредственному опыту аудитории, поступая в ее сознание через СМК, делают процесс конструирования образов в значительной мере управляемым [8–11]. В связи с этим особенно актуально выявить, каково влияние цифровой коммуникации на формирование профессиональной культуры молодежи и какой вектор этого влияния актуализируется под воздействием различных факторов.

Методология исследования. Исследование построено на сочетании количественных и качественных методов прикладного анализа и включает:

1. *Массовый всероссийский опрос* молодежи в формате онлайн-анкетирования, нацеленный

на определение наиболее значимых каналов, форматов интернет-контента, технологий его поиска, связанных с профессиональным образованием. Выборка составила 1500 респондентов и была репрезентативна по полу, возрасту, гендерной и территориальной принадлежностям. Ошибка выборки составила не более 3%.

2. *Экспертное интервью*, нацеленное на получение данных о состоянии, тенденциях, перспективах влияния цифровизации образования на формирование профессиональной культуры молодежи в процессе развития профессиональных компетенций. Объем выборочной совокупности составил 15 экспертов.

3. *Холл-тестирование*, нацеленное на анализ влияния цифровизации образования, на критическое мышление российской молодежи, умение ее представителей дифференцировать цифровые продукты, оценивать их адекватность, полноту, объективность. Объем выборочной совокупности составил 90 респондентов, разделенных по циклам формирования профессиональной культуры: 30 старшеклассников (15–17 лет), находящихся на этапе профессионального выбора; 30 студентов (17–23 лет), находящихся на этапе приобретения профессиональных компетенций; 30 выпускников бакалавриата (22–24 лет), находящихся на этапе профессионального становления.

Целью исследования стало выявление эффектов цифровизации образования на этапах выбора профессии, обретения профессиональных компетенций и сопровождения карьеры студента в вузе и анализ факторов цифровой среды, детерминирующих обнаруженные эффекты. Результатом исследования явилась программа рекомендаций, направленных на оптимизацию применения цифровых технологий для формирования устойчивой профессиональной культуры и высокой адаптивности студентов социально-политических специальностей с учетом требований современного рынка труда.

Результаты исследования. По результатам **массового онлайн-опроса** были выявлены наиболее востребованные молодежью интернет-ресурсы, способные оказать влияние на формирование профессиональных компетенций (табл. 1). При этом характер влияния (негативный или позитивный) зависит от цели обращения к интернет-источникам. Если молодой человек ищет образовательную или профессиональную информацию, то определенный ресурс, например социальная сеть или видеохостинг, может

Таблица 1 / Table 1

Интернет-ресурсы, оказывающие влияние на формирование профессиональных компетенций молодежи / Internet resources that influence the formation of professional competencies of young people

Способствуют формированию профессиональных компетенций	Препятствуют формированию профессиональных компетенций
– Информационные сайты, в том числе онлайн-СМИ (РБК, Медуза, Repablik, Эхо Москвы и др.); – социальные сети и видеохостинги, предлагающие профессиональную информацию, обучение (Facebook, ВКонтакте, Инстаграм, YouTube); – сайты университетов; – профессиональные сети (LinkedIn); – мессенджеры (Telegram, Viber); – электронные энциклопедии (Wikipedia); – образовательный контент, онлайн-образование и др. (https://www.wikimedia.org; https://arzamas.academy); – научные электронные библиотеки (https://elibrary.ru; www.dissercat.com; www.rsl.ru); – интернет-ресурсы по развитию востребованных навыков (https://www.coursera.org); – интернет-платформа для предпринимателей (https://dasreda.ru); – проектные онлайн-платформы (https://github.com; http://www.pbworks.com); – обучение, обмен знаниями для построения карьеры (https://stackoverflow.com); – электронные базы резюме и вакансий и современные сервисы для поиска работы и персонала (https://hh.ru; www.superjob.ru); – профессиональные форумы; – онлайн-мастер-классы (www.masterclass.com); – онлайн-видеокурсы (www.udemy.com; https://javarush.ru)	– Социальные сети (YouTube, Facebook, instagramm.com, ВКонтакте, Одноклассники), а именно конкретные аккаунты, распространяющие деструктивный контент, экстремистские идеи, либо группы развлекательного типа и блоги; – мессенджеры и приложения (Telegram, Instagram), при условии, что они распространяют деструктивный контент либо значительно отвлекают от продуктивных форм деятельности; – сайты, предлагающие онлайн-образование, в том случае, если оно низкого качества; – форумы и сайты, предлагающие «легкое» решение образовательных задач (например, готовые ответы на тесты, контрольные работы, готовые или изготавливаемые на заказ рефераты, курсовые и дипломные работы); – онлайн-игры; – живой журнал; – блоги (блоги звезд); – развлекательные сайты (http://tnt-online.ru; www.comedyclub.ru); – сайты знакомств и общения (https://www.mamba.ru); – интернет-магазины

оказать конструктивное влияние, в то время как обращение к развлекательной информации дает обратный эффект. Подавляющее большинство респондентов трех возрастных групп продемонстрировало преобладание развлекательных целей интернет-потребления, но вес профессиональных целей возрастал от 5–7% у школьников до 35–45% у молодых специалистов.

По результатам **экспертного интервью** было выявлено, что большинство экспертов относятся к влиянию цифровых коммуникаций неоднозначно, выделяя как положительные, так отрицательные эффекты. Причем одни и те же факторы цифровой среды могут оказать как конструктивное, так и деструктивное влияние на становление профессиональных компетенций, представлений и ценностей (табл. 2).

Характеризуя вектор влияния цифровой коммуникации на формирование профессиональной

культуры молодежи, эксперты классифицируют интернет-ресурсы, исходя из ценности информационного содержания и соображений полезности для интеллектуального развития. В целом эксперты считают, что интенсивное применение цифровых технологий в процессе формирования профессиональных компетенций, стимулирование образовательными учреждениями и профессиональными сообществами развития критического мышления и цифровых навыков у молодежи влечет за собой добровольную и прогрессивную стратегию профессиональной адаптации, формирует антидеструктивные имунитеты. В то же время игнорирование применения цифровых технологий в образовательном процессе, отсутствие деятельности образовательных учреждений в области формирования у обучающихся цифровых компетенций влечет за собой регрессивную стратегию профессиональ-

Таблица 2 / Table 2

Влияние факторов цифровизации на формирование профессиональной культуры и адаптации молодежи / Influence of factors of digitalisation on the formation of professional culture and adaptation of youth

Фактор цифровой среды	Конструктивное влияние	Деструктивное влияние
Доступ к массивам информации	Упрощает процесс поиска, обработки и анализа информации, а также дальнейшее ее применение на практике	Снижает способности молодежи системно и самостоятельно мыслить, ограничивает критическое мышление
Скорость информационного обмена	Обеспечивает ультравысокую скорость обмена информацией	Приводит к поверхностному взаимодействию между работниками
Информационный плюрализм	Обеспечивает разнообразие информационных источников, способствует развитию интеллектуальной гибкости	Мешает объективно оценивать контекст коммуникаций, создает сложности с однозначной интерпретацией данных
Технологичность процесса размещения, распространения, хранения, обмена информации	Способствует коммуникативной мобильности, повышению коэффициента производительности труда	Порождает торопливость при принятии решений и стимулирует нездоровую конкуренцию в профессиональной среде
Эффективность цифровых коммуникаций	Способствует высокой результативности профессиональных коммуникаций, снижению ошибок и сбоев	Характер профессиональных коммуникаций становится более поверхностным в сравнении с коммуникацией без использования ИКТ

ной адаптации, отсутствие умений управления рисками в цифровой среде.

Таким образом, отрицательные эффекты влияния цифровых коммуникаций, указанные экспертами, можно классифицировать на 5 типов:

1. Эффект когнитивной редукции. Состоит в некритическом отношении к интернет-контенту; отсутствии навыка отбора качественной и достоверной информации в глобальной сети; неспособности к работе с большими массивами данных; явлении информационной перегрузки; усложнении поиска данных, релевантных задачам; формировании фрагментарности сознания; несистемности видения явлений (феномене концентрации внимания на деталях в ущерб видения общей картины).

2. Эффект цифрового алармизма и игромании. Проявляется в несформированности навыков управления рисками интернет-коммуникации; подверженности манипуляции массовым сознанием в новых медиа; явлении перевода фокуса внимания в виртуальную среду и уходе от объективной реальности; отрицательном влиянии платных онлайн-курсов низкого качества; негативном эффекте распространения псевдонаучных

знаний и сложности их верификации; онлайн-игровой зависимости и неспособности отличить реальность от виртуального пространства.

3. Эффект коммуникативной деструкции. Состоит в потере навыков межличностных деловых коммуникаций; снижении авторитетности и понимания служебной иерархии; снижении глубины коммуникации и неразвитости эмоционального интеллекта.

4. Эффект атрофии профессиональной среды, норм и ценностей. Заключается в неспособности к выстраиванию долгосрочных отношений в профессиональной сфере; пустой трате рабочего времени в социальных сетях.

5. Эффект навязывания «цифровизации» как неизбежного феномена. Состоит в обязательном требовании использования новых современных гаджетов, программного обеспечения и т.д. как элемента престижа работника в организации; подмене истинных профессиональных качеств владением новейшими цифровыми инструментами.

В свою очередь, положительные эффекты влияния цифровых коммуникаций, указанные экспертами, можно классифицировать на 4 типа:

1. Эффект от доступа к широким базам данных. Состоит в выработке уникальных способностей к поиску, обработке и анализу информации благодаря развитию информационных технологий, поисковых программ и, следовательно, большей эффективности и конкурентоспособности молодежи на рынке труда в сравнении со старшими поколениями.

2. Эффект коммуникативной мобильности. Связан с возможностью повышения профессиональной культуры молодежи ввиду способности молодых людей постоянно быть на связи, быстро реагировать на рабочие задачи; повышением коэффициента производительности труда; использованием коммуникативных технологий в HR-сфере.

3. Эффект стимулирования интеллектуальной гибкости и готовности к проектному мышлению. Связан с использованием мобильных интернет-технологий, гаджетов и виртуальной реальности для выработки креативного мышления и повышения творческих способностей.

4. Эффект цифровой компетентности. Состоит в повышенной готовности молодежи к использованию цифровых технологий, специального программного обеспечения в образовании и профессиональной сфере.

По результатам **холл-теста** удалось подтвердить и качественно углубить экспертные заключения. Исследование уровней критического мышления молодежи в момент восприятия продуктов цифровых коммуникаций базировалось на определении критического мышления как сложного процесса, включающего цепочку мыслительных операций, характеризующихся критичностью восприятия, способностью к рефлексии, развитостью когнитивных процессов. Эти критерии характеризуют различные уровни развития способности критически оценить найденный в сети материал, в том числе сегментировать его по типу поставленных в тесте задач информационного поиска. Было выявлено три уровня:

1. Высокий уровень сформированности критического мышления характеризуется наличием компетенции, связанной со способностью аккумулировать данные об интернет-ресурсах и систематизировать поиск информационных платформ, содержащих необходимые данные; навыком идентификации критериев достоверной и недостоверной информации, валидных и невалидных, социально-значимых и незначимых сетевых ресурсов, а также умением конструктив-

но применять потенциал новых медиа в поиске нужной информации.

2. Средний уровень сформированности критического мышления заключается в умеренном развитии компетенции, связанной с систематизацией способов поиска нужной информации и определения ее достоверности; ориентированностью в основном на популярные интернет-ресурсы, предопределяющие неспособность самостоятельного и осознанного отбора нужной информации; принятии решений о выборе источника информации на основе эмоциональной оценки или влияния мнимого авторитета.

3. Низкий уровень сформированности критического мышления связан с неспособностью дифференцировать цифровые медийные продукты по типу задач; применением в процессе поиска информации узкого круга интернет-ресурсов и преимущественным использованием информации, извлеченной из социальных медиа; незнанием пула интернет-ресурсов, содержащих специальную информацию; узостью тезауруса; полной зависимостью от гаджетов, а также поверхностными знаниями об основных образовательных и профессиональных онлайн-площадках.

Выводы и рекомендации. Таким образом, выявленные особенности влияния цифровых коммуникаций на профессиональную культуру будущих политологов и специалистов-гуманитариев в целом можно разделить на конструктивные и деструктивные. С большой долей вероятности, преодоление деструктивного влияния цифровизации на формирование профессиональной культуры российской молодежи связано с реализацией следующих методов развития антидеструктивных иммунитетов в цифровой среде:

1. Повышение коммуникативной грамотности в цифровой среде школьников и студентов в рамках учебного процесса.

2. Укрепление цифровой грамотности школьников и студентов за счет их обучения активному использованию профессиональных программных продуктов для освоения выбранной профессии. Формирование способности к критическому мышлению и обучению технологии дифференциации медиапродуктов по степени достоверности, качества и значимости. Дальнейшее развитие интерактивных форм образовательного процесса и практико-ориентированных технологий обучения с целью выработки навыков работы в цифровой среде.

3. Осуществление конкретных **методов коррекции деструкций**, которые следует применять при приеме на работу молодых специалистов или специалистов, впервые начавших работать в определенной профессии.

4. Постоянное **создание альтернативы деструктивным аккаунтам** (организация профессиональных сетевых ассоциаций и сообществ, позволяющих помочь адаптироваться молодым специалистам и т.д.).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Саенко Л.А., Егоров М.В. Сетевое общество в контексте современных социальных трансформаций. *Дискуссия*. 2014;7(48):88–92.
2. Шевченко Г.И., Брынза С.Ю. Этапы становления, динамика и перспективы развития сетевых сообществ в образовательном пространстве. *Kant*. 2016;4(21):69–73.
3. Кузьмин Р.И., Макарова Л.Н. Использование современных интернет-технологий для разработки концепции и структуры сайта «Критическое мышление преподавателей и студентов». *Вестник ТГУ*. 2013;12(128):151–163.
4. Каменский Е.Г., Гримов О.А. Сетевые сообщества в социальных сетях как фактор развития личностной субъектности. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. 2014;2(34):62–67.
5. Горбачёв Н.Н. Методы развития учебно-методического контента на основе совместной (коллаборативной) работы сетевых сообществ. *Образование через всю жизнь: непрерывное образование в интересах устойчивого развития*. 2012;(2):240–241.
6. Сергеев А.Н. Обучение в сетевых сообществах Интернета как направление информатизации образования. *Известия ВГПУ*. 2011;(8):73–77.
7. Травкин И.Ю. Неформальное образование в Интернет: от сетевых сообществ к массовым открытым онлайн-курсам. *ОТО*. 2015;(2):441–471.
8. McLuhan M. Myth and Mass Media. *Daedalus*. 1959;88(2).
9. Hesse P., Mack J. The World is a Dangerous Place: Images of the Enemy on Children's Television. *The Psychology of War and Peace*. New York; 1991.
10. Gerbner G. The Image of Russians in American Media and the "New Epoch". *Beyond the Cold War. Soviet and American Media Images*. Newbury Park; 1991.
11. Dower J.W. War Without Mercy: Race and Power in the Pacific War. New York; 1986.

REFERENCES

1. Saenko L. A., Egorov M. V. Network society in the context of modern social transformations. *Diskussiya*. 2014;7(48):88–92. (In Russ.).
2. Shevchenko G. I., Brynza S. Yu. Stages of formation, dynamics and prospects of development of network communities in the educational space. *Kant*. 2016;4(21):69–73. (In Russ.).
3. Kuzmin R. I., Makarova L. N. The use of modern Internet technologies to develop the concept and structure of the site "Critical thinking of teachers and students". *Vestnik TGU*. 2013;12(128):151–163. (In Russ.).
4. Kamensky E. G., Grimov O. A. Network communities in social networks as a factor of personal subjectivity development. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki*. 2014;2(34):62–67. (In Russ.).
5. Gorbachev N. N. Methods of development of educational and methodical content by joint (collaborative) work of network communities. *Obrazovanie cherez vsyu zhizn': nepreryvnoe obrazovanie v interesakh ustoichivogo razvitiya*. 2012;(2):240–241. (In Russ.).
6. Sergeev A. N. Education in the internet network communities as a direction of informatisation of education. *Izvestiya VGPU*. 2011;(8):73–77. (In Russ.).
7. Travkin I. Yu. Non-formal education on the Internet: from online communities to massive open online courses. *OTO*. 2015;(2): 441–471. (In Russ.).
8. McLuhan M. Myth and Mass Media. *Daedalus*. 1959;2(88):339–348.
9. Hesse P., Mack J. The World of a Dangerous Place: Images of the Enemy on Children Television. *The Psychology of War and Peace*. New York; 1991.
10. Gerbner G. Beat the Cold War. *Soviet and American Media Images*. Newbury Park; 1991.
11. Dower J. W. War Without Mercy: Race and Power in the Pacific War. New York; 1986.

DOI: 10.26794/2226-7867-2018-8-6-19-23
УДК 378(045)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК РЕСУРСА «МЯГКОЙ СИЛЫ» ГОСУДАРСТВА*

Заугаров Виктор Валерьевич,

советник при ректорате, Финансовый университет, Москва, Россия
VVZaugarov@fa.ru

Аннотация. Актуальность темы обусловлена обострившимся противостоянием между ведущими государствами на мировой арене, которое происходит не только в силовой и дипломатической сферах, но и в области использования политики «мягкой силы». Важнейшую роль в этом играет университетское образование, которое направлено на перспективную молодежь с еще не устоявшимися ценностными установками. Статья посвящена анализу международного опыта использования высшего образования как внешнеполитического ресурса государства. Сформулированы ключевые причины для его применения в качестве такого инструмента. В частности, удобство использования такого инструментария объясняется скрытностью его воздействия, возможностью наполнить образовательные программы идеологическими компонентами при декларируемой деидеологизации образовательного процесса, а также возможностью работать «вдолгую» с наиболее перспективными кадрами.

Указано, что объектами такой образовательной политики являются две целевые группы. Первая – наиболее перспективные кадры, которые после окончания учебы остаются в стране обучения, пополняя академическую и исследовательскую обойму ведущих вузов, в которых обучаются, либо трудоустраивающиеся в крупных частных и государственных организациях как высококвалифицированные специалисты. Вторая – студенты, которые возвращаются в пославшие их на обучение страны, где становятся проводниками заложенных в них при обучении мировоззренческих установок. Также в статье рассматривается инструментарий воздействия на целевые группы, к которому прежде всего относятся грантовые программы, организация студенческих и преподавательских обменов, делегирование преподавателей для чтения лекций, проведение совместных образовательных и исследовательских проектов, а также финансирование выпуска учебной и научно-исследовательской литературы, написанной в необходимом идеологическом ключе.

Ключевые слова: студенческая молодежь; «мягкая сила»; высшее образование; гуманитарное сотрудничество; кадровый резерв

THE INTERNATIONAL EXPERIENCE OF USING HIGHER EDUCATION AS A RESOURCE OF “SOFT POWER” OF THE STATE**

Viktor V. Zaugarov,

Advisor to the Rector of the Financial University, Moscow, Russia
VVZaugarov@fa.ru

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета 2018 г.

** The article based on the results of studies carried out at the expense of budget funds on the state task of the financial University in 2018.

Abstract. *The article analyses the international experience of using higher education as a foreign policy resource of the state. The relevance of the topic is due to the intensified confrontation between the leading States on the world stage, which occurs not only in the power and diplomatic spheres but also in the use of the policy of “soft power”. Here, university education aimed at promising young people with not yet established values play the most important role. The author formulated the key reasons for its application as such a tool. In particular, the ease of use of such tools is explained by the secrecy of its impact, the ability to fill educational programs with ideological components in the declared de-ideologization of the educational process, as well as the ability to work ‘long’ with the most promising personnel. The author indicated that the objects of such educational policy are two target groups. The first – the most promising staff, who after graduation remain in the country of study, replenishing academic and research staff of the leading universities, which are trained or employed in large private and public organisations as highly qualified specialists. The second – the students who return to the countries that sent them to study, where they become conductors of the ideological settings set in them. The article also discusses the tools of impact on target groups, which primarily include grant programs, an organisation of student and teacher exchanges, a delegation of teachers to give lectures, joint educational and research projects, as well as funding the production of educational and research literature written in the necessary ideological key.*

Keywords: *student youth; “soft power”; higher education; humanitarian cooperation; personnel reserve*

Важную роль в реализации курса «мягкой силы» современных государств играет их образовательная политика [1]. Причин тому несколько.

Во-первых, с учетом «гуманитарности» сферы образования ее использование в политических целях является максимально закамуфлированным. Современные развитые государства мира выстраивают свою образовательную политику таким образом, чтобы иметь возможность прикрыть ее так называемую закрытую сторону ссылками на традиции просвещения, гуманитарное право, решения международных инстанций и т.п.

Во-вторых, образовательная политика современных стран имеет внутри- и внешнеполитическую составляющую, т.е. охватывает практически все стороны деятельности государства. Справедливости ради стоит отметить, что проводить эффективную и масштабную внешнеполитическую образовательную линию могут преимущественно лишь крупные развитые страны, мировые и континентальные лидеры, например США, Евросоюз, Китай, Российская Федерация, отчасти Япония и Австралия [2]. Только эти страны обладают необходимым ресурсным потенциалом (финансы, инфраструктура, культурные и научные школы, образовательные методики и пр.) для полноценной международной образовательной деятельности.

В-третьих, несмотря на декларируемую практически всеми странами мира деидеологизацию сферы образования и науки, эти области после

окончания холодной войны не перестали быть объектами целенаправленного идеологического и культурно-мировоззренческого воздействия. Наоборот, трансляция мировоззренческих приоритетов и ценностных ориентаций заинтересованными сторонами в последние почти три десятилетия только усилилась. Иными словами, при своей видимой безобидности и позитивности образование и наука весьма эффективно и комплексно воздействуют на подсознание людей, фактически формируя их жизненную позицию.

В-четвертых, образовательная политика современных мировых и региональных держав имеет очень значимый кадровый подтекст. Современное высшее образование — это уже не только и не столько подготовка кадров для народного хозяйства, но также и их селекция, воспитание и верификация лояльности, формирование кадрового резерва [3].

В-пятых, в системе образования все большее и определяющее значение приобретает корпоративная составляющая. Выпускники вузов чаще всего в той или иной степени сохраняют свою привязанность к *Alma Mater*, ориентированы на ее традиции, создают сообщества (формальные и неформальные), в основе которых лежит принадлежность к тому или иному университету или институту. Такого рода взаимосвязи в условиях тотального распространения Интернета и социальных сетей также учитываются в проведении политики «мягкой силы» в области образования [4].

В-шестых, современное образование практически утратило свою прежнюю обособленность и автономность. Политические и экономические реалии современности заставляют образовательные учреждения выстраивать систему внешних контактов и общественных связей. Университеты XXI в. плотно взаимодействуют с бизнесом, СМИ, органами государственной власти и управления, общественными организациями и реализуют с ними совместные проекты. Соответственно, объективная реальность влечет фактическую необходимость выстраивания изначального стратегического партнерства образовательных учреждений с потенциальными работодателями [5].

В-седьмых, на базе современных университетов ведутся весьма продуктивные, инновационные и стратегически значимые НИР и НИОКР, к которым можно получить доступ в ходе реализации совместных проектов [6].

В-восьмых, современное образование имеет существенную коммерческую составляющую. Это касается как государственных и бизнес-инвестиций в его развитие, так и коммерческого обучения студентов. Соответственно, активность развитых государств мира в продвижении своих образовательных приоритетов имеет не только политическое, но также и экономическое основание.

На кого же направлена образовательная политика ведущих государств мира на внешнем контуре?

Во-первых, речь идет о наиболее перспективных преподавателях, исследователях и студентах из стран мировой периферии, которых развитые государства за счет своего мощного ресурсного потенциала стремятся «переманить» на свою сторону, привлечь в свои проекты, интегрировать в свое академическое сообщество. Такого рода персонам предлагается целая система бонусов, которая включает:

- специальную высокую оплату труда или повышенную стипендию;
- возможность получения «привлекательного» гражданства и перспективного места для проживания со своей семьей и в будущем со своими близкими родственниками;
- инвестирование средств в их образовательные и научно-исследовательские проекты;
- предоставление инфраструктуры и технологий для проведения НИР и НИОКР;

- доступ к имеющейся эксклюзивной образовательной и научной информации (библиотеки, базы данных, экспертные опросы и пр.);
- возможность быстрой карьеры и признания профессиональным сообществом.

С этой целью ведущими государствами мира, во-первых, ведется последовательная селекция студентов, преподавателей и исследователей из зарубежных вузов для выявления наиболее перспективных кадров, которые потом будут интегрированы в их академическое сообщество. Особенно интенсивно подобный отбор проводят такие страны, как США, Франция, Германия, КНР, в меньшей степени Великобритания.

Во-вторых, помимо селекции кандидатов в академическую элиту ведущими государствами мира ведется работа также с менее «продвинутой» частью зарубежного образовательного сообщества [7]. Прежде всего, это касается студентов-иностранцев, приезжающих для обучения в передовые страны. Здесь смысл работы с контингентом уже иной, поскольку «гении» уже отобраны на первой стадии. В этом случае студенты-иностранцы рассматриваются как своего рода «каналы влияния», способные воспринять ценностные и политические приоритеты страны-донора и затем перенести их на свою почву. Поэтому в такой среде принимающая сторона не поощряет стремления к эмиграции и, напротив, делает все возможное, чтобы выпускники-иностранцы возвращались обратно на родину. С учетом их дальнейшего карьерного роста они могут создать мощную группу поддержки той страны, которая дала им образование. Фактически наряду с тем вузом, который они окончили, в качестве *Alma Mater* ими будет восприниматься и принимающее государство. В частности, такую стратегию в отношении стран третьего мира активно продвигает целый ряд западных государств, особенно постколониальных. Более того, при помощи такой политики они сохраняют влияние не только на образовательные системы своих бывших колоний, но также и на формирование их элит. В таком ключе, например, действует Великобритания в рамках Британского содружества, Франция в отношении франкофонных стран Африки, Австралия в отношении ЮВА и Океании.

В-третьих, образовательная политика ведущих государств мира (в начале XXI в. — преимущественно развитых стран Запада) направлена также на распространение своих идеологических

и мировоззренческих постулатов во внешней среде. Однако в современных условиях прямолинейное продвижение идеологических установок на территории других стран неизбежно повлечет за собой противодействие со стороны местных элит, а в некоторых случаях вообще будет рассматриваться как открытое вмешательство во внутренние дела. Поэтому в качестве мягкого идеологического предложения зачастую используются на первый взгляд «неполитические» образовательные каналы. При этом объектом воздействия становятся, с одной стороны, студенты, которые, как показывает практика последних 20 лет, очень часто являются основной ударной силой цветных революций, а с другой — профессорско-преподавательский состав как основная формирующая сила. В последнем случае учитывается традиционно фрондерское, либерально-оппозиционное отношение значительной части вузовской интеллигенции.

Методы воздействия при этом варианте опять же могут быть разнообразными:

- Работа с вузами-реципиентами по линии политизированных неправительственных организаций. В этом плане серьезную активность проявляет Германия, которая стремится использовать в своей внешней образовательной политике различного рода фонды и аналитические структуры (например, «либеральный» Фонд Науманна, «социал-демократический» Фонд Эберта, «левый» Фонд Розы Люксембург).

- Проведение для преподавателей и студентов из стран — объектов образовательной и политической экспансии различного рода форумов, летних школ, лекториев и пр. В 1990–2000-х гг. особую активность на данном направлении развивали структуры, близкие к Фонду Джорджа Сороса (Институт «Открытое общество», Центрально-Европейский университет и пр.).

- Предоставление грантов под исследование политизированной тематики (опять же Фонд Сороса, Фонд Форда, Фонд Макартуров, Фонд Карнеги и др.). Так, Джордж Сорос, создавая в 1990 г. центрально-европейское отделение Фонда «Открытое общество», заявил: «Я хочу научить российское правительство заботиться о собственном народе. На 1990 г. я выделил 12 млн долл. На второй и третий годы вложу половину и четверть этой суммы соответственно. Но только в том случае, если остальные деньги доведет российская сторона» [8].

- Финансирование выпуска учебной и научно-исследовательской литературы, написанной в определенном идеологическом ключе.

- Организация студенческих и преподавательских обменов с целью демонстрации преимуществ политического и социально-экономического развития государств-доноров (Британский Совет, Германская служба академических обменов DAAD и др.).

- Делегирование в вузы стран-реципиентов опытных специалистов для чтения лекций, ведения семинарских занятий и проведения тренингов в духе той или иной идеологической доктрины [9].

- Продвижение собственной идеологической повестки под предлогом просвещения и популяризации передового образовательного и научного опыта (пример — европейская программа «Эразмус+», а в рамках данной программы — подпрограмма Жана Моне).

ВЫВОДЫ

Подводя итоги, необходимо отметить следующее:

1. Образовательная политика, несмотря на заявленную деидеологизацию, играет важную роль для формирования ресурса «мягкой силы» современных государств. При этом упор делается не на прямую пропаганду, а на мировоззренческую составляющую.

2. Образовательная политика государств на внешнем контуре направлена на несколько целевых групп. Первая — наиболее перспективные студенты, из которых потом формируется преподавательский корпус ведущих университетов. Вторая — обучающиеся в ведущих вузах студенты, которые потом возвращаются в свои страны и становятся своеобразными проводниками заложенных в них при обучении мировоззренческих установок. Еще одна цель работы с этой группой — создание внутренней фронды по отношению к властям тех стран, которые отправили студентов на обучение.

3. В отношении выбранных объектов применяются различные методы воздействия. К числу основных можно отнести проведение образовательных и научных мероприятий, издание на грантовой основе научных, учебных изданий и пособий, предоставление грантов на признанные необходимыми исследования, делегирование преподавателей для ведения занятий в вузы на местах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Краснова Г. А. Интернационализация образования в России и в мире. *Аккредитация в образовании*. 2016;(92):68–70.
2. Becker Rosa and Kolster Renze. International student recruitment: policies and evelopments in selected countries. Hague The Netherlands: Nuffic, January 2012. P. 1059.
3. Вашурина Е. В., Вершинина О. А., Газиева Ч. Ф., Евдокимова Я. Ш., Крылов А. А., Мухамедиева С. А., Павлова О. В., Хайдаров Ф. А. Привлечение иностранных студентов в российские университеты. Практическое руководство. Монография. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та; 2016. 234 с.
4. Kehm Barbara M., Teichler Ulrich. Research on Internationalisation in Higher Education. *Journal of Studies in International Education*. 2007;3–4(11):231–239.
5. Воробьева И. М. Академическая мобильность студентов как важный инструмент формирования глобальной образовательной среды в российском вузе. *Молодой ученый*. 2015;(10):1113–1115.
6. Джанин Грегерсен-Херманс. Организационные возможности университетов как слабое звено в развитии межкультурных компетенций. *Международное высшее образование*. 2015;(78):14–16.
7. Mazzarol T. and G. N. Soutar. “Push-Pull” factors influencing international student destination choice. *International Journal of Educational Management*. 2002;16(2):82.
8. Казанская О., Рачкова О. Иностранные благотворительные фонды. *Коммерсант Деньги*. 1995;(37):12.
9. Анохина Е. С. Иностранные студенты в Китае и проблемы регулирования их пребывания в стране. *Вестник Томского государственного университета. История*. 2015;1(33):65–68.

REFERENCES

1. Krasnova G. A. Internationalization of education in Russia and the world. *Akkreditatsiya v obrazovanii*. 2016;(92):68–70. (In Russ.).
2. Becker Rosa, Kolster Renze. International student recruitment: policies and developments in selected countries. Hague, The Netherlands: Nuffic. January 2012. 1059 p.
3. Vashurina E. V., Vershinina O. A., Gazieva Ch. F., Evdokimova Ya. Sh., Krylov A. A., Mukhamedieva S. A., Pavlova O. V., Khaidarov F. A. Attracting international students to Russian universities. Practical guide. Monograph. Ekaterinburg: Izdatelstvo Ural'skogo universiteta; 2016. 234 p. (In Russ.).
4. Kehm Barbara M., Teichler Ulrich. Research on Internationalisation in Higher Education. *Journal of Studies in International Education*. 2007;3–4(11):231–239.
5. Vorob'eva I. M. Academic mobility of students as an important tool for the formation of a global educational environment in the Russian university. *Molodoi uchenyi*. 2015;(10):1113–1115. (In Russ.).
6. Gregersen-Hermans Jeanine. Organisational capabilities of universities as a weak link in the development of intercultural competences. *Mezhdunarodnoe vysshee obrazovanie*. 2015;(78):14–16. (In Russ.).
7. Mazzarol T., Soutar G. N. “Push-Pull” factors influencing international student destination choice. *International Journal of Educational Management*. 2002;2(16):82.
8. Kazanskaya O., Rachkova O. Foreign charities. *Kommersant Den'gi*. 1995;(37):12. (In Russ.).
9. Anokhina E. S. International students in China and the problems of regulation of their stay in the country. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 2015;1(33):65–68. (In Russ.).

DOI: 10.26794/2226-7867-2018-8-6-24-28

УДК 001.92(045)

ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТИМУЛИРОВАНИЯ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ В СФЕРЕ НАУКИ, ТЕХНИКИ И ИННОВАЦИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ*

Назарова Наталья Александровна,

канд. экон. наук, доцент Департамента политологии и массовых коммуникаций,
Финансовый университет,
Москва, Россия
naanazarova@fa.ru

Антонович Светлана Александровна,

магистрант факультета социологии и политологии,
главный специалист, Финансовый университет,
Москва, Россия
saantonovich@fa.ru

Аннотация. Сегодня наука в России находится в довольно непростом положении. Существует целый ряд проблем, которые требуют своего разрешения: нехватка молодых ученых, невостребованность результатов труда ученых обществом и экономикой, недостаток инфраструктуры. Государство испытывает острую потребность в поиске новых мер, которые сделали бы российскую науку одним из важнейших факторов инновационно-технического развития страны. Создание конкурентоспособной и инновационной системы в России невозможно без притока и закрепления в научной и научно-образовательной сферах молодых высококвалифицированных специалистов. Это также представляется важным, поскольку существует заметная корреляция между уровнем научного потенциала страны и уровнем социального развития, достатка и благосостояния граждан. Анализируя современные программы и проекты по развитию науки и инноваций, мы можем прийти к выводу, что молодежной политике в сфере науки не достаточно уделяется внимания. Меры по ее стимулированию должны базироваться на общемировых тенденциях и движущих силах изменений экономических и технологических процессов и тенденций развития современного мирового хозяйства. Необходимо учитывать принципы построения системы государственной молодежной политики в сфере науки, отраженные в данной статье, которые включают в себя управление на каждой ступени научно-образовательной деятельности на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

Ключевые слова: государственная политика; молодежная политика; наука; молодые исследователи; научные организации

* В статье представлены результаты, полученные в рамках научно-исследовательской работы, выполненной за счет бюджетных средств по Государственному заданию Финуниверситету 2018 г. по теме: «Разработка механизмов государственного стимулирования по актуальным и приоритетным направлениям молодежной политики в сфере науки, техники и инноваций в Российской Федерации».

ASPECTS OF STATE STIMULATION OF YOUTH ACTIVITY IN THE FIELD OF SCIENCE, TECHNOLOGY AND INNOVATION IN THE RUSSIAN FEDERATION**

Natalia A. Nazarova, Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Department of Political Science and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
naanazarova@fa.ru

Svetlana A. Antonovich, a graduate student of the Faculty of Sociology and Political Science, Chief Specialist, Financial University, Moscow, Russia
saantonovich@fa.ru

Abstract. Today, science in Russia is in a difficult position. There are some problems to be resolved: lack of young scientists, lack of demand for the results of the work of scientists by society and the economy, lack of infrastructure. The state is in dire need of finding new measures that would make Russian science one of the most important factors in the country's innovative and technical development. Creating a competitive and innovative system in Russia is impossible without the influx and consolidation in the scientific and educational sphere of young highly qualified specialists. It is also important since there is a noticeable correlation between the level of a country's scientific potential and the level of social development, prosperity, and well-being of citizens. Analysing modern programs and projects for the development of science and innovations, we can conclude that the youth policy in the field of science, the state does not give sufficient attention to it. Measures to stimulate it should be based on global trends and driving forces for changes in economic and technological processes, and in general, trends in the development of the modern world economy. It is necessary to take into account the principles of building a system of state youth policy in the field of science, reflected in this article, which includes management at every stage of scientific and educational activities at the federal, regional and municipal levels.

Keywords: public policy; youth policy; science; young researchers; scientific organisations

Государственная молодежная политика в сфере науки, техники и инноваций представляет собой комплекс мер, который включает повышение уровня потенциального развития молодежи в научно-исследовательском секторе и увеличение эффективности в самореализации молодежи для стратегически устойчивого социально-экономического развития страны. Основным средством для развития потенциала молодежи являются меры по постоянному вовлечению специалистов младшей возрастной категории в научно-исследовательский сектор. В результате формируется плацдарм для раскрытия научного потенциала российской молодежи, а также создаются благоприятные условия для профессиональной реализации данной социальной группы [1].

Молодежная политика в сфере науки, техники и инноваций — это определяющий вектор стра-

тегического развития для всех экономических секторов в стране.

Научно-технические разработки не всегда находят практическое применение и часто сталкиваются с нежеланием бизнеса ими пользоваться. Бизнес в науку и инновации практически не инвестирует, а бюджетное финансирование снижается. Доля инвестиций в основной капитал, которая приходится на научные исследования и разработки, в 2000–2016 гг. составляла 0,5–1,3% и остается сегодня одним из наименьших показателей среди всех видов экономической деятельности (http://www.csrs.ru/archive/stat_2017_institutions/institutions_2017.pdf). С 2008 по 2017 г. число персонала, занятого научными исследованиями и разработками в России, сократилось с 761 252 до 707 887 чел., что составляет более 7% (http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/nauka/nauka4.xls).

** The article presents the results of research work carried out at the expense of budget funds on the state task of the Financial University in 2018 on the topic: "Development of mechanisms of state incentives for current and priority areas of youth policy in the field of science, technology and innovation in the Russian Federation".

Молодых людей, помимо сложностей карьерного роста, пугает низкая заработная плата (младшие научные сотрудники и начинающие преподаватели в ряде случаев получают по 7 тыс. руб.). Доля выпускников вузов, которые связали свою жизнь с исследованиями и разработками, составляет 0,6% [2].

Кроме того, Федеральное агентство по делам молодежи уделяет мало внимания данному вопросу. Ввиду отсутствия в настоящее время закона о молодежной политике в РФ одним из основных документов в данной сфере можно считать приказ об утверждении системы ключевых показателей реализации государственной молодежной политики органами исполнительной власти субъектов РФ. При этом в приказах на 2017 и 2018 гг. и описании плановых мероприятий на 2019–2020 гг. нет ни одного показателя, который можно было бы отнести к сфере науки, техники и инноваций.

Экономический рост в стране может быть обеспечен только за счет увеличения производительности труда и конкурентоспособности экономики. А это невозможно без технологической модернизации, в том числе на базе инноваций и собственных прорывных технологий, а также без принятия мер по повышению эффективности государственной молодежной политики в сфере науки [3].

При разработке мер по стимулированию активности молодежи в сфере науки, техники и инноваций необходимо учитывать современные движущие силы в этой области: интернационализацию разработок и исследований, рост мобильности студентов и ученых в современном мире, развитие информационно-коммуникационных технологий в научно-инновационной сфере, а также процессы цифровизации.

Первичной целью проведения мер по реализации государственной молодежной политики в России является создание условий для развития научного потенциала молодежи. Для этого необходимы: межведомственная согласованность; регулярный мониторинг состояния молодежной науки согласно количественным показателям; систематизация составления рейтинга по субъектам РФ в развитии молодежной науки; создание инфраструктуры государственной молодежной политики в сфере науки, техники и инноваций; повышение уровня доступности образования; расширенное использование информационных и коммуникационных технологий; ориентация на

вызовы постиндустриальной эпохи и общества XXI в.; обеспечение перехода к непрерывному индивидуализированному образованию; создание благоприятных условий для международного сотрудничества; подготовка и повышение квалификации кадров в образовательных учреждениях.

При реализации государственной молодежной политики в сфере науки, техники и инноваций необходимо разделить молодежь по следующим целевым группам (согласно научно-исследовательским ступеням): школьники, абитуриенты, бакалавры, магистранты, аспиранты и молодые специалисты. Также надо учитывать уровни реализации мер: муниципальный, региональный и федеральный. Кроме того, нужна популяризация научной деятельности и информационное сопровождение [4].

Школьники. К этой категории мы отнесли молодых людей в возрасте от 14 до 16 лет, обучающихся в учреждениях, предоставляющих услуги средней образовательной ступени. Формирование осознанной мотивации к познавательной и научной деятельности ученика, к анализу и применению на практике получаемых знаний, а также создание условий по формированию стимулов к постоянному саморазвитию и познавательной активности в сфере научных инициатив и исследований — так выглядит основная цель развития научного сектора в данной целевой аудитории. В первую очередь ученик должен быть подготовлен к настоящей науке. На уровне школы ему необходимо познать фундаментальные научные изыскания.

Абитуриенты. За основу данной социальной группы мы взяли молодежь, которая обучается в 11-м классе старшей школы. Обучение проектной деятельности на данном этапе является немаловажным фактором для развития научного потенциала описываемой целевой группы. Главная цель — научить абитуриента создавать идейные концепции и понимать, как воплощать их в реальном мире. Поэтому абитуриент должен прийти к пониманию (этому должны способствовать школа и вуз), в какой профессиональной сфере он хотел бы проявлять себя и развиваться. Для этого необходимо введение всестороннего подхода в проведении профориентационных работ, что способствует дальнейшему развитию личностного потенциала абитуриента.

Бакалавры. Эта целевая группа — студенты, которые находятся на первой академической ступени в рамках многоуровневой структуры

высшего профессионального образования. Основная цель: формирование условий для наработки опыта реализации научных исследований, в том числе в увязке «вуз-предприятие». Кроме того, важно создание понятных для молодежи «карьерных треков» в сфере науки.

Магистранты. Кандидатов на вручение степени «магистр» следует стимулировать к участию в конференциях, научных семинарах и школах, для чего необходимо создавать дискуссионные площадки междисциплинарного и узконаправленного характера, в условиях которых профессорско-преподавательский состав и магистранты могли бы обмениваться информацией, идеями, а также вовлекать друг друга в инновационные проекты. Необходимо способствовать созданию организации систематической помощи в коммерческих стартапах в сферах инновации, науки и техники, а также созданию гибких стандартов для введения большего количества узконаправленных магистерских программ.

Аспиранты. Раскрывать творческий потенциал молодых людей, готовящихся к научной деятельности и защите кандидатской диссертации в выбранной научной сфере при высшем учебном заведении, следует посредством стимулирования межотраслевых исследований и научных разработок аспирантов, предоставления доступа аспиранту к национально-исследовательским и международным информационным ресурсам.

Молодые специалисты. Данная целевая группа — ключевой элемент инновационного развития страны. Целью является не только увеличение числа молодых специалистов, а также их привлечение и закрепление в науке, но и обеспечение условий их постоянной мобильности. Международная и внутрироссийская мобильность научных кадров будет способствовать повышению их квалификации до уровня, который соответствовал бы потребностям инновационной экономики [5]. Одной из основных проблем, в результате которой молодые специалисты не желают идти в науку, является низкий уровень вознаграждения [6], что требует изменений, поэтому важным является повышение качества итогового результата исследований молодого ученого посредством стимулирующих инструментов и повышения качества жизни.

Итак, на федеральном уровне необходимо стимулирование науки посредством актуализации приоритетных направлений; создание подробного перечня направлений исследований

в выбранных областях; увеличение заработной платы научных работников и повышение престижа деятельности ученого; разработка имиджевой политики, способствующей поднятию уровня репутации ученого в обществе; создание условий для разработки законодательных инициатив в сфере науки, инноваций и техники; предоставление финансовых льгот и дотаций молодым ученым.

На региональном уровне необходимо обратить внимание на такие вопросы, как обеспечение кооперации Федерального агентства по делам молодежи и научных сообществ регионов [7]; усовершенствование системы поиска и поддержки развития талантливых детей и молодежи; интеграция экономических запросов региона с наукой; стимулирование инновационной активности молодежи, в том числе научно-технического творчества школьников и студентов; развитие условий для самореализации личности и ее творческого совершенствования [8].

На муниципальном уровне важно применять меры по усовершенствованию системы профильного обучения и индивидуальных образовательных программ; внедрению практики активного участия в проектной, инновационной и организационной деятельности в образовательных учреждениях; усовершенствованию профессиональных образовательных программ для соответствия перспективам инновационного развития экономики муниципального объекта и запросам рынка труда; организации молодежных исследований и инновационных центров; формированию фестивалей научно-технического творчества школьников и молодежи.

Предлагаемые нами меры по популяризации и информационному сопровождению молодежной науки базируются на следующих аспектах: информированность школьников и студентов о том, что представляет собой научная деятельность; расширение частно-государственного партнерства в информационной среде, привлечение внебюджетных средств финансирования информационного обеспечения; повышение уровня информационной грамотности потенциальных потребителей инновационной деятельности; повышение престижа предпринимательской и научной деятельности, а также творческого и производительного труда.

Подводя итоги, необходимо отметить, что предложенный комплекс мер должен быть учтен в национальных программных документах по

развитию науки и молодежной политики. Данные предложения нужны для того, чтобы способствовать закреплению молодых специалистов в науке или их возвращению в сферу исследований

и разработок, что, в свою очередь, напрямую коррелирует с инновационным и техническим потенциалом страны, а значит, с конкурентоспособностью российской экономики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ивашевский С.Л. Цели и средства развития российской науки. *Вестник ННГУ*. 2012;(1):110–113.
2. Городникова Н.В., Гохберг Л.М., Дитковский К.А. и др. Индикаторы науки: 2018: статистический сборник. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ; 2018.
3. Биткина И.В. Молодые специалисты в науке: вопросы привлечения и закрепления кадров. *Наука. Инновации. Образование*. 2013;(14):38–46.
4. Мельников М.В., Рагозина М.А. Популяризация научной и инновационной деятельности среди молодежи. *Актуальные проблемы авиации и космонавтики*. 2012;(8):49–50.
5. Шарый И.Н. Кадровая политика в науке и ее молодежная составляющая в условиях становления инновационной экономики. *Социологический альманах*. 2010;(1):217–223.
6. Сажин В.Б., Кочетов Л.М., Козляков В.В., Тюрин М.П., Сажина М.Б., Ситняковский Ю.А., Есьман В.И., Апарушкина М.А., Османов З.Н., Платонова О.В., Абдулина Е.А., Доржиева М.Б., Баталов Е.Г. Кадровая политика в научной сфере и финансовые предпочтения молодежи. *Успехи в химии и химической технологии*. 2011;(9):110–121.
7. Балицкая С.М. Оценка удовлетворенности молодежи государственной молодежной политикой на региональном уровне. Исследования молодых ученых: экономическая теория, социология, отраслевая и региональная экономика. 2017;7–15.
8. Грошева Л.И. Специфика национального фактора в научно-практической активности студенческой молодежи. *PRIMO ASPECTU*. 2018;(1): 89–93

REFERENCES

1. Ivashevsky S.L. Goals and means of development of the Russian science. *Vestnik NNGU*. 2012;(1):110–113. (In Russ.).
2. Indicators of science: 2018. Statistical Compendium. N. V. Gorodnikova et al., eds. NRU “Higher School of Economics”. Moscow: HSE; 2018. (In Russ.).
3. Bitkina I. V. Young professionals in science: issues of attracting and retaining of the staff. *Nauka. Innovatsii. Obrazovanie*. 2013;(14):38–46. (In Russ.).
4. Melnikov M. V., Ragozina M. A. Popularization of research and innovation among young people. *Aktual'nye problemy aviatsii i kosmonavтики*. 2012;(8):49–50. (In Russ.).
5. Sharyi I. N. Personnel policy in science and its youth component in the conditions of innovative economy formation. *Sotsiologicheskii al'manakh*. 2010;(1):217–223. (In Russ.).
6. Sazhin V. B., Kochetov L. M., Kozlyakov V. V., Tyurin M. P., Sazhina M. B., Sitnyakovskii Yu. A., Es'man V. I., Aparushkina M. A., Osmanov Z. N., Platonova O. V., Abdulina E. A., Dorzhieva M. B., Batalov E. G. Personnel policy in the scientific sphere and financial preferences of young people. *Uspekhi v khimii i khimicheskoi tekhnologii*. 2011;(9):110–121. (In Russ.).
7. Balitskaya S. M. Assessment of youth satisfaction with the state youth policy at the regional level. *Issledovaniya molodykh uchenykh: ekonomicheskaya teoriya, sotsiologiya, otraslevaya i regional'naya ekonomika*. 2017;7–15. (In Russ.).
8. Grosheva L. I. The specificity of the national factor in the scientific and practical activity of students. *PRIMO ASPECTU*. 2018;(1):89–93. (In Russ.).

DOI: 10.26794/2226-7867-2018-8-6-29-34
УДК 378(045)

СОЗДАНИЕ УСЛОВИЙ ДЛЯ САМОМОТИВАЦИИ БУДУЩИХ ПОЛИТОЛОГОВ В ПРОЦЕССЕ ИНОЯЗЫЧНОГО ОБУЧЕНИЯ

Звягинцева Елена Петровна,

канд. пед. наук, доцент Департамента языковой подготовки,
Финансовый университет, Москва, Россия
Ezvyagintceva@fa.ru

Манахова Елена Борисовна,

старший преподаватель Департамента языковой подготовки,
Финансовый университет, Москва, Россия
EManakhova@fa.ru

Аннотация. Профессиональная иноязычная подготовка специалистов в высшей школе по-прежнему остается одной из наиболее приоритетных задач в современной системе российского трехуровневого образования. В статье рассматривается необходимость устранения основных демотиваторов при обучении деловому иностранному языку для профессиональных целей при подготовке бакалавров по специальности «политология». Эмпирические исследования показывают, что на современном этапе развития высшего образования к таким демотиваторам относятся изначально низкий уровень владения иностранным языком у поступающих в неязыковой вуз, страх неудач, низкая самооценка, отсутствие продуктивных взаимоотношений на основе эмпатии с преподавателями, нездоровая конкуренция в группе или на курсе, плохая самоорганизация и т.д. Исследования доказывают необходимость устранения данных демотиваторов на начальном этапе и последующего создания продуктивной учебно-развивающей среды, которая способна не только снимать негативные блоки, но и интегрировать полученные знания с новыми в рамках профессиональной подготовки политологов. К психолого-педагогическим мотиваторам при изучении иностранного языка для профессиональных целей можно отнести создание корпоративной культуры и ролевых моделей научно-педагогических кадров вуза, имитацию квазипрофессиональной среды на занятиях по дисциплине «иностранному языку» с упором на устные формы речевого общения, укрепление у студентов чувства собственного достоинства, использование методик погружения в языковую среду в рамках программ академической мобильности и интернационализации образования.

Ключевые слова: иноязычное обучение; политологи; самомотивация; демотиваторы; студенты вуза

CREATION OF CONDITIONS FOR SELF-MOTIVATION OF FUTURE POLITICAL SCIENTISTS IN THE PROCESS OF FOREIGN LANGUAGE TEACHING

Elena P. Zvyagintseva,

Cand. Sci. (Pedagogics), Associate Professor of Foreign Language Training Department, Financial University,
Moscow, Russia
Ezvyagintceva@fa.ru

Elena B. Manakhova,

Senior Lecturer, Department of Foreign Language Training, Financial University, Moscow, Russia
EManakhova@fa.ru
Abstract

Abstract. Professional language training of specialists at higher school is still one of the most top-priority tasks in Russian contemporary three-level education system. The article discusses the need to eliminate the main demotivators in teaching foreign language in the field of business for professional purposes during the preparation of bachelors in the speciality 'Political science'. Empirical studies show that at the present stage of development of higher education such demotivators include the initially low level of foreign language proficiency in non-linguistic university applicants, fear of failure, low self-esteem, lack of productive relationships based on empathy with teachers, unhealthy competition in the group or course, poor self-organisation, etc. Studies prove the need to eliminate these demotivators at the initial stage and the subsequent creation of a productive learning and development environment, which is able not only to remove the negative blocks but also to integrate the knowledge gained with new ones in the framework of professional training of political scientists. The psychological and pedagogical motivators in the study of a foreign language for professional purposes include: the creation of corporate culture and role models of scientific and pedagogical staff of the university; the imitation of a quasi-professional environment in the classroom with an emphasis on oral forms of speech communication; strengthening students' self-esteem; the use of methods of immersion in the language environment in the framework of academic mobility and internationalization of education.

Keywords: foreign language training; political scientists; self-motivation; demotivators; students

Каждому педагогу-практику в области иноязычной подготовки студентов известно, что без сильной мотивации очень сложно выучить неродной язык. Однако совершенно точно известно, что мы не можем мотивировать других людей, если у них не развита самомотивация [1–3]. Существуют ли способы устранения данной проблемы? Ответ кроется в плоскости решения двух задач: во-первых, преподаватель может устранить препятствия, мешающие студентам мотивировать самих себя, во-вторых, он может создать среду, в которой потенциал для самомотивации появится естественно и без какого-либо принуждения [4]. Вместе с тем существуют и глобальные задачи, которые ставят перед педагогом программы вузовской подготовки: предоставить прочные знания в сфере профессиональной деятельности и обучить навыкам работы в этой области. Цель процесса обучения — получить максимально высокую энергоотдачу от студентов во время приобретения ими умений и навыков. И опять же — без мотивации этого невозможно достичь ни в одной дисциплине. Но специфика дисциплины «иностраный язык» заключается в том, что побуждение к иноязычному общению должно быть личностно осознанным, добровольным, так как мозг, в случае внешнего агрессивного воздействия на индивида, будет блокировать каналы восприятия информации. В результате достичь высокого уровня владения иностранным языком будет практически невозможно. Попробуем разобраться в том, что нужно сделать преподавателю иностранного языка, чтобы добиться появления у студента осознанной мотивации к изучению неродного языка.

Эмпирические исследования авторов данной статьи по обучению будущих политологов, проводимые на протяжении многих лет, показывают, что самые сильные барьеры на пути к успешному изучению иностранного языка — это низкая самооценка студента, страх, отсутствие эмпатии между обучаемым и обучающим.

Самооценка — это представление человека о важности своей личной деятельности в социуме и оценивание себя, собственных качеств и чувств, достоинств и недостатков, их открытая демонстрация или сокрытие [5]. К сожалению, не все современные студенты, прошедшие «горнило» иноязычной подготовки в обычной средней школе и поступившие на факультет социологии или политологии в Финуниверситет, имеют высокое мнение о собственных знаниях в данной области. Этот факт подтверждает и «срез знаний» по иностранному языку в начале учебного года у студентов-первокурсников. Сравнивая себя на первом же занятии с другими (немногочисленными) студентами, более подготовленными, благодаря обучению в специальных языковых школах, гимназиях или лицеях, такие учащиеся теряются, начинают комплексовать, замолкают надолго (иногда до конца курса обучения) или стараются нивелировать свои неуспехи под маской шута.

Говоря о страхе, мы не имеем в виду ксеноглоссофобию (страх иностранных языков), природную застенчивость или глоссофобию (боязнь публичного выступления), хотя эти психологические конструкты нельзя сбрасывать со счетов. Многим студентам с посредственными базовыми знаниями по предмету присущи страхи другого характера, например, какоррафиофобия — боязнь пораже-

ния, неудачи (прилюдное порицание за ошибки); атихифобия — боязнь неудачи, провала (страх быть отвергнутым, подвергнуться критике); катагеллофобия — боязнь быть осмеянным (стать объектом насмешек); гомилофобия — боязнь общения (страх проявить несостоятельность, показаться смешным, привлечь к себе внимание); ателофобия — боязнь несовершенства (особенно актуальна для студентов, успешных в области других дисциплин, изучаемых на родном языке). Кроме этого, сильным может быть и страх получить плохую оценку (как результат — низкий рейтинг) или не получить зачет / провалить экзамен по иностранному языку (как результат — отчисление из вуза). Хорошо подготовленный политолог должен обладать масштабным набором знаний, так как он повышает грамотность лиц в верхних эшелонах власти, помогает им держать руку на пульсе социальных и политических событий, ясно видеть все происходящее и, по возможности, прогнозировать будущее государства, которым эти политики управляют. Задача, стоящая перед научно-педагогическими работниками вуза, заключается в возможности подготовить эксперта в области политики, способного осуществлять стратегическое планирование. Сейчас сложно представить себе такого специалиста без знания хотя бы одного иностранного языка. При этом изучение неродного языка в возрасте до 35 лет сопряжено со многими проблемами, чаще всего с чувством страха.

В свое время З. Фрейд выделял несколько основных форм страха: испуг (как аффективное состояние страха, возникающее в ситуации опасности), свободный страх (беспредметный и безотчетный, в психологии называемый тревогой), боязнь (страх перед каким-либо конкретным объектом: учитель, родитель, одноклассник / одноклассники), фобия (непреодолимый навязчивый страх перед каким-либо предметом, явлением, развивающийся при некоторых психозах) [6].

Стоит указать и еще одну причину, отсутствие которой может сказаться на усвоении иностранного языка. Это эмпатия — осознанное сопереживание текущему эмоциональному состоянию другого человека без потери ощущения внешнего происхождения этого переживания. К сожалению, аудиторная нагрузка многих преподавателей вуза в настоящее время такова, что они просто физически не могут демонстрировать свою готовность к сопереживанию по отношению к проблемам студентов и совместно с ними искать выходы из ситуации. Порой ложная недоступность, закрытость преподавателя, авторитарный стиль общения спо-

собны сыграть с ним злую шутку: вместо мнимого авторитета он становится объектом насмешек и порождает у студентов новые фобии, например боязнь учителей. Стоит принять к сведению, что фактор мотивации и максимальной отдачи в процессе изучения иностранного языка зачастую кроется в продуктивной связи между преподавателем и учащимися [7]. Если эта связь позитивная, можно ожидать положительных (иногда высоких) результатов. И наоборот: негативные отношения вызовут страх неудачи, страх отвержения и неодобрения, т.е. проблемы, описанные выше.

Определив ключевые страхи и фобии, поняв, что базовые знания по иностранному языку не всегда способствуют поднятию самооценки студентов, а также допуская наличие низкого уровня эмпатии между обучаемым и обучающим, можно говорить о том, что в студенческой среде имеет место дидактогения. Это явление содержит в себе неблагоприятные последствия педагогических ошибок и отрицательного воспитательного воздействия и влияния, т.е. нарушений педагогической деонтологии — науки о профессиональной этике, долге, моральной обязанности [8], что приводит в конечном итоге к неврозам.

Педагоги и медики выделяют несколько видов факторов, которые способны привести к невротическому состоянию обучаемых. Эмпирические исследования авторов показывают, что при подготовке политологов данные факторы следует расширить из-за специфики обучаемой дисциплины «иностраный язык» (см. таблицу).

Как видно из приведенной таблицы, психолого-педагогические факторы, являющиеся побудителями страха неудачи в процессе обучения политологов иностранному языку, самые распространенные. Что можно сделать для их устранения или митигации? Во-первых, нужно максимально снизить влияние демотиваторов.

Каждый педагог, который изучал психологию в вузе, знает, что самооценка любого человека состоит из трех компонентов: идеального представления о себе, собственного воображаемого образа и чувства собственного достоинства. Современный студент-политолог не является исключением. Снижая страх неудачи, вселяя в него уверенность, что пробелы в знаниях по иностранному языку можно устранить при наличии сильного желания и кропотливой регулярной работе, направляя студента по выстроенному алгоритму действий по достижению успеха, педагог получает двойную выгоду: повышает КПД учебного взаимодействия и обогащает

Факторы – побудители страхов при иноязычном обучении будущих политологов / Factors-drivers of fears in foreign language training of future political scientists

Социально-культурные	Психологические	Психолого-педагогические
Формируются социальными институтами через определенные социальные нормы (суждения о реальном и должном) и ценности, способные как подавлять, так и усиливать страх	Связаны с взаимоотношением лиц в подгруппах и микрогруппах в процессе учебных взаимодействий и социальных контактов (совместная аудиторная и внеаудиторная деятельность)	– Отражают воздействия образовательного процесса и психосоциальной атмосферы (например, гомогенный состав учебных групп по иностранному языку, где существуют одинаковые требования как к сильным, так и слабо подготовленным студентам). – Порождаются большим объемом информации социологической, исторической, политической направленности на иностранном языке с необходимостью продуцирования высказываний на нем. – Могут развиваться из-за авторитарности преподавателя, жестких требований программы обучения либо завышенных ожиданий по отношению к студенту-политологу со стороны авторитетных лиц. – Усугубляются плохим тайм-менеджментом или дефицитом времени, которое остается на подготовку к практическим занятиям по иностранному языку из-за сокращения сроков подготовки в бакалавриате (по сравнению со специалитетом). – Снижают мотивацию к учебе из-за когнитивной невозможности достигнуть уровня владения иностранным языком согласно программам дисциплин, а также из-за неудовлетворения методами преподавания данной дисциплины. – Порождаются нездоровыми конкурентными отношениями между студентами одной группы, курса

знаниями студента, который, став политологом, сможет более продуктивно осуществлять свою деятельность (в том числе, используя навыки иноязычного общения).

Во-вторых, в образовательном процессе вуза на идеальное представление студента о себе влияют корпоративные ценности, ролевые модели, демонстрируемые (а иногда навязанные) научно-педагогическими работниками, администрацией высшего учебного заведения или авторитетными для студента лицами (состоявшимися политологами) во время формального / неформального общения. Кроме того, корпоративная культура и социокультура окружающих его ровесников и старшекурсников играет немаловажную роль. Воображаемый образ своего «я» сильно зависит от того, как к студенту относятся другие люди. Здесь может быть несколько моделей восприятия действительности, которые также влияют на успешность усваиваемых знаний: уважительное, негативное или индифферентное отношение [9]. Чаще всего при наличии первой модели (когда подчеркиваются ценность и важность личности) студенты видят

себя и думают о себе в более позитивном ключе. В результате они лучше и эффективнее учатся. Для студентов-политологов, профессия которых ориентирована на создание положительных социальных контактов и энергичное взаимодействие, на умение разрабатывать оригинальные методы решения в сложных ситуациях, очень важно почувствовать искреннюю заинтересованность, в идеале — эмпатию со стороны педагога. Помимо этого, при построении продуктивных отношений в группе педагогу следует помнить, что основа позитивной самооценки студента заключается в чувстве собственного достоинства. Его можно определить так: «насколько вы себе нравитесь». Чем больше люди любят и уважают себя, тем лучше они учатся и работают, ставя перед собой более серьезные цели и руководствуясь при этом более высокими стандартами качества. Если люди любят себя, им легче любить других, они становятся хорошими командными игроками. Из этого постулата можно сделать еще один вывод: хороший тимбилдинг на занятиях по иностранному языку способен помочь наладить контакты и сплотить обучаемых, при-

внести аксиологические компоненты в процесс познания.

Профессия политолога требует обладания аналитическим умом и отличной памятью, умения делать прогнозы. У студентов факультета политологии нужно развивать коммуникативные способности, навыки грамотного изложения мыслей. Они должны обладать хладнокровием и иметь высокие моральные принципы. Работа по развитию этих качеств, личностных и профессиональных компетенций не только возможна, но и должна вестись на занятиях в рамках изучения иностранного языка. Именно поэтому акцент на практических занятиях стоит делать на устной речи, на аудировании (восприятии иноязычной речи на слух). Необходимо отрабатывать паттерны речевого этикета в разных ситуациях через деловые и ролевые игры. Хорошие результаты дают упражнения «на разогрев» (warming-up) в начале каждого занятия по иностранному языку в группе, подгруппе или паре. Темы могут быть предложены самые разнообразные: обсуждение последних новостей, поста известного блогера, результатов опроса общественного мнения и т.д. Пяти-семиминутные дискуссии в начале занятия, предваряющие проверку знаний по темам, включенным в рабочую программу дисциплины, помогают настроиться, задают нужный тон всему дальнейшему общению на семинаре, поднимают самооценку и мотивируют даже слабых студентов. Главная цель в этом виде учебно-речевой деятельности — это общение на иностранном языке. При этом с психолого-методической точки зрения в данном виде вводной беседы педагогу важно «отключить» роль ментора, выслушать и поддержать каждого студента, не исправляя его грамматические или фонетические ошибки, т.е. выступать в роли речевого партнера, а не супервайзера.

Правило грамотного педагога гласит: все, что получает признание, происходит снова. Именно поэтому закрепить успех через преодоление страха неудачи во время иноязычного общения — вторая по значимости задача после формирования коммуникативных компетенций обучаемых. Справиться с ней проще всего, если погрузить студента в языковую среду на срок, более длительный, чем обычная туристическая поездка. В этом случае отличные результаты показывают программы академической мобильности (обучение за границей от 3 месяцев до года), а также интернационализация образования (возможность посещать занятия на иностранном языке у приглашенных лекторов из

ведущих зарубежных вузов, слушать их вебинары, участвовать в проектной деятельности и конференциях и т.д.) [10].

Еще одной особенностью обучения политологов иностранному языку является необходимость поиска таких заданий, которые бы стимулировали восприятие информации с первого раза и способствовали ее сохранению через перевод из кратковременной памяти в долговременную. С этой задачей помогает справиться концепт, который мы назвали «Метод 3В»: Восприятие = Внимание + Воздействие.

Для того чтобы студент осуществил ВОСПРИЯТИЕ информации, необходимо привлечь его ВНИМАНИЕ через определенное ВОЗДЕЙСТВИЕ со стороны педагога. Преподаватели, обучающие иностранному языку, могут воздействовать через такие конструкты, как новизна материала, интенсивность его повторения, сложность поставленной задачи, учет потребностей студентов и его интересов, удовлетворение ожиданий при использовании знаний иностранного языка.

Делая вывод о специфике иноязычной подготовки будущих политологов и создании условий для их самомотивации, следует еще раз подчеркнуть, что необходимо учитывать два основных момента:

1. Устранение демотиваторов, к которым относятся:

- низкий уровень владения иностранным языком на момент поступления в вуз;
- страх неудачи (ошибки) в процессе иноязычного общения;
- низкая самооценка студента;
- отсутствие эмпатии между обучающим и обучаемым;
- нездоровая конкуренция в группе, на курсе;
- плохой тайм-менеджмент у студента;
- наличие дидактогении.

2. Создание среды для самомотивации и интеграции полученных знаний:

- наличие корпоративной культуры, ценностей, позитивных ролевых моделей у научно-педагогических работников вуза, а также социокультуры у окружающих во внеаудиторное время;
- имитация квазипрофессиональной среды на занятиях по иностранному языку;
- развитие чувства собственного достоинства у студентов;
- активное вовлечение обучаемых в устные формы общения на иностранном языке на занятиях и через программы академической мобильности или формы интернационального обучения;

• применение «Метода 3В» (Восприятие = Внимание + Воздействие).

Безусловно, предложенные меры не являются уникальными и неоспоримыми, и у каждого преподавателя в активной практике присутствует

много других решений проблемы мотивации студентов к изучению иностранного языка, поэтому научная дискуссия по данному вопросу будет продолжаться с целью поиска универсальных методик и заданий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Воробьева В.В. О мотивации личности студента при изучении иностранного языка в неязыковом вузе. *Вестник Иркутского государственного технического университета*. 2012;9(68):331–334.
2. Мамадалиева Н.А. Мотивация как основная движущая сила при изучении иностранных языков. *Science Time*. 2017;4(40):141–144.
3. Пушкина Г.Г. Проблема мотивации при изучении иностранного языка. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2013;4(12):85–87.
4. Трейси Брайан. Мотивация. М.: Изд-во Манн, Иванов и Фербер; 2015. 144 с.
5. Болортуя Б. Самооценка студента: ключ к обучению студентов. В сборнике: Современные тенденции в обучении иностранным языкам. Материалы международной научно-практической конференции. Ответственный редактор Э.В. Бурцева. Улан-Батор; 2017.
6. Зигмунд Фрейд. Истерия и страх. Пер. на русский язык А.М. Боковой. М.: ООО «Фирма СТД»; 2006.
7. Куревлева И.П. Развитие эмпатийных умений в процессе изучения иностранного языка как одно из элементов самоменеджмента. В сборнике: Наука, культура и общество: исторический опыт и перспективы развития. Авторы-составители: Зеленский А.Г., Шишонинова Н.В. М.; 2014.
8. Авксененко Т.Н. Дидактогенность как фактор, влияющий на уровень самооценки студентов вуза. *European Social Science Journal*. 2014;8–2(47):110–113.
9. Барабанщиков В.А. Носуленков В.Н. Системность. Восприятие. Общение. М.: Институт психологии РАН; 2004. 480 с.
10. Пирогов А.И., Растимешина Т.В. Интернационализация образования в контексте формирования единого общеевропейского образовательного пространства. *Экономические и социально-гуманитарные исследования*. 2015;1(5):76–84.

REFERENCES

1. Vorob'eva V.V. On students personality motivation when learning a foreign language at non-linguistic university. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. 2012;9(68):331–334. (In Russ.).
2. Mamadalieva N.A. Motivation as the main driving force in the study of foreign languages. *Science Time*. 2017;4(40):141–144. (In Russ.).
3. Pushkina G.G. The problem of motivation in learning a foreign language. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*. 2013;4(12):85–87. (In Russ.).
4. Tracy Brian. The Science of Motivation (Strategies and Techniques for Turning Dreams into Destiny). Moscow: Mann, Ivanov & Ferber; 2015. 144 p. (In Russ.).
5. Bolortuya B. Student self-assessment: the key to student learning. In *Sovremennye tendencii v obuchenii inostrannym yazykam. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. E. V. Burceva, ed. Ulan-Bator; 2017:101–111. (In Russ.).
6. Freud Sigmund. Hysterie und Angst. Transl. by A. M. Bokovikova. Moscow: STD; 2006:28–52. (In Russ.).
7. Kurevleva I.P. The development of empathy skills in the process of a foreign language learning as an element of self-management. In *Nauka, kul'tura i obshchestvo: istoricheskij opyt i perspektivy razvitiya*. Compiled by Zelenskij A.G., Shishonina N.V. Moscow; 2014:75–79. (In Russ.).
8. Avksenenko T.N. The neuroses caused by didactogenia as a factor impacts on students' self-rating level. *European Social Science Journal*. 2014;8–2(47):110–113. (In Russ.).
9. Barabanshchikov V.A., Nosulenkova V.N. System. Perception. Communication. Moscow: Institute of psychology Russian Academy of Sciences; 2004. 480 p. (In Russ.).
10. Pirogov A.I., Rastimeshina T.V. Internationalization of education within the framework of European's common education space formation. *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya*. 2015;1(5):76–84. (In Russ.).

DOI: 10.26794/2226-7867-2018-8-6-35-42
УДК 342.5(045)

ОСНОВНЫЕ КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ ФУНКЦИЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА*

Расторгужев Сергей Викторович,

д-р полит. наук, профессор Департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
SRastorguev@fa.ru

Аннотация. В статье исследуются основные критерии оценки эффективности исполнения функций государственной власти в современной России. Делается вывод о возможности выделения семи специальных и одного интегративного критерия. Данные критерии характеризуют экономическую, политическую, социальную эффективность и результативность политического менеджмента. К основным критериям относятся: достижение стратегических показателей в установленные сроки, сбалансированное поддержание целостности системы и активации потенциала развития сфер общественной жизни, целевое расходование бюджетных средств, издержки на реализацию функций, использование адекватного стиля управления. Исследуется роль институтов гражданского общества в осуществлении государственных функций. Третий сектор и бизнес анализируются как подчиненные акторы в неокорпоративной модели. Автор аргументирует необходимость более широкого участия третьего сектора в процессе разработки и реализации государственных политик. Интегративным критерием эффективности исполнения функций государственной власти является формирование максимально широкой выигрывающей коалиции. Данная коалиция может быть измерена уровнем доверия и поддержки «включенных групп» в определенной сфере, а также уровнем недоверия и протестных настроений «исключенных групп» в определенной сфере.
Ключевые слова: третий сектор; критерии эффективности; государственные функции; гражданское общество

THE MAIN CRITERIA FOR EVALUATING THE EFFECTIVENESS OF THE FUNCTIONS OF STATE POWER IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF CIVIL SOCIETY**

Sergey V. Rastorguev,

Dr. Sci. (Politics), Professor, Department of Political Science and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
SRastorguev@fa.ru

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета 2018 г.

** The article based on the results of studies carried out at the expense of budget funds on the state task of the financial University in 2018.

Abstract. *The article examines the main criteria for assessing the effectiveness of the performance of government functions in modern Russia. The author concluded that it is possible to single out seven special and one integrative criterion. These criteria characterize the economic, political, social efficiency and effectiveness of political management. The main criteria include: achievement of strategic indicators in a timely manner, balanced maintenance of the integrity of the system and activation of the development potential of public spheres, targeted expenditure of budgetary funds, costs for the implementation of functions, the use of an adequate management style. The author investigated the role of civil society institutions in the exercise of state functions. Further, the author analysed the non-profit sector and business as subordinate actors in the neo-corporate model. The author argues the need for greater participation of the non-profit sector in the process of developing and implementing public policies. The integrative criterion of the effectiveness of the performance of the functions of state power is the formation of the widest winning coalition. This coalition can be measured by the level of trust and support of "included groups" in a certain area. As well as the level of mistrust and protest sentiments of the "excluded groups" in a certain sphere.*

Keywords: *a non-profit sector; criteria of efficiency; state functions; civil society*

Эффективность в области государственного управления различными сферами общественной жизни, в отличие от эффективности деятельности фирмы, определить и рассчитать сложнее, так как, помимо достижения целевых показателей, соотношения «выпуск-затраты», политический менеджмент включает такие трудно формализуемые характеристики, как легитимность власти, национальные интересы, справедливость распределения общественных благ, реализация прав и свобод человека и др. [1] При этом количество, качество, сроки, издержки получения государственных услуг поддаются учету и могут быть представлены в виде цифровых показателей в абсолютных или относительных величинах. Эффективность исполнения функций государственной власти в контексте гражданского общества целесообразно исследовать в рамках модели политической системы Д. Истона, рассматривающей государственный менеджмент как преобразование требований и поддержки общества в государственные политики, которые через обратную связь воздействуют на новый цикл требований и поддержки [2].

Современной тенденцией развития публичного сектора во многих странах становится усиление контроля за деятельностью бюрократии со стороны третьего сектора. Она проявляется в повышении прозрачности при выработке, принятии и реализации государственной политики. Гарантирование реализации прав граждан при принятии государственных решений позволяет политическим режимам укреплять свою легитимность. Напротив, игнорирование прав граждан вызывает протестные настроения. Создаются

механизмы публичной дискуссии и учета мнений групп интересов, выявления фактов нарушения прав граждан и мониторинга процедур восстановления нарушенных прав. Институты гражданского общества проводят мониторинг, экспертизы, осуществляют аналитические исследования, данные которых учитываются при принятии политических решений. Институционализация данных видов деятельности третьего сектора позволяет укрепить легитимность политической системы, включить в процесс принятия решений и администрирования агрегированные требования и поддержку социальных институтов.

В условиях цифровизации сфер общественной жизни чиновники публично обосновывают необходимость и эффективность политик, опираются на ресурсы включенных в сети принятия и реализации политических решений институционализированных организаций бизнеса и третьего сектора. В рамках модели неокорпоративизма органы государственной власти в обязательном порядке учитывают квалифицированные суждения «лицензированных» НКО и только в добровольном, избирательном порядке учитывают квалифицированные суждения «нелицензированных» НКО. В частности, при экспертизе законопроектов, мониторинге реализации политик в различных сферах, общественных слушаниях. Третий сектор и бизнес вписываются в «железный треугольник» вместе с органами государственной власти.

При делегировании части государственных полномочий третьему сектору можно использовать концепцию рисков и страхования рисков Ф. Эвальда [3] и «нового пруденциализма» П. О'Мелли. [4]. В концепции Ф. Эвальда риск

представляется вероятностью, которую можно заранее просчитать и застраховать. Государство определяет сферы, в которых оно готово передать часть функций третьему сектору с исчислением двух типов рисков: а) вероятность наступления неблагоприятных событий в конкретной сфере, если не будут проведены определенные мероприятия со стороны публичного и третьего сектора; б) вероятность неэффективного исполнения делегированных функций третьим сектором, что приведет к негативным социальным последствиям, ответственность за которые понесет публичный и третий сектор. Государство выступает в роли страховщика — предоставляет третьему сектору финансовые ресурсы на реализацию функции по минимизации рисков (например, регулярный мониторинг экологической обстановки). Государственные гранты третьему сектору выполняют роль страховых премий, а сэкономленные бюджетные деньги служат аналогом прибыли страховщика. Происходит максимизация социальной солидарности — государство рационально тратит средства налогоплательщиков на финансирование некоммерческой организации, которая принимает на себя обязательство по производству общественно полезной услуги, а выгодоприобретателем полезности услуги выступают граждане, проживающие на территории сферы действия НКО.

В концепции П. О'Мелли предполагается перенос ответственности за индивидуальные риски в поддержке здоровья, поиске работы, пенсионных накоплениях, сохранении имущества, личной безопасности, получении образования на домохозяйства и сообщества граждан. Нетоталитарное государство не берет на себя функцию принуждения к здоровому образу жизни, запрета вредных привычек, массового распространения добровольного медицинского и пенсионного страхования, превентивного устранения возможностей совершения правонарушений, гарантированного предоставления рабочих мест и гарантированного образования выше определенного уровня. Третий сектор призван оказывать экспертное воздействие на поведение граждан (особенно отнесенных к группам конкретного риска) с целью минимизации рисков в указанных сферах. Организации третьего сектора, состоящие, прежде всего, из граждан, минимизировавших специфические риски, оказывают воздействие на граждан с максимальными рисками, чтобы предотвратить наступление неблагоприятных событий или уменьшить индивидуальный/общест-

венный/государственный ущерб от них. Поскольку третий сектор не наделен принудительными полномочиями государственной власти, то его воздействие на граждан, оказавшихся в проблемной ситуации риска, можно рассматривать как гражданскую самопомощь, возвращающую статус активного социального субъекта представителю группы риска. Вместо привычной дихотомии «государство — общество», формируется модель «государство — сообщества», в которой публичная власть добровольно передает часть функций и ресурсов третьему сектору с обязательством решать проблемы эффективнее и результативнее.

Для измерения эффективности исполнения функций государственной власти в контексте развития гражданского общества требуется наличие государственной стратегии (отраслевых, региональных стратегий) с конкретными цифровыми показателями, сроками, этапами. Соответственно, первым критерием эффективности будет **достижение стратегических показателей в установленные сроки**. При отсутствии прогнозных показателей или в случае их регулярной значительной корректировки измерение эффективности невозможно. Стратегические цели, как правило, формулируются представителями профессиональной бюрократии, принимаются законодательными органами и институционализируются в виде нормативных правовых актов. Многоуровневая система стратегий от федерального центра до муниципалитета в идеале представляет собой аналог сбалансированной системы показателей крупной корпорации, которая каскадирует субстратегии сверху вниз и базируется на четырех составляющих: финансы (бюджетные доходы и расходы), клиенты (потребители государственных услуг), внутренние бизнес-процессы (менеджмент в государственных организациях), обучение и рост (подготовка и переподготовка управленческих кадров). Если для частной корпорации приоритетными являются финансовые и клиентские цели, то при реализации государственных функций денежные ресурсы выступают только как средства для достижения клиентских целей, которые заключаются в удовлетворении потребностей индивидуальных и коллективных акторов в ходе реализации различных государственных политик. Достижению клиентских целей способствует третья составляющая — внутренние процессы (разработка государственной, региональной, муниципальной политики, оказание государственных услуг), обучение и рост — спо-

способность выполнять внутренние процессы дифференцированно (умения, способности, знания государственных служащих).

Третий сектор участвует во всех стадиях процесса — экспертиза законопроектов, общественные слушания, формирование общественного мнения, организация групп поддержки или протеста, реализация государственных политик в рамках выделенного бюджетного финансирования или на основе самофинансирования, мониторинг эффективности публичного администрирования, выявление дисфункций государственного управления, помощь гражданам в защите своих интересов и прав. Третий сектор, бизнес и неинституционализованные граждане представляются не пассивными объектами государственной политики, а разноуровневыми ресурсными акторами, оказывающими посредством механизма обратной связи воздействие на органы государственной власти.

Вторым критерием оценки эффективности исполнения функций государственной власти в контексте развития гражданского общества можно считать **затраты времени на реализацию управленческих функций** с учетом вертикальной иерархии уровней государственной власти, горизонтальной специализации по сферам управления [5]. В деятельности государственных органов неизбежно присутствует асинхронность — бюджетные периоды не совпадают со сроками стратегий, конкретных проектов, запланированные этапы тормозятся паузами на перестроивании при смене руководства, перераспределение функций. Вынужденные сокращения бюджетных расходов негативно сказываются на сроках реализации запланированных целей.

При условии прозрачности процессов принятия и реализации политических решений третий сектор может выполнять роль независимого «хронометра», отслеживающего своевременность прохождения определенных временных этапов. Отклонения от установленных сроков связаны с несколькими факторами: неправильное, излишне оптимистичное планирование этапов; нескоординированность разноуровневых и разнотраслевых акторов; борьба групп интересов. Институционализированные НКО, стоящие вне иерархической вертикали, могут способствовать выстраиванию проактивного тайм-менеджмента, заранее прогнозируя риски отставания от графика, создавая неформальные площадки для координации деятельности представителей

государственного аппарата, проводя экспериментальные пилотные проекты.

Третьим критерием оценки эффективности исполнения функций государственной власти является использование **адекватного стиля управления** — как внутри самой бюрократической структуры, так и проявление данного стиля по отношению к объектам государственной политики [5]. Стили управления находятся в широком диапазоне между жестко авторитарным и попустительским, соответственно, используется либо механизм тотального патернализма, либо механизм ситуативного рыночного поведения с реакцией на спрос клиентов. На стили управления оказывают воздействие не только субъективные качества руководителя, но и политическая культура общества, корпоративная культура организации, баланс ресурсов акторов государственного и частного сектора, сила организаций гражданского общества. На современном этапе в российской политике функционирует вертикаль власти с многочисленными элементами «ручного управления» как на федеральном, так и на региональном уровне. В силу значительной дифференциации российских регионов по уровню социально-экономического развития и типу регионального политического режима стили управления могут варьироваться. Активное участие третьего сектора в социально-политической жизни способствует эволюции управленческого стиля разных уровней власти от авторитарного к демократическому. Количественным показателем данного критерия может выступать число НКО, участвующих в реализации государственных функций, объем оказанных НКО услуг.

Четвертым критерием оценки эффективности выступает **адекватный уровень сложности управленческого механизма**, который теоретически не должен превосходить уровень сложности управляемого объекта [6]. Если управляемый объект оказывается сложнее управляющего субъекта, то эффективность выполняемых государственных функций снижается, отдельные фрагменты взаимоотношений оказываются вне сферы регулирования, развиваются негосударственные практики решения вопросов. Если управляемый объект оказывается проще управляющего субъекта, то возникает ситуация избыточного администрирования, роста бюрократизма, расширения государства. Доминирующая мировая тенденция на усложнение общества приводит к снижению эффективности иерархической бю-

рократии, что вызывает процесс регионализации, федерализации, развития местных территориальных сообществ, а также приводит к передаче части государственных полномочий третьему сектору. Несмотря на некоторые корректировки указанной тенденции в России (замедление темпов усложнения общества из-за политики стабилизации, международных санкций, невысоких темпов экономического роста), общество усложняется и государственные структуры оказываются перед дилеммой: либо усложнять государственный аппарат, создавая новые управленческие, контрольные, распределительные органы, увеличивать масштаб государственного сектора, либо вовлекать в процесс реализации части государственных функций третий сектор, бизнес, активизировать и масштабировать государственно-частное партнерство. В настоящее время принимаются разновекторные решения, используются приемы добровольно-принудительной передачи государственных обязательств бизнесу в форме «социальной ответственности», федерализм приобретает форму унитаризма. Однако ключевым показателем критерия эффективности следует считать долю участия третьего сектора в исполнении государственных функций, количество сфер совместного частно-государственного управленческого партнерства, внедрение практик консоциативной демократии.

Заимствованным из экономики является пятый критерий эффективности на основе **издержек** — выраженных в денежной форме затрат на производство услуг публичного сектора. В отличие от рыночных бухгалтерских и экономических издержек, включающих затраты на приобретение факторов производства, упущенную выгоду собственника от альтернативного использования активов, государственные издержки определяются суммами бюджетных расходов на функционирование государственной системы управления. Для государственных служащих разрабатываются ключевые показатели эффективности, которые фиксируют результативность (достижение целей) и эффективность (соотношение результатов и затраченных ресурсов). Таким образом, эффективность для государственных служащих определяется двумя переменными — результативностью в достижении стратегических целей и суммой денежных затрат на осуществление администрирования. Специфика публичного администрирования связана с необходимостью строгого соблюдения регламентов и процедур,

ограниченностью системы материального поощрения, стандартизацией и масштабированием бюрократических практик, тесной координацией деятельности различных структур.

Если государство производит общественные блага, которые не производит частный бизнес и третий сектор, то невозможно сравнить эффективность общественного и частного сектора. Если государство производит общественные блага, которые производит частный бизнес и третий сектор, то имеется возможность такого рода сравнения. Применение метода альтернативных издержек позволяет определить виды и объемы государственных функций (обязательств), которые могут быть переданы третьему сектору и бизнесу либо без компенсации в порядке отказа государства от данных функций, либо с денежной компенсацией в порядке бюджетной оптимизации, с использованием компетенций и ресурсов бизнеса и третьего сектора. Основными параметрами эффективности в таком случае могут выступать цена, качество, гарантированность услуг во времени и пространстве, масштаб деятельности. На критерий издержек влияет налогово-бюджетная система страны. При высокой налоговой нагрузке и значительной доле бюджетных расходов в ВВП третий сектор остается с меньшим количеством ресурсов, что может затруднять финансирование НКО. Однако в ряде стран с большими, нежели в России, показателями налоговой нагрузки и бюджетными расходами (Скандинавские страны) третий сектор активно участвует в деятельности политических сетей.

В отдельный — шестой критерий — целесообразно выделить **целевое расходование бюджетных средств**, которое подразумевает минимизацию коррупционных и теневых практик незаконного перераспределения государственных денег в форме ренты чиновников и бизнесменов. Коррупционные издержки ложатся бременем на налогоплательщиков, и честно работающие государственные органы власти приводят к ухудшению качества государственных услуг, сокращению их количества, вызывают негативное отношение в обществе и в конечном счете подрывают стабильность политической системы, снижая ее легитимность. Мониторинг целевого расходования бюджетных средств представляется одной из ключевых функций третьего сектора, который непосредственно заинтересован в максимизации кумулятивного эффекта собственной деятельности и работы государственных орга-

нов и учреждений. Мониторинг предполагает не только конечную констатацию отклонений от заявленных объемов финансирования, но и оценку рациональности планируемых показателей расходов до начала реализации функций, выявление лоббистских практик внутриминистерских перераспределений бюджетов под курируемые направления деятельности. Практика зарубежных стран свидетельствует о высокой эффективности антикоррупционной работы организаций третьего сектора, которые, с одной стороны, дополняют работу государственных органов финансового контроля, а с другой стороны, играют роль внешних независимых аудиторов, указывающих слабые места государственного управления.

Седьмым критерием эффективности исполнения государственных функций является **сбалансированное поддержание целостности системы и активации потенциала развития сфер общественной жизни**. Государственные политики нацелены, с одной стороны, на регулирование расширенного воспроизводства материальных и духовных благ для стабилизации социальных отношений, недопущения «провалов рынка», кризисов, девиаций. С другой стороны, новые вызовы изнутри и извне системы требуют инноваций, новых способов и ресурсов развития. Как главный институт политической системы, аккумулирующий ресурсы, монополию на легитимное насилие и законотворчество, государство в лице структур государственного аппарата опирается при решении проблем на участие третьего сектора. Без гражданского участия политико-экономическая система не способна справиться с проблемами массовой иммиграции и эмиграции, экологии, девиантных форм поведения молодежи, политического абсентеизма, ресоциализации маргиналов и др.

Можно сказать, что в треугольнике «государство — бизнес — третий сектор» за стабильность и безопасность отвечает государство, а за инновации — бизнес и третий сектор, поскольку по своей природе двум последним секторам свойственна меньшая регламентация, стандартизация, иерархичность. В случае разбалансированности треугольника возникают риски потери стабильности (опыт РФ 90-х гг., когда роль государства ослабла и оно не выполняло свои функции должным образом) или потери инновационного потенциала (опыт последнего десятилетия РФ, когда бизнес и третий сектор все больше становятся под контроль государства). Именно необходимость актуа-

лизации инновационного потенциала становится приоритетом повестки дня России, а для этого бизнес и третий сектор в рамках неокорпоративистской модели должны получить упрощение процедуры «лицензирования» со стороны государства, получить более равноправный доступ к реализации части государственных функций, в том числе с выделением под реализацию этих функций бюджетных средств через механизмы государственно-частного партнерства и гранты.

Интегративным восьмым критерием эффективности исполнения государственных функций с привлечением третьего сектора и бизнеса является **формирование максимально широкой выигрывающей коалиции**. Деятельность органов власти направлена на реализацию различных политик, у каждой политики имеются свои выгодоприобретатели, при этом издержки в виде налогообложения несет все общество. Чем большее количество групп интересов и отдельных граждан становятся выгодоприобретателями конкретной политики, тем больше размер выигрывающей коалиции. Можно измерить разницу между максимально возможной выигрывающей коалицией в какой-либо политике и минимальной выигрывающей коалицией, что позволит подсчитать соотношение включенных и исключенных групп. Чем больше включенных групп и индивидов, тем эффективнее исполнение функций государственной власти, чем меньше включенных групп и индивидов, тем менее эффективна государственная политика. Данный критерий аккумулирует экономическую, политическую, социальную и собственно управленческую эффективность, связанную с выполнением функций по регулированию всех сфер общественной жизни.

Характерной особенностью российских политических сетей и участия в них третьего сектора является доминирующая роль государственных структур, которые «лицензируют» отобранных акторов бизнеса и гражданского общества для участия в публичной политике. Третий сектор и бизнес встраиваются в политическую систему по правилам игры государственных органов, что соответствует проводимой в последнее десятилетие политике поиска собственной модели политического и экономического развития. Переход на «мобилизационный» сценарий с 2014 г. предполагает консолидацию управленческих структур государства, бизнеса и третьего сектора и расширение участия неправительственных организаций в осуществлении государственных

Таблица / Table

Критерии оценки эффективности исполнения функций государственной власти / Criteria for assessing the effectiveness of the functions of state power

Критерий оценки эффективности исполнения функций государственной власти	Индикатор
Достижение стратегических показателей в установленные сроки	Количество достигнутых абсолютных и относительных показателей, установленных в документах (стратегиях) органов государственной власти разного уровня, к определенному отчетному периоду
Затраты времени на реализацию функций	Процент соблюдения регламентированных сроков, процент отклонений от регламентированных сроков при реализации функций; оптимизация (сокращение) сроков
Использование адекватного стиля управления	Доля демократических практик управления, демократического (сетевого) стиля управления при реализации функций на основе оценок потребителей услуг; удельный вес участия третьего сектора в исполнении определенных государственных функций
Адекватный уровень сложности управленческого механизма	Соотношение динамики объема функций государственной власти с динамикой объема типов социальных взаимодействий в разных сферах общества; количество сфер совместного частно-государственного управленческого партнерства, количество практик консociативной демократии на региональном и муниципальном уровне
Издержки на реализацию функций	Суммы бюджетных расходов на исполнение государственных функций в сопоставлении с достигнутыми результатами; эталонное тестирование (бенчмаркинг) в сравнении с затратами и результатами третьего сектора и бизнеса
Целевое расходование бюджетных средств	Удельный вес коррупционных средств по данным правоохранительных органов по отношению к расходам на государственное управление и производство общественных благ; удельный вес коррупционных средств по данным правозащитных НКО по отношению к расходам на государственное управление и производство общественных благ
Сбалансированное поддержание целостности системы и активации потенциала развития сфер общественной жизни	Процент эволюционного изменения показателей развития определенной сферы по сравнению с предыдущим периодом (характеристика стабильности); количество и достигнутые результаты инновационных практик в отчетный период (развитие)
Формирование максимально широкой выигрывающей коалиции	Уровень доверия и поддержки «включенных групп» в определенной сфере; уровень недоверия и протестных настроений «исключенных групп» в определенной сфере

функций при условии прохождения неформальной процедуры «лицензирования», подтверждения лояльности основам политической системы. Критерий достижения максимально широкой выигрывающей коалиции конкретизируется в достижении общественного согласия относительно целей общественного развития и средств их достижения. Отклонение от общественного согласия, сигнализирующее о неэффективности выполнения государством своих функций, проявляется в протестных настроениях, социальной аномии, росте теневой экономики, распространении агрессивной контркультуры, что в конечном счете подрывает легитимность политической системы.

Эффективность управленческих практик государственных органов и отдельных политиков тестируется гражданами в ходе выборов, референдумов, опросов общественного мнения,

обращений, протестных акций, выступлений в СМИ, активностью в социальных сетях. Распространение средств массовой коммуникации дает возможность каждому гражданину стать независимым оценщиком политического менеджмента разных уровней управления. Эффективность можно измерить через уровень доверия. Социологические опросы ВЦИОМ свидетельствуют о значительном расхождении в оценке эффективности ветвей власти: на первом месте находится Президент РФ, а Правительство, депутатский корпус, губернаторы, судебная власть оцениваются как менее эффективные, уступая армии, церкви, СМИ (https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_obshhestvennykh_institutov/).

Таким образом, можно обобщить критерии оценки эффективности исполнения функций государственной власти в контексте развития гражданского общества (см. таблицу).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ахременко А. С. Оценка эффективности государства в производстве публичных услуг: теоретическая модель и методика измерения. *Полис. Политические исследования*. 2012;(1):113–119.
2. Easton D. A Systems Analysis of Political Life. New York: John Wiley and Sons, Inc.; 1965:72–73.
3. Ewald F. Insurance and risk. The Foucault effect: studies in Governmentality. G. Burchell, G. Gordon, P. Miller, eds. London: Harvester Wheatsheaf; 1991:197–210.
4. O'Malley P. Risk, power and crime prevention. *Economy and Society*. 1992;21(2):252–275.
5. Атаманчук Г. В. Теория государственного управления. М.: Юридическая литература; 1997.
6. Шабров О. Ф. Эффективность государственного управления в условиях постмодерна. *Власть*. 2010;(5):4–9.

REFERENCES

1. Akhremenko A. S. Evaluation of the efficiency of the state in the production of public services: theoretical model and method of measurement. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2012;(1):113–119. (In Russ.).
2. Easton D. A Systems Analysis of Political Life. New York: John Wiley and Sons, Inc.; 1965:72–73.
3. Ewald F. Insurance and risk. In The Foucault effect: studies in Governmentality. G. Burchell, G. Gordon, P. Miller, eds. London: Harvester Wheatsheaf; 1991:197–210.
4. O'Malley P. Risk, power and crime prevention. *Economy and Society*. 1992;21(2):252–275.
5. Atamanchuk G. V. Theory of public administration. Moscow: Yuridicheskaya literatura; 1997. (In Russ.).
6. Shabrov O. F. The efficiency of public management in the postmodern period. *Vlast'*. 2010;(5):4–9. (In Russ.).

DOI: 10.26794/2226-7867-2018-8-6-43-48

УДК 0342.59(045)

ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА: ОБЩЕМИРОВЫЕ И РОССИЙСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ*

Родионова Ольга Владимировна,

д-р юрид. наук, доцент, заведующая кафедрой трудового и экологического права,

Ивановский государственный университет,

Иваново, Россия

o.rodionova1955@gmail.com

Сигалов Константин Елизарович,

д-р юрид. наук, доцент, заместитель директора Института

проблем эффективного государства и гражданского общества,

Финансовый университет; профессор кафедры теории государства и права,

Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя;

профессор кафедры истории права и государства Юридического института,

Российский университет дружбы народов (РУДН), Москва, Россия

sigalovconst@mail.ru

Аннотация. Цель статьи — определить круг наиболее важных проблем эффективности современного социального государства, обусловленных тем, что в современном обществе повсеместно происходит модификация социального государства в сторону его приватизации, сокращения участия органов государственной власти и более активного участия институтов гражданского общества. Использование антропологической методологии позволило выявить аксиологические аспекты проблемы, компаративистской методологии — сравнительный анализ способов управления социальными процессами. Были также использованы системная и историческая методологии при исследовании динамики происходящих процессов. Детерминантом актуальной модели социального государства для России стала демографическая ситуация, спровоцированная «демографической ямой» 90-х гг. и обусловленная сокращением трудоспособного населения, отсутствием среднего класса, появлением «работающих бедных» и увеличением населения пенсионного возраста. Реализация социального государства в СССР получила импульс своего развития на Западе, ее воплощение превзошло советские аналоги, но было извращено неолибертариантскими посылами. Особое внимание в статье уделяется реализации права на среднее и высшее профессиональное образование детьми из бедных семей, так как именно дети являются стратегическим трудовым ресурсом для любого государства. Эта проблема имеет глобальный характер, и в настоящее время отсутствует оптимальное законодательное и практическое решение как на Западе, так и в России.

Ключевые слова: социальное государство; управление; демографические проблемы; старение населения; «работающие бедные»; стратегические трудовые ресурсы; стабилизация общественного порядка; гражданское общество; эффективность; волонтерство

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету при Правительстве Российской Федерации 2018 г.

PROBLEMS OF EFFICIENCY OF MODERN SOCIAL STATE: GLOBAL AND RUSSIAN TRENDS**

Olga V. Rodionova,

Dr. Sci. (Jurisprudence), Associate Professor, Head of the Department of Labour and Environmental Law, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia
o.rodionova1955@gmail.com

Konstantin E. Sigalov,

Dr. Sci. (Jurisprudence), Associate Professor, Deputy Director of the Institute of Effective State and Civil Society, Financial University; Professor of faculty of the Theory of State and Law, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Professor, Department of the History of the State and Law, Law Institute of the RUDN University, Moscow, Russia
sigalovconst@mail.ru

Abstract. *The article describes the current trends of the social state by Russian and foreign experience. The purpose of the article is to determine the range of the most important problems of the effectiveness of the modern social state, due to the fact that in modern society everywhere there is a modification of the social state in the direction of its privatization, reducing the participation of public authorities and more active participation of civil society institutions. The use of anthropological methodology allowed to reveal axiological aspects of the problem, comparative methodology – comparative analysis of the ways of social processes management. Also, in the study of the dynamics of the processes, we used the system and historical methodologies. The determinant of the actual model of the social state for Russia was the demographic situation provoked by the 'demographic pit' of the 1990s and caused by the reduction of the able-bodied population, the absence of the middle class, the emergence of the 'working poor' and the increase in the retirement age population. The implementation of the welfare state in the USSR received a boost in its development in the West, the incarnation was superior to the Soviet counterparts but were perverted neo-libertarianism promises.*

In conclusion, it is proposed to improve the Russian tax legislative framework through the reception of positive experience of foreign countries for donors of the social state in various fields of application of the social state. Particular attention is paid to the realisation of the right to secondary and higher professional education by children from low-income families because children are a strategic labour resource for any state. This problem is global, and there is currently no optimal legislative and practical solution, both in the West and in Russia.

Keywords: *the welfare state; governance; demographic issues; an ageing population; the 'working poor'; strategic human resources; stabilisation of public order; civil society; efficiency; volunteering*

Социальное государство — это, по существу, одна из основных форм деятельности развитого современного государства. Это — идеал, модель, во многом еще несовершенная и неразработанная, отсюда и значительные проблемы как теоретического, так и чисто практического характера. Сегодня мы становимся свидетелями того, как изменяются масштабы, направления и формы участия власти в реализации социальной функции государства в России. Государственный сектор участия в социальной защите, образовании,

оказании медицинских услуг сокращается повсеместно. Официальная мотивация заключается в том, что во многом социальная помощь — это, в том числе, и поощрение иждивенчества, нежелания отдельных реципиентов социальной функции государства активно включаться в трудовую общественно-полезную деятельность.

Идея функционирования социального государства — это то, что в малейшей степени получилось в СССР. Западные демократии уже в 50–60 гг. XX в. заметили этот позитивный

** The article is based on the results of research carried out at the expense of budget funds on the state task of the Financial University under the Government of the Russian Federation in 2018.

тренд, подхватили и благополучно развили социальное государство у себя. Тем не менее очень многое приводит к изменению баланса в субъ-ектном составе реализаторов (доноров) социального государства. Эти перемены также во многом обусловлены изменением демографической структуры населения, которая усугубила дисбаланс между донорами и реципиентами социального государства. Старение населения как общемировая тенденция увеличивает количество реципиентов социального государства и сокращает количество его доноров. В России негативное влияние на динамику социальной функции государства оказывает также демографическая яма середины 90-х гг. XX в.

И поскольку государственные органы не справляются с обеспечением достойного уровня жизни всем членам государственно-организованного общества, соактором органов государства в реализации социальной функции все чаще вынуждены выступать институты гражданского общества, так как значительное количество населения живет за чертой бедности. Средний класс в современной России не сформирован в полной мере, малообеспеченных групп населения гораздо больше, чем того требуется для установления стабильного общественного порядка. Даже в докризисный период около 45% опрошенных респондентов оценивали свой жизненный уровень ниже черты бедности [1]. Численность трудоспособного населения сокращается, что ведет к сокращению возможностей государственных органов оказывать социальную помощь нуждающимся в необходимом объеме. В 2015 г. доля бюджетных расходов на все виды социальной помощи и социальной защиты составила 20,82%, что не позволило поддерживать достойный уровень жизни всем группам населения России [2].

В этой связи крайне актуальной становится помощь со стороны гражданского общества. Но пока отечественные институты гражданского общества недостаточно активны в сфере реализации социальной функции, а неэффективная налоговая политика сдерживает активность предпринимателей в оказании социальной помощи населению. Есть только одно направление, где наметился реальный прорыв в активизации гражданского общества — это сфера волонтерства (добровольчества).

Возможно, это именно современная российская проблема, так как активность зарубежных

институтов гражданского общества в плане оказания безвозмездной помощи нуждающимся гораздо выше, о чем свидетельствуют факты, проанализированные зарубежными учеными. «Различные аспекты участия институтов гражданского общества в социально-экономическом развитии государства за рубежом исследовали такие ученые, как Vincent Conitzer, Tuomas Sandholm, Firouz Gahvary, Nedim Peter Vogt, Edward Reed и др. Например, E. Reed отметил, что Закон о благотворительности в Великобритании, принятый в 2007 г., базируется на предыдущем опыте и направлен на обеспечение социально-экономического развития государства. В свою очередь, A. Warren, M. Hoyler, M. Bell констатировали, что британские университеты получают рекордные объемы финансирования в форме благотворительных пожертвований. Так, в 2013 г. самым крупным источником финансирования вузов Великобритании впервые стали именно благотворительные взносы, что позволяет учебным заведениям сохранять высокую конкурентоспособность на рынке образовательных услуг, отмечает И. В. Балынин [3].

Отечественная практика помощи со стороны меценатов нашим вузам пока значительно отстает. Нашим законодателям неплохо было бы изучить «Закон о благотворительности» Великобритании и реципировать содержащиеся в нем позитивные моменты, касающиеся гибкой системы налогообложения, налоговых льгот для доноров, финансирующих высшие учебные заведения, что в конечном итоге будет способствовать повышению конкурентоспособности отечественных вузов на мировом рынке образовательных услуг [4].

Продуманная бюджетная политика в целом не должна ограничиваться политическими декларациями и призывами, она требует также оптимального законодательного решения, предполагающего налоговые льготы для крупных доноров социальной функции. И чем скорее эти льготы будут оформлены законодательно, тем раньше активизируется частное бизнес-сообщество, что позволит в определенной степени разгрузить государственный бюджет, улучшить сложную ситуацию с финансированием социальной функции государства.

Отдельные авторы обвиняют в такой ситуации органы государственной власти и проводимую ими политику: «Антисоциальная политика государства ввергает людей в тяжелейшую де-

прессию, и даже низшие потребности из пирамиды А. Маслоу (питание, одежда и пр.) не удовлетворяются в достаточной для нормальной жизни мере» [5]. Не только представителям органов государственной власти различного уровня, но и институтам гражданского общества следовало бы быть более активными в решении неотложных социально-острых вопросов, ибо ситуация может выйти из-под контроля и последует дестабилизация общественного порядка. В качестве активатора этого процесса можно использовать налоговые льготы или иные преференции для активных соакторов социального государства в лице негосударственных институтов.

Конституция России — документ прямого действия, и все, что в этом документе прописано, должно непременно исполняться. Так, в ч. 2 ст. 43 гарантируется общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в государственных или муниципальных образовательных учреждениях и на предприятиях. Общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования обеспечивается государством путем создания системы образования и соответствующих социально-экономических условий для получения образования. Но сегодня в России дети из бедных семей не всегда могут получать качественное образование, а ведь это весьма значительное число детей в современной России. Именно уровень образованности определяет в современном высокотехнологичном мире качество трудовых ресурсов.

Близкая по характеристикам зарубежных ученых ситуация в этом секторе социального государства сегодня имеет место и в США: налицо неравенство, с которым сталкиваются дети из бедных семей. Существующие программы оцениваются, как недостаточные и предлагается организовать более эффективные инвестиции в социальные программы по обеспечению материнства и детства. Отмечается необходимость масштабного государственного инвестирования дородовых и дошкольных программ, которые смогут обеспечить необходимым питанием беременных женщин и детей дошкольного возраста. Считается необходимым развивать более совершенные, отвечающие запросам времени и состоянию экономики программы социальной помощи, обеспечивающие равный доступ

к образованию. Следует усовершенствовать системы социальной помощи бедным семьям, для чего предлагается оптимизировать их путем зачетов подоходных налогов. По мнению Н. Гилберта и Д. Бешарова [6], ухудшились возможности детей из бедных семей по получению высшего образования: раньше США были лидером по предоставлению такой возможности, но сегодня ситуация изменилась. И консенсуса в решении этой проблемы на сегодняшний день не существует [7].

Все социальные государства решают проблему приобретения высшего профессионального образования двумя путями: либо это невысокая плата за обучение, финансируемая за счет государственных субсидий, либо система займов, которые зависят от доходов. Последний путь особенно эффективно реализован сегодня в Австралии: государство предоставляет целевые кредиты на образование с низкими транзакционными издержками. Погашение этих образовательных кредитов осуществляется через налогообложение. Ставки кредитов варьируются в зависимости от того, в каком учебном заведении будет учиться заемщик: если в государственном — ставки ниже, если в частном — выше.

Данная сфера отношений урегулирована на сегодняшний день в большинстве социальных государств недостаточно: требуются новые правовые решения как для регламентации кредитования студентов финансирующими учреждениями, так и для регламентации соответствующей деятельности высших образовательных учреждений.

Имеются проблемы и в российской системе здравоохранения. «В настоящее время системные деградационные процессы накопились, и мы становимся свидетелями резкого падения рождаемости и роста смертности как по структурным причинам, вследствие старения населения, так и по причинам, обусловленным разрушением системы здравоохранения» [8, с. 293].

Переход к новым экономическим отношениям в конце XX в. обусловил изменения в социальной структуре современного российского общества: появились частные предприниматели, изменилась структура такой социальной группы, как наемные работники. Обе эти группы еще окончательно не оформлены, крайне неоднородны по уровню доходов и отличаются

высокой внутренней дифференциацией. В современной России появилась новая социальная группа — рантье. Это люди, которые не имеют необходимости продавать свой труд — они обеспечивают свое существование путем получения дохода от собственности, от процентов своих банковских вкладов. Сегодня отмечается диверсифицированность и подвижность социальной структуры современного российского общества: усиление горизонтальной мобильности россиян при доминировании нисходящей мобильности крупных социальных групп над восходящей мобильностью. В результате интеграции России в мировую экономическую систему произошло мощное социальное расслоение, в результате которого основные денежные массы сосредоточились в руках небольшой группы населения, а большая часть населения оценивает свое материальное положение как недостойное имеющегося профессионального статуса [9]. Иными словами, бедное население — это значительная часть населения современной России.

В начале нынешнего тысячелетия появилась новая социальная группа в России: «работающие бедные». «В 2000 году российскими учеными был зафиксирован уникальный для мировой общест­венности феномен — „работающие бедные“, как некоторая антитеза „новым русским“» [10, с. 76]. Причем, как отмечают некоторые авторы, это «не ветхие старики, не одинокие матери и не бессильные инвалиды», а люди трудоспособного возраста, имеющие жилье и штатную работу. Но они либо не получают зарплату, либо получают ее с большими задержками, либо заработная плата столь мала, что не обеспечивает сколько-нибудь достойного существования. И доля работающих бедных в современной России порой достигает половины работающего населения [11, с. 29]. Несмотря на то что зарплаты в целом растут (в основном у «бюджетников»), такая тенденция продолжает оставаться — в первую очередь в «донорских регионах». Эта ситуация недопустима и имеет крайне негативный воспитательный эффект: она противоречит здравому смыслу и приводит к мысли о том, что труд не есть необходимость, коль скоро работающий на условиях полного рабочего дня не обеспечивает себе и своей семье достойный уровень жизни.

Развивать, поощрять, инициировать различные институты гражданского общества на помощь слабозащищенным членам нашего государственно-организованного общества — это

серьезная стратегическая политически значимая и первостепенная задача в рамках реализации концепции социального государства. Но социальная функция государства имеет определенную инерцию в своем развитии. И, несмотря на некоторые изменения, десятилетиями складывавшиеся в сфере оказания социальных услуг, государственные и муниципальные институты сохраняют за собой в ближайшие годы ведущую роль в деле оказания социальной помощи населению.

Без активного участия институтов гражданского общества в отправлении социальной функции государства сегодня достичь уровня достойной жизни для большинства граждан России невозможно. И все же основным актором, реализующим социальную функцию в современных условиях, должно оставаться государство в лице своих властных органов. И его роль не ограничивается только координацией и правоустановлениями, она предполагает прямой патернализм в виде необходимой материальной помощи нуждающимся. Активные стратегии рынка труда (АСРТ) плохо работают в условиях экономического кризиса, неопатерналистское социальное государство («государство труда») с его идеей приватизации социальной функции не справляется со своей главной задачей — защитой нуждающихся. Возникает риск дестабилизации общественного порядка, во избежание которого необходимо изменить вектор динамики социального государства в направлении активизации органов государства как базового актора социального государства. В близкой перспективе — новая модель социального государства, отвечающая современным реалиям. Возможность его достижения обусловливается различными основаниями, имеющими разнонаправленные характеристики. Это и эффективность государственного управления, и традиции российской государственной политики, предусматривающей патерналистский тренд в отношении населения, и активизация институтов гражданского общества, и развитие волонтерства (добровольчества), и возвращение к старым добрым российским традициям меценатства и благотворительности. В сложные, переходные времена залогом успеха всегда являлась возможность решать проблемы «всем миром», только так и можно не попасть в кризисное состояние или благополучно из него выйти.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Савина Т. Н. Демографическое развитие России: особенности и проблемы. *Контентус*. 2016;2(43):20–25.
2. Янковская Ю. В., Меликсетян С. Н. Оценка расходов федерального бюджета России на социальную политику. *Научный альманах*. 2017;2–1(28):287–291.
3. Балынин И. В. Участие гражданского общества в реализации социальных функций государства как фактор повышения качества управления расходами бюджета. *Финансы и кредит*. 2016;(3):40–53.
4. Благотворительность в Англии. Институт социальных инвестиций. URL: <https://sites.google.com/site/insocin/home/titular-isi/blagotvoritelnost/blagotvoritelnost-v-anglii>.
5. Агамиров К. В., Григорьева М. А. От права на самореализацию к праву на саморазвитие. *Человеческий капитал*. 2016;12(96):33–36.
6. Гилберт Н. И., Бешаров Д. Государства всеобщего благосостояния в условиях экономических потрясений: корректировка ориентированной на работу политики. *Политика и политология*. 2011;39(3):295–308.
7. Стиглиц Дж. Государство всеобщего благосостояния в XXI веке. Институт Рузвельта. URL: <http://rooseveltinstitute.org>.
8. Якушева И. П. Социальное государство в России: противоречия и тенденции. Инновационные технологии в науке и образовании: материалы V Международной науч.-практ. конф. (Чебоксары, 27 марта 2016 г.). В 2 т. Т. 2. Широков О. Н. и др., ред. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2016;1–2(5):289–296.
9. Гальцова А. Н. Становление и развитие социальной структуры современного российского общества. Сборник тезисов докладов на конференции «X Ковалевские чтения». Санкт-Петербург, 13–15 ноября 2015 г. Асочаков Ю. В., отв. ред. СПб.; 2015:93–94.
10. Куликова Н. В. Социальные аспекты трудовой деятельности. М.; 2016. 168 с.
11. Радаев В. В. Работающие бедные: велик ли запас прочности. *Социс*. 2000;(8):28–36.

REFERENCES

1. Savina T.N. Demographic development of Russia: peculiarities and problems. *Kontentus*. 2016;2(43):20–25. (In Russ.).
2. Yankovskaya Yu.V., Meliksetyan S.N. Assessment of the Russian federal budget expenditures on social policy. *Nauchnyi al'manakh*. 2017;2–1(28):287–291. (In Russ.).
3. Balynin I.V. Participation of civil society in the implementation of social functions of the state as a factor of improving the quality of budget expenditure management. *Finansy i kredit*. 2016;(3):40–53. (In Russ.).
4. Charity in England. Institute of Social Investment. URL: <https://sites.google.com/site/insocin/home/titular-isi/blagotvoritelnost/blagotvoritelnost-v-anglii>. (In Russ.).
5. Agamirov K.V., Grigorieva M.A. From the right to self-realisation to the right to self-development. *Chelovecheskii kapital*. 2016;12(96):33–36. (In Russ.).
6. Gilbert N.I., Besharov D. Welfare states amid economic turmoil: adjusting work-oriented policy. *Politika i politologiya*. 2011;39(3):295–308. (In Russ.).
7. Stiglitz J. The Welfare State in the Twenty-First Century. Roosevelt Institute. URL: <http://rooseveltinstitute.org/welfare-state-twenty-first-century>.
8. Yakusheva I.P. Social state in Russia: contradictions and trends. In *Innovatsionnye tekhnologii v nauke i obrazovanii*: Materialy V Mezhdunarodnoi nauch.-prakt. konf. (Cheboksary, 27 marta 2016 g.). Vol. 2. Shirokov O.N. et al., eds. Cheboksary: TsNS «Interaktiv plus», 2016;1–2(5):289–296. (In Russ.).
9. Gal'tsova A.N. Formation and development of the social structure of modern Russian society. In *Sbornik tezisev dokladov na konferentsii X Kovalevskie chteniya*. St. Petersburg, 13–15 November 2015 g. Asochakov Yu.V., ed. St. Petersburg; 2015:93–94. (In Russ.).
10. Kulikova N.V. Social aspects of labour activity. Moscow; 2016. 168 p. (In Russ.).
11. Radaev V.V. Working poor: whether the margin of safety is great. *Socis*. 2000;(8):28–36. (In Russ.).

DOI: 10.26794/2226-7867-2018-8-6-49-57
УДК 327.8(045)

САНКЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРИНУЖДЕНИЯ СУВЕРЕННЫХ ГОСУДАРСТВ: ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Егорченков Дмитрий Александрович,

директор Института

стратегических исследований и прогнозов РУДН, Москва, Россия

egorchenkov@isip.su

Данюк Никита Сергеевич,

заместитель директора Института стратегических исследований и прогнозов РУДН, Москва, Россия

danyuk@isip.su

Аннотация. Применение санкций в качестве инструмента реализации политики уходит корнями глубоко в историю международных отношений. Сами же санкционные ограничения могут касаться не только непосредственно экономической, но и политической, дипломатической и других сфер деятельности. Цель принятия санкций всегда была одна – воздействовать на страну-мишень без применения комплексных военных действий, ослабляя ее и подталкивая к политической капитуляции. Одной из наиболее эффективных форм санкционного давления в настоящий момент принято считать экономическую. Это связано с тем, что в условиях создания единого глобального рынка экономические связи стали играть важную роль, соответственно, их разрыв ведет к значительным издержкам. Настоящая статья посвящена анализу санкционных инструментов, которые используют международные акторы для оказания давления на суверенные государства. Цель принятия санкций – воздействовать на страну-мишень без применения комплексных военных действий, ослабляя ее и подталкивая к политической капитуляции. Авторы отмечают, что Соединенные Штаты Америки, выступающие основной движущей силой санкционной политики, используют ее для решения своих геоэкономических и геополитических задач. При этом Запад, который стремится сохранить существующий либеральный мировой порядок, и в частности США, теряющие статус глобального гегемона, использует в качестве новой философской основы для своей идеологии принципы неомодернизма.

Ключевые слова: санкции; неомодернизм; международные отношения; внешняя политика; США; глобальное доминирование; принуждение; геополитика; геоэкономика

SANCTIONS AS A TOOL FOR THE COERCION OF STATES: IDEOLOGICAL ASPECT

Dmitrii A. Egorchenkov,

Director of the Institute for strategic studies and predictions at RUDN University, Moscow, Russia

egorchenkov@isip.su

Nikita S. Danyuk,

Deputy Director of the Institute for strategic studies and predictions at RUDN University, Moscow, Russia

danyuk@isip.su

Abstract. *The implementation of sanctions as an instrument of policy implementation is deeply rooted in the history of international relations. The sanctions restrictions themselves may concern not only the economic but also the political, diplomatic and other spheres of activity. The goal of sanctions has always been the same – to influence the target country without the use of complex military actions, weakening it and pushing for political capitulation. Economic sanctions are today one of the most effective forms of pressure. It is because, in the context of the creation of a single global market, economic relations have become important, respectively, their gap leads to significant costs. This article is devoted to the analysis of sanctions instruments used by international actors to exert pressure on sovereign States. The purpose of sanctions is to influence the target country without the use of complex military actions, weakening it and pushing for political capitulation. The authors note that the United States, which is the main driving force of the sanctions policy, uses it to solve its geo-economic and geopolitical problems. At the same time, the West, which seeks to preserve the existing liberal world order, and, in particular, the United States, losing the status of a global hegemon, uses the principles of neo-modernism as a new philosophical basis for its ideology.*

Keywords: *sanctions; neo-modernism; international relations; foreign policy; USA; global domination; coercion; geopolitics; geo-economics*

В начале прошлого года аналитический исследовательский центр RAND Corporation, имеющий давнюю связь с американским разведсообществом, подготовил доклад «Сила принуждать» о перспективных невоенных стратегиях воздействия на противников и конкурентов США с пометкой «Подготовлено для армии США». Логика документа выглядит очень прямолинейно и откровенно. Приведем несколько цитат:

1. «США становится труднее, дороже и рискованнее использовать военную силу, чтобы противостоять многим угрозам международной безопасности, которые появятся в ближайшие годы. Несмотря на то, что в отдельных случаях не может быть никакой альтернативы военной силе, для политики США нужно большее число невоенных вариантов, из которых можно выбирать невоенные способы принуждения, сдерживания, ослабления и наказания тех стран, которые угрожают миру, безопасности и интересам США».

2. «Для принуждения могут использоваться следующие инструменты управления государствами: экономические санкции, карательные политические меры, кибероперации, скрытые разведывательные операции, военная помощь, пропаганда, ограничение или манипулирование торговлей, запрет перемещения товаров и движения людей, поддержка политической оппозиции».

3. «Россия, Иран и другие менее устойчивые, чем Китай, государства — более привлекательные цели для принуждения (more inviting targets for coercive power)» [1, p. 12].

По мнению американских экспертов, среди основных альтернативных инструментов дости-

жения собственных целей важное место занимают разного рода экономические санкции:

1. «Глобализация торговли, инвестиций, финансов, информации и энергии дают Соединенным Штатам перспективные варианты принуждения, особенно в отношении противников, которые зависят от доступа к таким рынкам и системам».

2. «Прекращение доступа к глобальным межбанковским системам может повлечь серьезный ущерб и болезненные экономические последствия».

3. «Участвовать в финансовых санкциях должны ключевые страны с ведущими банками».

4. «В дополнение к этим инструментам Р2С Соединенные Штаты могли бы развивать способность использования энергетических поставок в качестве силы принуждения».

5. «Соединенные Штаты должны отточить свою способность контролировать финансовые активы и потоки и изолировать непокорные государства и банки, которые вступают в хозяйственные отношения с враждебными странами».

6. Умелое и целенаправленное сочетание перечисленных способов может нарушить функционирование и доверие государств и рынков и, таким образом, иметь высокое принуждающее значение (для враждебных режимов) [1, p. 9].

Среди основных современных инструментов санкционного экономического давления необходимо выделить ограничения в области торговли, обмена технологиями, финансового рынка. Интенсивность экономических санкций определяется уроном, наносимым государству, против которого они направлены. Санкции могут охватывать:

- все население страны-мишени, ее экономическую систему;
- политический режим, лиц, принимающих решения;
- отдельные отрасли экономики страны-мишени;
- отдельные финансово-промышленные группы.

Не вызывает сомнения тот факт, что санкции разной интенсивности наносят ущерб государству. Неудивительно, что быстрое развитие санкционных инструментов происходило в период холодной войны, для которого характерно политико-идеологическое противостояние двух систем. Тогда США использовали санкционные инструменты давления по отношению к странам социалистического лагеря, в первую очередь — к СССР. Советский Союз был практически независим от международных финансовых институтов, что делало такое санкционное давление бесполезным, однако оно было эффективным в контексте технологического обмена.

В 1970–1980-х гг. в международных отношениях санкции были использованы 71 раз, при этом в 49 случаях под ударом оказывались развивающиеся страны [2]. Таким образом, становится понятно, что объектами санкционного давления Запада оказывались те страны, которые могли составить ему прямую конкуренцию в будущем или выбрать социалистический путь развития.

Распад социалистической системы не привел к снижению санкционного давления на развивающиеся страны. В 1990-е гг. в связи с победой либерально-капиталистического блока в холодной войне санкционное давление стало использоваться как инструмент продвижения либеральных ценностей среди развивающихся стран. Доктор экономических наук, профессор С. В. Казанцев отмечает: «Санкции — это оружие. Поэтому надо не только от него защититься, но и лишить его применяющих возможности и желания сражаться. Для этого следует, по крайней мере, защитить свои слабые места (еще лучше их не иметь) и нарастить собственную мощь. Использование инструментария санкций имеет давнюю историю...» [3].

Типичным для холодной войны примером экономических санкций стала политика так называемого «арабского бойкота». Он ставил перед собой, в первую очередь, политические цели и проводился на протяжении длительного временного интервала. Система экономических санкций была лишь одним из инструментов дав-

ления арабских стран на Израиль. Она использовалась в связке с дипломатическими, военными и другими методами. Несмотря на тотальный бойкот государства Израиль со стороны арабского мира, Тель-Авив с успехом смог преодолеть его последствия, поскольку это стало одной из причин, побудивших израильское руководство наладить отношения с ведущими странами Западной Европы и США. В 1977 г. американский конгресс запретил американским компаниям поддерживать арабский бойкот или участвовать в нем [4].

Советский Союз за годы своего существования постоянно подвергался санкционному давлению. Еще до Второй мировой войны СССР подвергался торгово-экономической дискриминации со стороны стран Запада, в первую очередь бывших союзников царской России по Антанте: в 1929 г. был введен запрет на прием от СССР западными банками и фирмами золота, а в 1930 г. — эмбарго на ввоз в страны Европы всех советских товаров, кроме зерна. Отметим, что этот шаг спровоцировал массовый голод в ряде советских республик, от которого больше всего пострадали РСФСР, УССР, КССР.

Окончание Второй мировой войны СССР встретил в стане победителей, внося основной вклад в победу над нацистской Германией. Однако для своих союзников — США и Великобритании — СССР продолжал оставаться идеологическим противником, холодная война уже была на пороге. Как говорилось выше, санкционное давление применяется в тех случаях, когда ведение классической войны не представляется возможным или слишком затратным. Так и было в случае с СССР.

В 1949 г. ряд стран, относящихся к западному блоку: США, Великобритания, Канада, Франция, ФРГ и т.д., объединились в международную организацию — Координационный комитет по экспортному контролю (КОКОМ). Основным направлением деятельности этой организации являлось составление перечня товарных позиций и технологий, экспорт которых в страны только еще формирующегося социалистического блока был запрещен. Таким образом, государства, продвигающие либерально-капиталистические ценности, начали неприкрытое давление на другие страны по идеологическим мотивам.

На протяжении всего периода холодной войны, вплоть до начала перестройки в СССР, т.е. «демонтажа» модели социализма, экономическое давление на страны соцблока постоянно возрастало. В 1974 г. была принята известная поправка Джек-

сона–Вэника к закону о торговле США, ограничивающая торговлю со странами, нарушающими права человека, в частности, препятствующими эмиграции. В 1980 г. США ввели запрет на продажу в СССР новейшей компьютерной техники и ЭВМ. Запад зачастую связывал введение санкций против СССР с его внешней политикой: в 1979 г. были введены (в том числе и политические) санкции за вторжение советских войск в Афганистан, в частности, страны капиталистического мира объявили бойкот Олимпийским играм в Москве в 1980 г., в 1981 г. принятие санкций увязывалось с событиями в Польше и т.д.

Важно отметить, что с постсоветской России, ставшей на западный путь развития, санкции так и не были полностью сняты. Например, поправка Джексона–Вэника была официально отменена в 2012 г. При этом в скором времени Конгресс США принял «Список Магнитского». В 1998 г., после объявления дефолта в России, западные партнеры рассматривали возможность ареста зарубежных счетов Банка России. По политическим причинам вопрос санкций против России поднимался в 1999 г. в связи с событиями в Югославии и в 2008 г. из-за пятидневной войны в Южной Осетии. Осенью 2013 г. в США рассматривался вопрос о введении санкций в отношении крупных российских банков за сотрудничество с правительством Сирии. Таким образом, Россия фактически всегда в различной степени находилась под санкционным давлением.

Интересным примером использования санкций является экономическое давление на Ирак в 1990–1995 гг., когда были задействованы ресурсы ООН. Как отмечал в своем заявлении в Совете Безопасности ООН действующий на тот момент представитель Кубы А. де Квесада, экономические санкции, введенные резолюцией 661, оказались беспрецедентными за всю историю развития организации. Использование инструментов ООН в интересах западных стран, которые были заинтересованы в ослаблении режима С. Хуссейна, для продвижения своего политического влияния на Среднем Востоке оказалось возможно только с потерей СССР роли сверхдержавы, а затем и его распадом. Однако необходимо отметить, что санкционное давление на Ирак своей цели не достигло: до начала военной операции коалиции во главе с США территория Кувейта, из-за оккупации которого и было оказано давление на С. Хуссейна, находилась под контролем иракской армии.

После окончания холодной войны экономическое давление продолжало оставаться важным внешнеполитическим инструментом. Из 14 случаев применения экономических санкций ООН 12 приходится на период после 1990 г. [2] Наибольший резонанс вызвало применение санкционного режима против Югославии, Ирана и Северной Кореи.

Во время холодной войны СФРЮ играла важную роль во внешнеполитическом курсе США, являясь своеобразной «арбитражной зоной» между двумя сверхдержавами. После развала СССР Югославия — потенциальный союзник России на Балканах — оказалась в центре самой настоящей гибридной агрессии. Во время поездки в Белград в июне 1991 г. американский госсекретарь Дж. Бейкер дал понять силам дезинтеграции, что их попытки расколоть Югославию не встретят сопротивления Вашингтона. Санкции против Югославии в конечном счете затронули каждого гражданина страны. За 1990-е гг. уровень жизни в стране значительно сократился, были созданы предпосылки для появления новых сепаратистских движений.

В идеологическом плане главная опасность, исходившая от Югославии для западной либеральной идеологии, заключалась в том, что после распада социалистического блока в Восточной Европе и развала СССР Белград остался единственной в Европе силой, способной предложить миру альтернативный путь развития [5].

Использование санкционных инструментов давления на Иран началось сразу после исламской революции 1979 г., в результате которой к власти в Тегеране пришли ярко выраженные антизападные силы. Таким образом, Вашингтон лишился одного из своих ключевых союзников в регионе — шахского Ирана. США оказывали экономическое давление на Иран с 1979 г., однако Тегеран под санкционным давлением не изменил вектор своей внутренней и внешней политики. С 2006 г. санкции против Ирана были введены на уровне ООН, этому решению способствовало желание иранских властей иметь собственное ядерное оружие, что вызвало опасение у всех без исключения ядерных держав. Сильный удар по иранской экономике нанес запрет на экспорт иранской нефти: во времена шаха нефтедоллары были основным источником государственных доходов, а в настоящий момент доля доходов от экспорта энергоресурсов не превышает 15% (<https://oilcapital.ru/news/markets/30-11-2015/>

dolya-neftyanyh-dohodov-v-vvp-irana-sostavit-v-2016-godu-15-sovetnik-prezidenta-iri). Таким образом, потери Ирана исчисляются сотнями миллиардов долларов.

Как отмечает Р.П. Кошкин: «В первое десятилетие после распада Советского Союза Россия и большая часть стран Евразии ориентировались на Запад. Прогресс измерялся стандартами западных стран и институтов, а успехом считался доступ к рынкам и влиянию в европейских и американских организациях» [6]. Однако в настоящий момент ситуация претерпела значительные изменения.

США по-прежнему опасаются усиления роли Ирана в процессах, происходящих на Ближнем Востоке. Это выражается в том, что действующий президент США Д. Трамп предпринимает энергичные шаги для приостановления частичной отмены санкций против Ирана. Страна обладает большим потенциалом для развития, что в будущем позволит ей усиливать свое влияние в границах региона Персидского залива [7].

Новым этапом в развитии санкционных инструментов стало введение ограничений против Российской Федерации из-за событий «русской весны» 2014 г. При рассмотрении антироссийских санкций важно отметить, что их набор с марта 2014 г. был значительно увеличен. Изначально санкции вводились против конкретных лиц, принимающих решения. В дальнейшем они были расширены до отраслевых. При этом в ходе введения указанных санкционных пакетов против России подчеркивалось взаимодействие партнеров по НАТО по обе стороны Атлантики. На настоящий момент США расширили санкционный инструментарий против России вплоть до принятия соответствующего билля.

Принятие данных решений во внешней политике стран НАТО связано с тем, что западные партнеры увидели в развивающейся и укрепляющейся России угрозу для продвижения своих интересов [8]. Развитие ситуации в Грузии в 2008 г. и в Сирии в 2013 г. показало, что Москва при наличии политической воли способна отстаивать свою собственную точку зрения, в том числе в тех ситуациях, когда она в корне отличается от позиции западных стран.

Доктор политических наук, профессор РУДН Г.Ю. Филимонов отмечает: «Информационная война и санкционное давление на Россию вследствие ее последовательной линии на защиту своих жизненно важных интересов, своего народа, языка

и русского культурного пространства в целом, ярко подтверждают известный тезис американских политологов о том, что тенденции в развитии международных отношений будут только усиливать значение „мягкой силы” в общем властном балансе государств, прежде всего США, сочетающих военные и невоенные силовые компоненты в своей международной деятельности» [9].

По мнению кандидата исторических наук, профессора кафедры дипломатии МГИМО Е.М. Астахова: «Образ России зависит, прежде всего, от результатов ее политического и экономического развития, повышения благосостояния народа. Если в результате санкций Россия сможет перестроить свою экономику, то это значительно усилит ее позиции» [10].

Текущая санкционная политика против России интересна еще и тем, что после окончания bipolarного противостояния она является первым примером использования санкций как инструмента принуждения против ядерной державы, страны — постоянного члена Совета Безопасности ООН.

Отметим, что откровенность в постановке задачи сохранения глобального доминирования с применением всех доступных инструментов не может не опираться на выстроенную идеологическую базу. Более того, задействованные инструменты политического, экономического, информационного и иного давления являются диалектическим отражением сознания международных акторов. И если, например, разного рода санкции столь явно становятся в глазах Запада легитимным инструментом для решения собственных геополитических и геоэкономических задач, значит, они уже являются органичной частью идеологических конструктов мышления западных политиков. Следовательно, и противостоять им нужно не только на внешнеполитическом контуре, но и в пространстве собственной идеологии.

Объективная реальность заставляет нас прийти к выводу, что если у государства нет своей идеологии, то у него неизбежно будет чужая, чаще всего привнесенная по линии «мягкосиловых» инструментов внешней политики.

Не случайным представляется, что от идеи всеобщей «деидеологизации» отказалось (одни раньше, другие позже) большинство самих ее авторов и приверженцев. Например, Раймон Арон (выступал за деидеологизацию науки и глобализацию, сторонник теории индустриального общества), Дэниел Белл (создатель теории постин-

дустриального общества, «социалист в экономике, либерал в политике и консерватор в культуре»), Збигнев Бжезинский (неоконсервативный геополитик), Роберт Нисбет (идеолог консерватизма).

Р. Арон в своей книге «Опиум для интеллигенции», сравнивая марксистскую идеологию с религиозным учением, писал: «...государство, навязывающее нам правоверное толкование каждогодневных событий... толкование всего развития и, в конечном счете, — смысл человеческого бытия... хочет подчинить своей псевдо-истине творчество духа, деятельность общественных групп» [11, с. 233].

З. Бжезинский в свете развала Советского Союза отмечал: «Ограничения идеологического характера также подрывали созидательный потенциал Советского Союза, делая его системе все более косной, а его экономику все более расточительной и менее конкурентоспособной в научно-техническом плане» [12, с. 5].

Все они в итоге пришли к выводу, что под «концом идеологии» нужно понимать лишь «избыточный догматизм». А американские неоконсервативцы 80–90-х гг. XX в. откровенно заявили, что «неидеологизированная политика — это политика аморальная». До нас, к сожалению, обозначенная «интеллектуальная волна» дошла с опозданием.

Без идей, как без ответа на вопрос «что делать?», общество просто не может нормально существовать. Мы — коллективный биосоциальный вид, который изначально стремился не просто выжить, но и переделать самих себя и окружающий мир в некую лучшую сторону. Большие идеи и инновации до наступления современной эпохи возникали лишь эпизодически, очевидно, потому, что очень долгое время оставались практически неизменными базовые структуры повседневности. Теперь наоборот — изменения (иногда в форме обрушения) происходят слишком быстро. Набранные темпы позволяют использовать самые различные манипулятивные технологии воздействия, чем активно пользуются западные страны. Как говорил один из отцов — основателей современного PR и пропаганды Э. Бернейс: «Сознательное и умелое манипулирование упорядоченными привычками и вкусами масс является важной составляющей частью демократического общества» [13]. В таких условиях «каркасом» общества, а значит, и любых общественных явлений может стать только четкая идеология — как система направляющих ценностных принципов и взглядов на общественно-политическое устройство. Новые идеи

должны формировать не хаотичную совокупность, а упорядоченное множество. С психологической же точки зрения «идеологемы» — это фактически цельные, несводимые к сумме своих частей образования сознания, метанарративные гештальты (от нем. Gestalt — форма, образ, структура).

Именно такие формы массового сознания выступают определяющим фундаментом в долгосрочном социальном развитии. Программные установки идеологической концепции, как правило, содержат квинтэссенцию идей и усилий для предстоящих свершений, ориентирующие положения, над которыми необходимо работать сегодня, чтобы достичь целей в будущем. Потому что «в любом диалектическом движении по кругу (спирали) начало определяет себя как неразвитый результат, а результат — как развитое начало» [14]. В этом смысле идеология — это неотъемлемая часть проектируемого будущего.

Важная сторона вопроса — кто должен и кто в конечном счете будет создавать идеологию, непосредственно участвовать в ее разработке и наполнении. Нужно работать не только в формате забюрократизированного законотворческого процесса (путь подачи документа «сверху»), а слушать и слышать позицию, предложения и мнения «снизу». Только такая система идей сможет выжить в «белом шуме» информационного общества и стать маршрутом преобразований.

Национальная идея (идеология) должна содержать образ желаемого будущего, к которому нужно (можно) стремиться. Он может быть несколько размыт, но реален, достижим и обязательно должен быть привлекателен. Иной вопрос состоит в том, что заложить в «сердцевину» идеологии современной России? Президент России В.В. Путин сказал, что объединяющей идеологией должен стать патриотизм. Мы добавим — активный патриотизм. Сегодня требования к идее патриотизма исключительно высоки. Она должна не только ностальгически согревать чувства россиян, погрязшие в последнее десятилетие, но и определить главные направления развития страны, а значит, на ее основе должны быть созданы экономика, внутригосударственные, межэтнические и социальные отношения, мораль, эффективно действующие наука, образование, воспитание.

Все это укрепит национальную идентичность. В строгом соответствии с классическим определением политической нации (не путать с этносом, национальностью, нацизмом) «нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей,

возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры» [15].

Тезис об отмирании наций и национальных государств в условиях глобализации носит манипулятивный характер и создан представителями западной универсалистской элиты «конца истории», поборниками утопии об идеальном «глобальном» человеке будущего, который существует вне контекста социальной принадлежности, пола, цвета кожи и страны. Однако даже большевики в начале XX в. были куда более реалистичны. Они отдавали себе отчет в том, что такой человек, если и появится, то очень не скоро и никак не ранее построения полного развитого коммунизма. Анализ же реального положения вещей пока говорит об усилении конкуренции именно между социально-экономическими нациями, которые в ходе борьбы научились наносить друг другу разрушающие удары в форме «хаотизации», «гибридных воздействий» и т.д.

Таким образом, параллельно был дан старт формированию новой платформы развития человечества — неомодернизма. В архитектуре неомодернистский стиль отвергает вычурность и избыточную усложненность постмодернизма, стремится к большей простоте и ясности. Неомодернизм предполагает возвращение мира к ярко выраженной национальной модели, к протекционизму в экономике и защите государственных интересов во внешней политике и т.д.

По этому поводу генеральный директор Российского совета по международным делам (РСМД) А. Картунов отмечает: «Внешнеполитический постмодернизм выродился до тривиального стремления удержать статус-кво и в силу этого был обречен... И все-таки, даже если на каком-то фронте наступление неомодернизма будет остановлено, а постмодернистское подполье частично преуспеет в попытках подорвать его изнутри, мир уже никогда не вернется к золотому веку постмодернизма» [16].

Закат постмодернизма (но не постмодерна) в 2010-х гг. уже был очевиден, однако становление неомодернизма (постпостмодернизма) также обещает быть долгим. В странах — центрах постмодернизма политические лидеры уже не смогли вложить новые смыслы в свою риторику, дать новое послание своим народам. Высокая поддержка Brexit в Великобритании и победа на президентских выборах Д. Трампа в США — закономерность, которая формирует тренд текущего

политического момента. В то же время важно понимать, что постмодернизм для каждой страны, для каждого народа будет свой, его еще предстоит выработать.

На волне санкционного давления нельзя не отметить, что США опираются на свои собственные национальные интересы и при наличии заинтересованности идут вразрез с принятыми ограничениями. Доктор экономических наук, сотрудник института экономики РАН А.Н. Барковский констатирует: «Одной из немногих стран, чья торговля с Россией на фоне санкций только выросла, стали США. По итогам 2014 г. объем российско-американской торговли увеличился, по данным ФТС, на 5,6% и составил около 29,2 млрд долл. При этом объемы импорта американских товаров в Россию выросли сразу на 12,1% — до 18,5 млрд долл. Доля США во внешнеторговом обороте России выросла в 2014 году с 3,3 до 3,7%» [17].

При этом США активно используют санкционные инструменты в качестве мер недобросовестной конкуренции. Доктор экономических наук, профессор, руководитель Департамента экономической теории Финансового университета при Правительстве РФ Р.М. Нуреев отмечает: «Для усиления своего конкурентного преимущества Соединенные Штаты вводят запрет на экспорт в Россию технологий по нефтедобыче и нефтепереработке, а также замораживают уже существующие проекты в газовой отрасли или же отказываются от совместной работы по планируемым проектам. Такие последствия, по мысли авторов санкций, приведут к замедлению роста нефтяной и газовой промышленности в России и в конечном итоге к их техническому отставанию» [18, с. 5–17]. Пример в области энергетики является не единственным, когда США защищают свое технологическое превосходство подобными способами.

В этих условиях Москве необходимо искать новые векторы для выстраивания эффективных экономических связей. Нельзя однозначно оценить происходящие перемены во внешней торговле России. Например, за последние годы значительно возросла роль Китая как торгового партнера нашей страны. Кандидат экономических наук, доцент РЭУ им. Г.В. Плеханова Е.В. Зайцева отмечает: «Значительная переориентация на Восток представляет для нашей страны также некоторые угрозы. Наибольшие опасения вызывает стремительно развивающийся Китай, который может сделать нашу страну зависимой от себя. На

данный момент Китайская Народная Республика уже занимает 16,7% всего импорта» [19].

Вернемся к неомодернизму, базисы которого становятся все более ясными:

- суверенный национализм (каждая нация будет себя позиционировать как особую и исключительную, что характерно для многих стран, начиная от США и Польши и заканчивая Китаем);
- транзакционализм предполагает сотрудничество по экономическим вопросам, как с политическими партнерами, так и с соперниками. Ярким примером данного поворота во внешней политике США является применение методов «селективной дипломатии»;
- экономический прагматизм постепенно вытесняется интересами во внешней политике, объявляя не менее важными такие понятия, как национальная безопасность, этнокультурная идентичность, государственный суверенитет;
- историзм предполагает повсеместное использование опыта прошлого, как во внутренней, так и во внешней политике. Отсюда — возрождение давно забытых «больших нарративов»,

особенно заметное во Франции и в Японии (не стоит забывать, что, например, в России, Польше, Китае и Индии «большие нарративы» не переставали существовать даже на пике развития постмодернизма). Это явление ведет к крушению универсального подхода, характерного для постмодернизма.

На современном этапе развития весьма сложно говорить о скорой победе неомодернизма. Ярко прослеживается нежелание наднациональных элит возвращаться в эпоху сильных государств-наций, в настоящий момент серьезная борьба идет внутри американского общества, Германия в ЕС стала одним из проводников постмодернизма и т.д. Исход этой борьбы пока не ясен, однако, учитывая быстрые темпы развития современного общества, отметим, что век неомодернизма, вероятно, может оказаться недолгим. Мировые лидеры, народы, государства находятся в постоянном поиске базиса для будущего развития, сейчас никто не может сказать, куда политическая мысль пойдет через год-два, не говоря уже про глобальные прогнозы, которые в конце XIX в. строил К. Маркс и его последователи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. 1. Gompert, David C. and Hans Binnendijk. The Power to Coerce: Countering Adversaries Without Going to War. Santa Monica, CA: RAND Corporation; 2016. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR_1000.html.
2. Балугев Д.Г. Эволюция экономических санкций как инструмента внешней политики. *Международные процессы*. 2014;3(38):25.
3. Казанцев С.В. Антироссийские санкции — монолог с позиции силы. *Экономическая политика*. 2015;(1):13–30.
4. Глебова Н.С. О ситуации вокруг арабского бойкота. Институт Ближнего Востока РАН. URL: <http://www.iimes.ru/?p=3913>.
5. Пономарева Е.Г. Да не будет забыто! Агрессия НАТО против Югославии. *Обозреватель*. 2014;(6):83–100.
6. Кошкин Р.П. Россия и перспективы глобального управления: геополитические аспекты проблемы. *Стратегические приоритеты*. 2017;4(16):52–77.
7. Юртаев В.И. Иран в ситуации трансформации санкционного режима. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2017;10(2):66–80.
8. Бажанов Е. Россия и Запад. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/985>.
9. Филимонов Г.Ю. Внешняя политика США: технологии формирования параллельной реальности. *Геополитический журнал*. 2014;(7):2–10.
10. Астахов Е.М. Задачи России в информационной войне. *Ежегодник Института международных исследований московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации*. 2014;(4):136–141.
11. Арон Р. Опиум для интеллигенции. Пер. с фр. Мюнхен: ЦОПЭ; 1960. 240 с.
12. Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и ее геостратегические императивы). М.: Междунар. Отношения; 1998.
13. Бернейс Э. Пропаганда. М.: Hippo Publishing LTD; 2010.
14. Смирнов И.К., Попов М.В. Диалектика капитализма и социализма. СПб.: Фонд Рабочей Академии; 2015.
15. Сталин И. Марксизм и национальный вопрос. Соч. Т. 2. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы; 1946.

16. Кортунов А. От постмодернизма к неомодернизму, или Воспоминания о будущем. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ot-postmodernizma-k-neomodernizmu-ili-vozpominaniya-o-budushch/>.
17. Барковский А.Н., Алабян С.С., Морозенкова О.В. Последствия западных санкций и ответных санкций РФ. *Российский внешнеэкономический вестник*. 2015;(9):3–7.
18. Нуреев Р.М., Петраков П.К. Издержки и выгоды обмена санкциями. Институциональная Трансформация Экономики: Пространство и Время. Сборник докладов V Международной научной конференции: в 2-х т. Кемерово: Кемеровский государственный университет; 2017.
19. Зайцева Е.В. Санкция на санкцию: запреты, введенные Россией и Западом, влияние на дальнейшее развитие РФ. *Молодой ученый*. 2016;(2):493–497.

REFERENCES

1. Gompert, David C. and Hans Binnendijk. The Power to Coerce: Countering Adversaries Without Going to War. Santa Monica, CA: RAND Corporation; 2016. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR1000.html.
2. Baluev D.G. Evolution of economic sanctions as an instrument of foreign policy. *Mezhdunarodnye protsessy*. 2014;3(38):25. (In Russ.).
3. Kazantsev S.V. Anti-Russian sanctions: a monologue from a position of strength. *Ekonomicheskaya politika*. 2015;(1):13–30. (In Russ.).
4. Glebova N.C. On the situation around the Arab boycott. Institut Blizhnego Vostoka RAN. URL: <http://www.iimes.ru/?p=3913>. (In Russ.).
5. Ponomareva E. G. Never forget! The NATO aggression against Yugoslavia. *Obozrevatel'*. 2014;(6):83–100. (In Russ.).
6. Koshkin R.P. Russia and prospects of global governance: geopolitical aspects of the problem. *Strategicheskie priority*. 2017;4(16):52–77. (In Russ.).
7. Yurtaev V.I. Iran in the situation of transformation of the sanctions regime. *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo*. 2017;10(2):66–80. (In Russ.).
8. Bazhanov E. Russia and the West. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/985> (In Russ.).
9. Filimonov G. Yu. The U.S. foreign policy: technologies of parallel reality formation. *Geopoliticheskii zhurnal*. 2014;(7):2–10 (In Russ.).
10. Astakhov E.M. Russia's tasks in the information war. *Ezhegodnik Instituta mezhdunarodnykh issledovaniï moskovskogo gosudarstvennogo instituta mezhdunarodnykh otnoshenii (universiteta) Ministerstva inostrannykh del Rossiiskoi Federatsii*. 2014;(4):136–141. (In Russ.).
11. Aron R. The opium of the Intellectuals. München: TsOPE; 1960. 240 p. (In Russ.).
12. Bzhezinskii Z. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya; 1998. (In Russ.).
13. Bernays E.L. Propaganda. Moscow: Hippo Publishing LTD; 2010. (In Russ.).
14. Smirnov I.K., Popov M.V. Dialectics of capitalism and socialism. St. Petersburg: Fond Rabochei Akademii; 2015. (In Russ.).
15. Stalin I. Marxism and the national question. Collected works, vol. 2. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1946. (In Russ.).
16. Kortunov A. From Postmodernism to Neo-modernism, or Memories of the future. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ot-postmodernizma-k-neomodernizmu-ili-vozpominaniya-o-budushch/>. (In Russ.).
17. Barkovskii A.N., Alabyan S.S., Morozenkova O.V. Consequences of the Western sanctions and retaliatory sanctions of the Russian Federation. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik*. 2015;(9):3–7. (In Russ.).
18. Nureev R. M., Petrakov P.K. Costs and benefits of sanctions exchange. In Institutional transformation of the Economy: Space and Time. Sbornik dokladov V Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii: v 2-kh tomakh. Kemerovo: Izdatel'stvo Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta; 2017. (In Russ.).
19. Zaitseva E. V. Sanction for sanction: bans imposed by Russia and the West, the impact on the further development of the Russian Federation. *Molodoi uchenyi*. 2016;(2):493–497. (In Russ.).

DOI: 10.26794/2226-7867-2018-8-6-58-67

УДК 316.334;304.3(045)

О КАЧЕСТВЕ МЕДИЦИНСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ В РОССИИ *

Зубец Алексей Николаевич,

д-р экон. наук, доцент, проректор по стратегическому развитию и практико-ориентированному образованию, Финансовый университет, Москва, Россия

ANZubets@fa.ru

Новиков Алексей Викторович,

д-р соц. наук, профессор, профессор Департамента социологии, Финансовый университет, Москва, Россия

AVNovikov@fa.ru

Аннотация. Авторы статьи по материалам проведенного в 2018 г. социологического исследования анализируют проблемы, от которых зависит состояние качества медицинского обслуживания населения в системе здравоохранения страны, и связывают их с решением стратегической задачи – повышением качества жизни в России. Результаты исследования свидетельствуют о необходимости внесения изменений и дополнений в ряд правовых актов федеральных органов власти Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных органов власти для правового регулирования медицинского обслуживания населения и оказания ему доступной и качественной медицинской помощи. Основными причинами сложившегося положения являются недостаточное бюджетное финансирование российской системы здравоохранения (в соответствии с рекомендациями ВОЗ – в размере не менее 7% от ВВП), а также отсутствие единых, унифицированных с общемировыми, подходов к структуре качества медицинской помощи и управлению качеством. В условиях сложной социально-экономической реальности необходима выработка действенных социальных механизмов и способов воздействия на качество оказываемых населению медицинских услуг и рост ожидаемой продолжительности жизни.

Авторы статьи анализируют социально-правовые подходы к исследованию отношения российского населения к качеству оказываемой медицинской помощи с обеспечением отзывчивости российской системы здравоохранения к ожиданиям населения.

Ключевые слова: качество жизни; индекс человеческого развития; критерии и показатели оценки качества жизни; здоровье; здравоохранение; качество оказания медицинской помощи; ожидаемая продолжительность жизни; стоимость жизни человека; чрезвычайная ситуация; здоровый образ жизни

ABOUT THE QUALITY OF MEDICAL CARE IN THE CONTEXT OF IMPROVING THE QUALITY OF LIFE IN RUSSIA **

Aleksei N. Zubets,

Dr. Sci. (Econ.), Professor, Prorector for strategic development and practice-oriented education of the Financial University, Moscow, Russia

ANZubets@fa.ru

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету при Правительстве Российской Федерации на 2018 г.

** The article is based on the results of studies carried out at the expense of budget funds on the state task of the Financial University under the Government of the Russian Federation for 2018.

Aleksei V. Novikov,

Dr. Sci. (Sociology), Professor, Professor of the Department of Sociology, Financial University, Moscow, Russia
AVNovikov@fa.ru

Abstract. *The authors of the article based on the materials of the sociological study conducted in 2018 analyse the problems associated with the real state of the quality of medical care in the health care system of the country and associate them with the solution of the strategic task – improving the quality of life in Russia. The results of the study indicate the need to make changes and additions to a number of legal acts of the Federal authorities of the Russian Federation, subjects of the Russian Federation and municipal authorities for the legal regulation of medical care and the provision of affordable and quality medical care. The main reasons for this situation are the insufficient budget financing of the Russian health care system (by WHO recommendations – at least 7% of GDP), as well as the lack of unified, unified with the global approaches to the structure of quality of care and quality management. In the context of complex socio-economic reality, it is necessary to develop effective social mechanisms and ways to influence the quality of medical services provided to the population and the growth of life expectancy. The authors analyse the social and legal approaches to the study of the attitude of the Russian population to the quality of medical care with ensuring the responsiveness of the Russian health care system to the expectations of the population.*

Keywords: *quality of life; human development index; criteria and indicators for assessing the quality of life; health; health care; quality of care; life expectancy; the cost of human life; emergency; healthy lifestyle*

В 60-х гг. XX в. в связи с необходимостью решения вопросов обеспечения безопасности общественной жизнедеятельности, безопасности деятельности в экологической среде и в области здравоохранения людей впервые стала обсуждаться в науке проблема качества жизни.

В настоящее время проблема качества жизни приобрела более масштабный и сложный характер, включая проблематику целей и ценностей отдельного человека и общества. Поэтому сегодня она стала одной из наиболее обсуждаемых в научных и общественно-политических кругах и СМИ.

Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683, повышение качества жизни российских граждан, укрепление здоровья населения, обеспечение стабильного демографического развития страны определены в качестве стратегических национальных интересов и стратегических национальных приоритетов. Стратегическими целями в области повышения качества жизни являются:

- развитие человеческого потенциала;
- удовлетворение социально-экономических потребностей граждан;
- снижение уровня социально-экономического неравенства;
- обеспечение защиты прав и свобод граждан в практике законодательной, исполни-

тельной и судебной ветвей государственной власти.

Согласно п. 71 Указа развитие здравоохранения и укрепление здоровья населения Российской Федерации является важнейшим направлением обеспечения национальной безопасности, для реализации которого проводится долгосрочная государственная политика в сфере охраны здоровья граждан.

Стратегическими целями такой политики являются:

- увеличение продолжительности жизни, снижение уровня инвалидности и смертности населения, увеличение численности населения;
- повышение доступности и качества медицинской помощи;
- совершенствование вертикальной системы контроля качества, эффективности и безопасности лекарственных средств;
- соблюдение прав граждан в сфере охраны здоровья и обеспечение связанных с этими правами государственных гарантий.

Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», для достижения к 2024 г. повышения ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) до 78 лет (к 2030 г. — до 80 лет) Правительству Российской Федерации совместно с органами государственной власти предписывается разработать (скорректировать) национальные

проекты (программы) по направлениям здравоохранения, демографии и др.

Данными нормативно-правовыми актами Президента Российской Федерации реализовано положение части 1 ст. 7 Конституции Российской Федерации, которым определено, что Российская Федерация является социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

В соответствии с частью 1 ст. 41 Конституции Российской Федерации каждый гражданин Российской Федерации имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь, которая в государственных и муниципальных учреждениях системы российского здравоохранения оказывается гражданам бесплатно за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов и других поступлений на основании положений ряда правовых актов Российской Федерации, обеспечивающих сохранение и укрепление здоровья каждого гражданина, формирование у населения навыков здорового образа жизни, повышение уровня санитарно-гигиенической культуры, обеспечение каждому гражданину медицинской помощи в случае утраты здоровья.

В ст. 18 Федерального закона от 29.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» указывается, что каждый имеет право на охрану здоровья и это право обеспечивается оказанием доступной и качественной медицинской помощи. Кроме того, в соответствии со ст. 19 данного закона, каждый гражданин России, в соответствии с программой государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи, имеет право на бесплатное оказание медицинской помощи в гарантированном объеме, а также — на получение платных медицинских услуг.

Становление социального государства и развитие российской экономики обусловили необходимость повышения безопасности людей во всех сферах жизнедеятельности российского общества, а также нейтрализацию и минимизацию опасных факторов и рисков.

В Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 01.03.2018 отмечено, что в настоящее время ранее существовавшие в России негативные демографические тенденции переломлены путем роста рождаемости и снижения смертности населения, продления программы материнского

капитала с адресными выплатами при рождении первенца, второго и третьего ребенка и обновления детских поликлиник и детских поликлинических отделений в больницах.

Президентом Российской Федерации поставлены следующие задачи в сфере здравоохранения:

- к концу следующего десятилетия Россия должна войти в клуб стран «80 плюс», где продолжительность жизни превышает 80 лет;
- в населенных пунктах с численностью от 100 до 2000 человек в течение 2018–2020 гг. необходимо создать фельдшерско-акушерские пункты и врачебные амбулатории, а для населенных пунктов, где проживает менее 100 человек, организовать мобильные медицинские комплексы со всем необходимым диагностическим оборудованием;
- обеспечить всем гражданам реальную возможность не менее одного раза в год пройти качественный профилактический осмотр;
- снизить смертность в трудоспособном возрасте, закрепить позитивную динамику в борьбе с болезнями сердечно-сосудистой системы;
- реализовать специальную общенациональную программу по борьбе с онкологическими заболеваниями, активно привлечь к решению этой задачи науку, отечественную фарминдустрию, провести модернизацию онкологических центров, выстроить современную комплексную систему от ранней диагностики до своевременного эффективного лечения.

Министерством здравоохранения Российской Федерации в 2017 г. разработано девять федеральных законов, более 50 постановлений Правительства Российской Федерации и более 170 нормативных правовых ведомственных актов.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 26.12.2017 № 1640 утверждена Государственная программа Российской Федерации «Развитие здравоохранения» (срок реализации — 2018–2025 гг.), далее — Госпрограмма. В ней обозначены следующие цели в соответствии с приоритетами стратегического развития Российской Федерации на период до 2025 г., определенными протоколом заседания Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам от 21.03.2017 № 1:

- увеличение к 2025 г. ожидаемой продолжительности жизни при рождении до 76,0 лет;

- снижение к 2025 г. смертности населения в трудоспособном возрасте до 380 чел. на 100 тыс. населения;
- снижение к 2025 г. смертности от болезней системы кровообращения до 500 чел. на 100 тыс. населения;
- снижение к 2025 г. смертности от новообразований (в том числе злокачественных) до 185 чел. на 100 тыс. населения;
- повышение к 2025 г. удовлетворенности населения качеством медицинской помощи не менее чем до 54%.

Указанная Госпрограмма реализуется по 9 направлениям (подпрограммам). В состав Госпрограммы в виде приложений включены Правила распределения субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации и сводная информация по опережающему развитию приоритетных территорий Российской Федерации.

Высокое качество медицинской помощи, которая оказывается населению страны, является главной целью функционирования каждой национальной системы здравоохранения. Однако в настоящее время качество медицинской помощи нельзя признать соответствующим мировым стандартам.

Необходимо отметить, что в настоящее время методики выполнения измерений, применяемые при проведении эмпирических полевых исследований в рамках НИР, как правило, не противоречат требованиям Федерального закона от 26.06.2008 № 102-ФЗ «Об обеспечении единства измерений», а также нормативным правовым актам Российской Федерации; информационным базам данных; международным документам; международным договорам Российской Федерации в области обеспечения единства измерений; сведениям об аттестованных методиках (методах) измерений; единому перечню измерений, относящихся к сфере государственного регулирования обеспечения единства измерений; сведениям о государственных эталонах единиц величин, применяемых в сфере государственного регулирования обеспечения единства измерений; сведениям об утвержденных типах стандартных образцов или типах средств измерений; сведениям о результатах поверки средств измерений, которые образуют Федеральный информационный фонд по обеспечению единства измерений. Также следует обратить внимание на отсутствие единой разработанной методики измерения ка-

чества жизни населения с единой системой показателей по Российской Федерации, регионам Российской Федерации, городам-мегаполисам, большим и малым городам, сельским поселениям. При этом измерение качества оказываемой населению медицинской помощи в системе здравоохранения страны должно быть составляющей частью этой методики, что соответствует рекомендациям ВОЗ.

Эксперты ВОЗ следующим образом определяют понятие *качества медицинской помощи* (КМП): «Каждый пациент должен получить такой комплекс диагностической и терапевтической помощи, который привел бы к оптимальным для здоровья этого пациента результатам в соответствии с уровнем медицинской науки и такими биологическими факторами, как его возраст, заболевание, сопутствующий диагноз, реакция на выбранное лечение и др. Для достижения такого результата должны быть привлечены минимальные средства, риск дополнительного травмирования или нетрудоспособности в результате лечения должен быть минимальным, пациент должен получить максимальное удовлетворение от процесса оказываемой помощи, максимальными должны быть и взаимодействие пациента с системой медицинской помощи, а также полученные результаты» [1]. Таким образом, критериями качества оказания медицинской помощи пациенту является ее доступность, безопасность для пациента, оптимальность, удовлетворенность пациента результатами лечения.

В принятой в 2002 г. на 52-й сессии Европейского регионального комитета ВОЗ резолюции WHA 55/18 в качестве фундаментального принципа организации работы всех национальных систем здравоохранения была признана необходимость обеспечить безопасность пациентов. Также отмечалась необходимость разработки глобальных норм и стандартов для определения, измерения и отчетности в отношении неблагоприятных последствий и ошибок при оказании медицинской помощи [2, с. 3–14].

В 2011 г. страны — члены Евросоюза приняли «Системную концепцию контроля на основе индикаторов качества и медицинских ошибок в соответствии с клиническими рекомендациями». В то же время была отмечена необходимость перехода от эпизодического контроля качества оказания медицинской помощи к постоянной работе по обеспечению ее мониторинга [3, с. 343–355].

В современной научно-исследовательской практике качество медицинской помощи определяется системой объективных и субъективных индикативных показателей жизнедеятельности человека и/или социума по отношению к объективному и/или субъективному эталону имеющихся у человека и/или социума потребностей, интересов, ценностей и целей в оценке качества оказываемых медицинских услуг в действующей национальной системе здравоохранения страны.

В редакции п. 21 ст. 2 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» качество медицинской помощи — это совокупность характеристик, отражающих своевременность оказания медицинской помощи, правильность выбора методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации при оказании медицинской помощи, степень достижения запланированного результата.

Необходимо отметить, что до настоящего времени понятия «качество медицинской помощи» и «качество медицинских услуг» нередко отождествляются между собой, однако набор характеристик этих понятий различен.

Качество медицинской услуги, в отличие от качества медицинской помощи, включает:

- получение пациентом в доступной форме информации о результатах обследования, вариантах и результатах лечения, возможных рисках;
- выполнение требований к профессиональной компетенции врача, его знаний, умений, навыков;
- профессиональные качества врача, его умение выбрать необходимые методологии и методики лечения;
- профессиональное оказание медицинской услуги — обоснованность, адекватность определения объема лечения, соблюдение технологии диагностики и лечения, получение положительного результата оказанной медицинской помощи в отношении состояния здоровья пациента;
- качественные показатели процесса оказания услуг;
- удовлетворенность больного результатами лечения [4, с. 23–26].

Несмотря на то что Минздравом России в настоящее время проводится значительная правовая нормотворческая работа по повышению качества медицинской помощи, по оценке эк-

спертов, в правовых документах, регулирующих правоотношения в сфере здравоохранения страны, до сих пор недостаточно полно отражены методические и методологические основы формирования и функционирования государственного и общественного контроля и надзора за качеством медицинской помощи, что оказывает отрицательное влияние на создание в отрасли единой системы управления качеством медицинской помощи.

Например, во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 26.09.1992 № 1137 приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 16.10.1992 № 277 «О создании системы медицинских стандартов (нормативов) по оказанию медицинской помощи населению Российской Федерации» утверждено Временное положение о медицинских стандартах (нормативах) Министерства здравоохранения Российской Федерации и введена официальная практика подготовки и применения стандартов в здравоохранении. Выделяют стандарты первичной медико-санитарной помощи, специализированной медицинской помощи, стандарты скорой медицинской помощи и стандарты паллиативной медицинской помощи.

Стандарты медицинской помощи разрабатываются Министерством здравоохранения Российской Федерации в соответствии с Международной классификацией болезней МКБ-10 и насчитывают более 200 документов.

По оценке министра здравоохранения России Вероники Скворцовой, «Стандарт не предназначен для использования врачом для принятия каких-либо решений по лечению конкретного больного, индивидуальные особенности течения заболевания, разные схемы и тактики лечения он не учитывает. Кроме того, при наличии у больного сопутствующих заболеваний или присоединении в ходе болезни осложнений стандарт становится просто недостаточным и требует дополнений. ...Развитие системы стандартизации будет идти по пути объединения ряда близких заболеваний в одну клинко-статистическую группу для уточнения характера медпомощи ...и разработке протоколов лечения (*национальных клинических рекомендаций*)» [5].

Основной целью социально-экономического развития и критерием эффективности преобразований в обществе является повышение качества жизни населения, в том числе повышение качества медицинской помощи населению,

оказывающее непосредственное влияние на процесс жизнедеятельности российского общества и рост ожидаемой продолжительности жизни его граждан.

В настоящее время Минздравом России эффективно осуществляется борьба с угрозами массового распространения в России онкологических, эндокринологических, сердечно-сосудистых заболеваний, ВИЧ-инфекций, туберкулеза, наркомании, алкоголизма и курения, увеличением случаев травм и отравлений.

Основными факторами, негативно влияющими на качество медицинской помощи, оказываемой российскому населению, и снижающими качество жизни, являются:

- отсутствие в стратегии развития российской системы здравоохранения полномочий, ответственности и организации взаимодействия между собой федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в сфере здравоохранения;
- отсутствие в нормативно-правовой базе системы здравоохранения единых систем критериев и показателей и единой методики для оценки качества медицинской помощи населению страны;
- наличие недостатков в оценке качества и организации оказания медицинской помощи российскому населению в сельской местности и труднодоступных местностях;
- недостаточное финансирование российской системы здравоохранения;
- недостаточный государственный и общественный контроль за качеством работы медицинских организаций;
- недостаточный уровень квалификации медицинских работников;
- несовершенство действующей системы обязательного медицинского страхования (ОМС);
- отсутствие достаточных мощностей в системе здравоохранения для эффективного обеспечения лечения и профилактики социально значимых заболеваний.

Необходимо отметить, что международное сообщество признает качественное функционирование национальной системы здравоохранения, обеспечивающее доступность медицинской помощи для населения, основой каждой национальной стратегии, призванной обеспечить

борьбу с нищетой и содействовать развитию человеческого потенциала.

В условиях социально-экономических преобразований и реформы системы здравоохранения для эффективного развития российской системы здравоохранения и обеспечения эффективной системы контроля за качеством медицинской помощи российскому населению необходимо разработать и принять единые системы критериев, системы индикативных показателей и единую методику для оценки качества медицинской помощи населению, при помощи которых систематическое проведение измерений качества медицинской помощи населению позволит федеральным органам власти Российской Федерации, органам власти субъектов Российской Федерации и органам власти муниципальных образований принимать эффективные управленческие решения вопросов в границах своей ответственности.

Проблематика обеспечения качества жизни населения впервые стала обсуждаться в научных и социальных исследованиях в 60-х гг. XX в. в связи с возникшей необходимостью исследования ряда вопросов жизнедеятельности общества, связанных с обеспечением национальной и общественной безопасности, прав и свобод человека, охраной окружающей среды и здоровья людей и т.д. Результаты этих исследований выявили сложные взаимосвязи качества жизни общества с состоянием здоровья населения, проблемами оказания населению медицинской помощи, девиантным поведением населения в зависимости от динамических изменений качества жизни, которое выражается в распространении проституции, алкоголизма, табакокурения, наркомании, склонности населения к суициду, совершению уголовных преступлений и т.д.

Однако необходимо отметить, что в современной российской экономической и социологической литературе недостаточно разработаны теоретическо-методологические подходы к проведению комплексного исследования качества оказываемой населению медицинской помощи в контексте изменений в качестве жизни, не разработаны адаптационные стратегии для различных социальных групп населения к изменениям качества медицинских услуг, оказываемых населению, а также механизмы оценки и корректировки неэффективных управленческих решений, ранее принятых властными структурами в социально-экономической сфере

и оказывающих негативное влияние на качество медицинских услуг.

В рамках данного научного исследования авторы рассматривают оказание населению качественной медицинской помощи, которая в современном представлении является составляющей счастья жизни каждого человека. При этом феномен счастья оказывает положительное влияние на состояние здоровья и продолжительность жизни человека [6]¹.

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации провел третье исследование, посвященное качеству жизни в городах России. Основой для ранжирования городов по качеству жизни были мнения населения о различных сторонах городской жизни, полученные при помощи социологических исследований, а также данные Росстата. Социологические исследования проводились методом телефонного опроса в сентябре-октябре нынешнего года, они охватили города России с населением более 500 тыс. человек, а также два города меньшего размера. Исследования были проведены в следующих 38 городах: Астрахань, Барнаул, Владивосток, Волгоград, Воронеж, Грозный, Екатеринбург, Ижевск, Иркутск, Казань, Кемерово, Краснодар, Красноярск, Липецк, Махачкала, Москва, Набережные Челны, Нижний Новгород, Новокузнецк, Новосибирск, Омск, Оренбург, Пенза, Пермь, Ростов-на-Дону, Рязань, Самара, Санкт-Петербург, Саратов, Севастополь, Тольятти, Томск, Тюмень, Ульяновск, Уфа, Хабаровск, Челябинск, Ярославль. В каждом городе по случайной выборке были опрошены не менее 600 респондентов². Основанием для выбора и проведения исследования в каждом из указанных городов является численность населения (более 500 тыс. жителей), а также общая доля в ВВП страны (более 75%).

Качество медицинского обслуживания населения с учетом повышения отзывчивости российской системы здравоохранения к ожиданиям граждан определяется совокупностью

видов, условий, форм, характеристик и показателей качества оказанной медицинской помощи и ее соответствия ожиданиям пациента и современному уровню медицинских стандартов и технологий.

В соответствии со ст. 32–36 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (в ред. от 03.08.2018) медицинская помощь населению оказывается медицинскими организациями и классифицируется по видам (первичная медико-санитарная помощь; специализированная, в том числе высокотехнологичная, медицинская помощь; скорая, в том числе скорая специализированная, медицинская помощь; паллиативная медицинская помощь), условиям (вне медицинской организации; амбулаторно; в дневном стационаре; стационарно) и форме (экстренная; неотложная; плановая) оказания такой помощи. При этом Положение об организации оказания медицинской помощи по видам, условиям и формам устанавливается уполномоченным федеральным органом исполнительной власти — Министерством здравоохранения Российской Федерации.

Необходимо отметить, что первичная медико-санитарная помощь является основой системы оказания медицинской помощи и включает мероприятия по профилактике, диагностике, лечению заболеваний и состояний, медицинской реабилитации, наблюдению за течением беременности, формированию здорового образа жизни и санитарно-гигиеническому просвещению населения³.

Специализированная медицинская помощь включает профилактику, диагностику и лечение заболеваний и состояний (в том числе в период беременности, родов и послеродовой период), требующих использования специальных методов и сложных медицинских технологий, а также медицинскую реабилитацию. Высокотехнологичная медицинская помощь, являющаяся частью специализированной медицинской помощи, включает применение новых сложных и (или) уникальных методов лечения, а также ресурсоемких методов лечения с научно доказанной эффективностью, в том числе клеточных технологий, роботизированной техники, информационных технологий

¹ Новая философская энциклопедия в четырех томах. Т. 3. М.: МЫСЛЬ; 2001.

² Опросы проводились силами контакт-центра Финансового университета при Правительстве РФ, в расчетах были также использованы данные Центра стратегических исследований компании «Росгосстрах». Использованы также данные исследования потребительского восприятия качества медицинского обслуживания в городах России, проведенного Финансовым университетом при Правительстве РФ осенью 2016 г.

³ Приказ Минздравсоцразвития РФ от 15.05.2012 № 543н «Об утверждении положения об организации оказания первичной медико-санитарной помощи взрослому населению».

Таблица / Table

Основные характеристики качества медицинской помощи, оказываемой населению в процессе медицинского обслуживания / The main characteristics of the quality of medical care provided to the population in the process of medical care

Наименование характеристики	Содержание характеристики
Безопасность	Минимальные риски негативных побочных эффектов в процессе диагностики и лечения заболевания
Доступность	Свободный доступ к службам здравоохранения вне зависимости от географических, экономических, социальных, культурных, организационных или языковых барьеров
Непрерывность	Получение пациентом всей необходимой медицинской помощи без задержки, неоправданных перерывов и необоснованных повторов в процессе диагностики и лечения заболевания
Профессиональная компетентность	Наличие у работников медицинских учреждений, оказывающих пациентам медицинскую помощь, достаточного уровня теоретических знаний и практических навыков, соответствующих современным требованиям
Соответствие ожиданиям пациентов	Безопасность, доступность, непрерывность, высокая профессиональная компетентность медицинских работников, результативность оказанной медицинской помощи
Эффективность	Соотношение достигнутого экономического эффекта к понесенным затратам на лечение
Удобство	Рациональное размещение пациента с организацией режима, обеспечение комфорта и чистоты в медицинских учреждениях, оснащенность их современным функциональным медицинским оборудованием, максимальное уменьшение воздействия неблагоприятных факторов внешней среды

и методов геномной инженерии, разработанных на основе достижений медицинской науки и смежных отраслей науки и техники⁴.

Скорая, в том числе скорая специализированная, медицинская помощь оказывается гражданам при заболеваниях, несчастных случаях, травмах, отравлениях и других состояниях, требующих срочного медицинского вмешательства. Скорая, в том числе скорая специализированная, медицинская помощь медицинскими организациями государственной и муниципальной систем здравоохранения оказывается гражданам бесплатно⁵.

⁴ Приказ Минздрава России от 02.12.2014 № 796н «Об утверждении Положения об организации оказания специализированной, в том числе высокотехнологичной, медицинской помощи» (ред. от 27.08.2015).

⁵ Приказ Минздрава России от 20.06.2013 № 388н «Об утверждении Порядка оказания скорой, в том числе скорой специализированной, медицинской помощи» (ред. от 05.05.2016).

Паллиативная медицинская помощь представляет собой комплекс медицинских вмешательств, направленных на избавление от боли и облегчение других тяжелых проявлений заболевания, в целях улучшения качества жизни неизлечимо больных граждан⁶.

Основные характеристики качества медицинской помощи, оказываемой населению в процессе медицинского обслуживания, приведены в *таблице*.

Удовлетворенность пациентов качеством оказанной медицинской помощи зависит от их взаимосвязанной оценки:

- качества условий оказания медицинской помощи населению по отношению к системе здравоохранения в целом, медицинскому уч-

⁶ Приказ Минздрава России от 14.04.2015 № 187н «Об утверждении Порядка оказания паллиативной медицинской помощи взрослому населению» (ред. от 07.05.2018). (Зарегистрировано в Минюсте России 08.05.2015 № 37182).

реждению, отдельному его структурному подразделению, конкретному медицинскому работнику;

- качества примененных при лечении технологий с соблюдением всех медицинских стандартов на всех этапах оказания медицинской помощи;
- качества полученных пациентом результатов оказания медицинской помощи и их соответствие реально достижимым (по данным статистики).

В современных условиях система управления качеством медицинской помощи населению, как правило, подразумевает:

- использование доказательной медицины⁷;
- проведение экспертизы качества оказания медицинской помощи на основе медицинских стандартов (протоколов), утвержденных уполномоченным федеральным органом исполнительной власти;
- использование для управления качеством медицинской помощи совокупности правовых, административных, экономических и других методов;
- проведение анализа достижения оптимального уровня качества медицинской помощи с использованием методов расчета экономической эффективности и результатов социологического мониторинга качества оказания медицинской помощи.

В настоящее время удовлетворенность пациентов качеством медицинского обслуживания во многом определяется уровнем ресурсного обеспечения системы здравоохранения, которое воздействует на все стороны оказания медицинской помощи: объем, качество, применение высоких технологий и высокоэффективных лекарственных препаратов.

По оценке специалистов, потребности населения в квалифицированной и специализированной качественной медицинской помощи могут быть удовлетворены на основе повышения эффективности первичной медико-санитарной помощи, перехода на модели, реализующие современные концепции организации меди-

цинского обслуживания населения (в частности, врача общей практики), дифференцированного обслуживания различных контингентов населения, интеграции паллиативной медицинской помощи в системы социального обеспечения и т.д. То есть качественно более высокий уровень удовлетворения потребностей населения в медицинской помощи может быть обеспечен за счет структурной дифференциации ресурсного обеспечения системы здравоохранения с укреплением материально-технической базы и кадрового потенциала амбулаторно-поликлинического звена первичной медико-санитарной помощи.

Понятно, что для повышения качества медицинских услуг актуальным становится совершенствование оказания первичной медико-санитарной помощи и развитие высокотехнологичных видов медицинской помощи. Однако в любом случае для эффективного решения вопросов в этих областях требуются квалифицированные медицинские кадры, обеспечивающие на основе научного подхода экономическую и клиническую эффективность применяемых методов лечения.

Следует отметить, что в настоящее время в России проблема повышения качества медицинской помощи решается в основном через усиление, регламентацию контроля и оценивание услуг в этой области. Причем направление организации контроля является наиболее распространенным и проработанным с точки зрения существующей нормативной базы, многочисленных научных исследований и публикаций, а также практического применения.

Начиная с 1998 г. в России сделаны значительные шаги по организации систем контроля качества медицинской помощи, однако до настоящего времени проблема повышения качества оказания медицинской помощи полностью не решена и остается актуальной. Зарубежный и отечественный опыт говорит о том, что эту проблему необходимо решать на каждом этапе лечебного процесса и создания медицинской услуги. Причем контроль и оценка — отдельное звено в системе управления качеством медицинской помощи.

Кроме того, необходимо отметить, что до настоящего времени в федеральных и региональных учреждениях здравоохранения не разработаны единые механизмы реализации стандартов ISO серии 9000, а управление системой повышения

⁷ Подход к медицинской практике, при котором решения о применении профилактических, диагностических и лечебных мероприятий принимаются исходя из имеющихся доказательств их эффективности и безопасности, а такие доказательства подвергаются поиску, сравнению, обобщению и широкому распространению для использования в интересах пациентов (Evidence Based Medicine Working Group, 1993).

качества медицинской помощи рассматривается как часть целостной системы управления медицинской организацией в соответствии с ее функциональными особенностями.

Проведенный Росздравнадзором анализ функционирования существующих систем контроля качества медицинской помощи (КМП) населению показал, что в подавляющем большинстве субъектов Российской Федерации результаты контроля остаются невостребованными, не используются для принятия управленческих решений и оценки полноты и эффективности их реализации. Несмотря на то что каждым из участников действующей в настоящее время в России системы контроля КМП ежегодно проводится значительный объем работы, до настоящего времени не удается обеспечить декларируемое надлежащее качество оказываемой населению бесплатной медицинской помощи и, соответственно, не получается повысить в достаточной степени отзывчивость

российской системы здравоохранения к ожиданиям граждан.

Очевидно, что для совершенствования обеспечения качества медицинской помощи населению и соответствующей отзывчивости системы здравоохранения необходимо усовершенствовать правовую базу, регламентирующую функционирование механизмов обеспечения качества медицинской помощи; внести необходимые изменения в структуру и ресурсное обеспечение первичной медико-санитарной помощи, специализированной медицинской помощи, скорой и паллиативной медицинской помощи на основе разработанных уполномоченным органом федеральной исполнительной власти технологических стандартов и нормативов, действие которых будет направлено на достижение высокого качества оказания медицинской услуг населению, соответствующего требованиям ВОЗ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Принципы обеспечения качества: Отчет о совещании ВОЗ, Барселона, 17–19 мая 1983 г., сост. отчета W.F. Jessee. Пер. с англ. М.: Медицина; 1991. 27 с.
2. Derham G., Sallenberg C., Quaid D. W. An NISB for Health Care-Learning from Innovation: Debate and Immovate or Capitulate. *Quality Management in Health Care*. 2012;1(3):3–14.
3. Hsieh S. Y. A System for Using Patient Complaints as a Trigger to Improve Quality. *Quality Management in Health Care*. 2011;20(4):343–355.
4. Ситдикова Л. Б. Правовые критерии оценки качества медицинских услуг. *Медицинское право*. 2010;(4):23–26.
5. Невинная И. Шесть ответов главы Минздрава Вероники Скворцовой читателям «РГ». URL: <https://rg.ru/2014/09/11/skvortsova.html>.
6. Зубец А. Н. Истоки и история экономического роста. М.: ЗАО «Издательство «Экономика»; 2014.

REFERENCES

1. Quality assurance principles: Report of the WHO meeting. Barcelona, 17–19 May 1983. Compiled by W.F. Jessee. Moscow: Medicine; 1991. 27 p. (In Russ.).
2. Durham G., Sallenberg C., Quad D. W. An NISA for Health Care-Learning from Innovation: Debate and Immediate or Capitulate. *Quality Management in Health Care*. 2012;1(3):3–14.
3. Hsieh S. Y. A System for Using Patient Complaints Trigger Asus to Improve Quality. *Quality Management in Health Care*. 2011;20(4):343–355.
4. Sitdikova L. B. Legal criteria for evaluating the quality of medical services. *Meditinsinsкое право*. 2010;(4):23–26. (In Russ.).
5. Six answers of the head of the Ministry of Health Veronika Skvortsova. “RN”. Russian Newspaper. 11.09.2014. URL: <https://rg.ru/2014/09/11/skvortsova.html>. (In Russ.).
6. Zubets A. N. Origins and history of economic growth. Moscow: Publishing house “Economy”; 2014. 19 p. (In Russ.).

DOI: 10.26794/2226-7867-2018-8-6-68-75

УДК 378(045)

УЧАСТИЕ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В ОЦЕНКЕ КАЧЕСТВА И ВОСТРЕБОВАННОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ ВУЗА *

Тюриков Александр Георгиевич,

д-р социол. наук, профессор, руководитель Департамента социологии, истории и философии, Финансовый университет, Москва, Россия
AGTyurikov@fa.ru

Разов Павел Викторович,

д-р социол. наук, профессор Департамента социологии, истории и философии, Финансовый университет, Москва, Россия
PVRazov@fa.ru

Амерсланова Айнара Надировна,

старший преподаватель Департамента учета, анализа и аудита, начальник Отдела программ развития, Финансовый университет, Москва, Россия
Aynarana@gmail.com

Аннотация. В статье представлена модель оценки качества и востребованности образовательных услуг высшего учебного заведения, изучены условия формирования системы независимой внешней и внутренней оценки результатов образования. Разработана и описана система объективных и субъективных показателей, на основе которых произведена оценка качества и востребованности образовательных услуг высшего учебного заведения заинтересованными группами потребителей. Описаны группы потребителей образовательных услуг, результаты которых должны быть учтены в системе внутренней и внешней независимой оценки: выпускники, работодатели, профессорско-преподавательский состав, студенты. Уточнено понятие «качество образовательных услуг». Смоделирован собирательный портрет востребованных компетенций специалиста на рынке труда на основе экспертных оценок профессиональных и надпрофессиональных компетенций. В статье представлена оценка качества и востребованности профессиональных компетенций на основе внешней и внутренней независимой оценки заинтересованными группами потребителей образовательных услуг. По результатам проведенного исследования выявлена существенная разница между набором компетенций, предоставляемым высшими учебными заведениями студентам и молодым специалистам в форме образовательных услуг, и тем перечнем профессиональных и универсальных качеств, которые ожидают получить работодатели от молодых соискателей. Представлена апробированная модель рейтинга вузов, включающая в себя как объективные, так и субъективные показатели рейтингования.

Ключевые слова: качество образовательных услуг; востребованность образовательных услуг; потребители; заинтересованные группы; востребованные профессиональные и надпрофессиональные компетенции, модель рейтинга; опрос; оценка качества и востребованности образовательных услуг

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету при Правительстве Российской Федерации на 2018 г.

PARTICIPATION OF CONSUMERS IN ASSESSING THE QUALITY AND RELEVANCE OF EDUCATIONAL SERVICES OF THE UNIVERSITY**

Alexander G. Tyurikov,

Dr. Sci. (Sociology), Professor, Head of the Department of Sociology, History and Philosophy, Financial University, Moscow, Russia
AGTyurikov@fa.ru

Pavel V. Razov,

Dr. Sci. (Sociology), Professor, Department of Sociology, History and Philosophy, Financial University, Moscow, Russia
PVRazov@fa.ru

Aynara N. Amerslanova,

Senior Lecturer, Department of Accounting, analysis and audit; head of the Development programs Department, Financial University, Moscow, Russia
Aynarana@gmail.com

Abstract. *The article presents a model for assessing the quality and relevance of educational services of higher education, studied the conditions of the formation of an independent external and internal evaluation of the results of education. The authors developed and described the system of objective and subjective indicators by which the assessment of quality and demand of educational services of the higher educational institution made by interested groups of consumers. Further, we describe groups of consumers of educational services, the evaluation of the results of education taken into account in the system of internal and external independent evaluation: graduates, employers, faculty, students. The concept of 'quality of educational services' is specified. Simulated collective portrait of the demanded competencies of professionals in the labour market by expert assessments of professional and cross-professional competencies. The article presents an assessment of the quality and relevance of professional competencies by external and internal independent evaluation by interested groups of consumers of educational services. According to the results of the study revealed a significant difference between the set of competencies provided by higher education institutions to students and young professionals in the form of educational services and the list of professional and universal qualities that employers expect to receive from their young applicants. The article presents a proven model of University rating, which includes both objective and subjective rating indicators.*

Keywords: *quality of educational services; demand for educational services; consumers; interest groups; demanded professional and professional competence, rating model; survey; assessment of the quality and demand for educational services*

В настоящий момент на традиционном, в целом консервативном, рынке образовательных услуг происходят перманентные и стремительные перемены. Одним из направлений модернизации системы российского образования является совершенствование контроля и управления качеством образования. В приоритетных направлениях развития образовательной системы Российской Федерации отмечается, что необходимо сформировать общенациональную систему оценки качества образования, получа-

емого гражданином, и реализуемых образовательных программ. К настоящему моменту сложилось следующее понимание общероссийской системы оценки качества образования. С одной стороны, это совокупность организационных и функциональных структур, норм и правил, обеспечивающих оценку образовательных достижений учащихся на основе единой концептуально-методологической базы (<http://www.docme.ru/doc/442596/obshherossijskaya-sistema-ocenki-kachestva-obrazovaniya-osoko>). С другой стороны,

** The article is based on the results of studies carried out at the expense of budget funds on the state task of the Financial University under the Government of the Russian Federation for 2018.

это «замер» степени соответствия реальных достигаемых образовательных результатов учащимся требованиям рынка труда, а также социальным и личностным ожиданиям работника.

Обязательным условием эффективного функционирования системы оценки качества и востребованности образовательных услуг высшего учебного заведения, отвечающим требованиям сегодняшних реалий развития рынка труда, является участие потребителей в системе оценки. В Российской Федерации юридически закреплены нормы, регламентирующие требования к содержанию и организации образовательной деятельности, цели образования и правовой статус образовательных отношений. Это создает необходимую правовую основу для разработки механизмов оценки качества и востребованности образовательных услуг с учетом мнения потребителей (заинтересованных групп).

В юридическом смысле выделение заинтересованных групп в образовательной сфере производится в рамках категории «отношения в сфере образования, как совокупности общественных отношений по реализации права граждан на образование». Целью таких взаимодействий в образовательном пространстве является освоение обучающимися содержания образовательных программ (образовательные отношения) и общественных отношений, которые связаны с образовательными отношениями и целью которых является создание условий для реализации прав граждан на образование. Соответственно, такие понятия как «участники образовательных отношений», под которыми понимаются обучающиеся, родители (законные представители) несовершеннолетних обучающихся, педагогические работники и их представители, организации, осуществляющие образовательную деятельность, а также «участники отношений в сфере образования и регулирования рынка труда», под которыми понимаются федеральные государственные органы, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, работодатели и их объединения, описывают совокупность заинтересованных групп.

Показатели оценки качества и востребованности образовательных услуг высшего учебного заведения включают в себя совокупность характеристик реализации потребностей, степень удовлетворения интересов и полноту реализации полномочий (функций) субъектов образовательных отношений — потребителей (заинтересованных групп) в рамках нормативно определенной

системы государственных стандартов образования, включающей удовлетворение потребностей физических или юридических лиц, в интересах которых осуществления образовательная деятельность. Эти потребности выражаются в установках на трудоустройство выпускников вузов в соответствии со сформированными профессиональными качествами (hard-skills) и надпрофессиональными компетенциями (soft-skills).

При интерпретации и операционализации понятия «востребованность» операциональным определением выступает нужность, желательность образовательных услуг для потребителей, которая основывается на экспертной оценке работодателей установок на трудоустройство выпускников конкретных вузов.

Под понятием «качество образовательных услуг» комплексная характеристика образовательного пространства, в рамках которого осуществляется образовательная деятельность по осуществлению единого целенаправленного процесса воспитания и обучения потребителей услуг, выражающая степень соответствия этих действий нормативным требованиям и потребностям обучающихся, может быть интерпретирована по уровню сформированности у выпускников профессиональных и надпрофессиональных качеств (hard-skills и soft-skills).

Интерпретация и операционализация включенных в оценку образовательных услуг вуза понятий «востребованность» и «качество», с точки зрения потребителей, предполагают выделение соответствующих индикаторов (рис. 1).

Модель оценки образовательных услуг представляется отдельными группами оценок:

- оценка качества образовательных услуг на основе внутренней и внешней независимой оценки;
- оценка качества и востребованности профессиональных компетенций на основе внешней и внутренней независимой оценки;
- оценка качества и востребованности выпускников вузов с применением рейтинговых инструментов с учетом мнения работодателей.

Внутренняя независимая система оценки качества образовательных услуг является обязательным условием контроля качества предоставляемых образовательных услуг. Ориентация на мнение заинтересованных групп — залог эффективного функционирования образовательной системы.

Внутренний мониторинг качества может включать в себя анализ различных групп показателей. Среди традиционных можно выделить:

Рис. 1 / Fig. 1. Модель оценки образовательных услуг / Evaluation model of educational services

- соответствие образовательных программ государственным и международным стандартам;
- количество и контингент абитуриентов;
- средний балл поступающих, материально-техническое оснащение учебного заведения;
- профессиональные качества профессорско-преподавательского состава;
- анализ успеваемости обучающихся.

Выделенные выше показатели являются традиционно оцениваемыми и объективными, однако, они хорошо описывают возможности для предоставления образовательных услуг. Но для оценки качества результатов образовательной деятельности данной информации недостаточно.

При изучении качества образовательных услуг формирование внутривузовской системы оценки качества образования должно основываться на мнении непосредственно заинтересованных групп и непосредственно участников образовательного процесса (рис. 2).

Результаты внутреннего мониторинга позволяют анализировать не только динамику оценки качества образовательных услуг, — не менее важным является задача выявления проблемных и «узких» мест в процессе и результате предоставляемых услуг. Одним из эффективных инструментов подобного мониторинга являются опросы заинтересованных групп, проводимые с определенной периодичностью:

1) преподаватели:

- удовлетворенность образовательным процессом;
- удовлетворенность научной деятельностью;

- удовлетворенность отношениями в подразделениях и университете в целом;
- удовлетворенность социально-бытовыми условиями и т.д.;

2) студенты:

- общая удовлетворенность качеством получаемого образования;
- удовлетворенность качеством реализации образовательных программ;
- качество преподавания, в том числе каждым преподавателем;
- качество организации практики и т.д.;

3) выпускники:

- качество образовательных услуг, с точки зрения применимости полученных знаний и навыков в жизни. Здесь принципиальное значение имеет то обстоятельство, что, в отличие от студентов, выпускники (работники) выражают свое оценочное мнение не о процессе, а о результате образования.

ОЦЕНКА КАЧЕСТВА И ВОСТРЕБОВАННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ НА ОСНОВЕ ВНЕШНЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ НЕЗАВИСИМОЙ ОЦЕНКИ

Рынок профессий и квалификаций непрерывно меняется, как и набор компетенций, которые необходимо применять специалистам для эффективной профессиональной деятельности. Ряд компетенций можно отнести к базовым, необходимым для оперативного (функционального) выполнения профессиональных требований и операций в настоящее время, а другие относятся к перспективным направлениям развития

Рис. 2 / Fig. 2. Система внутренней независимой оценки качества образовательных услуг /
The system of internal independent evaluation of the quality of educational services

профессий. В этой связи для обеспечения высокого качества образовательных услуг необходимо взаимодействие учебных заведений с акторами рынка труда: работодателями и выпускниками вузов.

В этом смысле оказываемое вузом студенту различными способами содействие (помощь) в приобретении им профессиональной субъектности или предоставляемые вузом студенту возможности приобретения профессиональной субъектности является базовым процессом образования.

Проблема профессиональной субъектности активно обсуждается в отечественной литературе (И.А. Акиндинова [1], Ф.И. Блиева [2], А.М. Васильева [3], А.А. Деркач [4], А.С. Лебедев [5], Г.А. Миронов [6] и др.). В этих дискурсах прослеживается общая авторам мысль, что «профессиональная субъектность выступает основной целью высшего образования».

Проведенный анализ существующих подходов позволил определить профессиональную субъектность как способность выпускника вуза обращаться со смыслами профессиональной деятельности за счет усвоения профессиональных компетенций, обеспечивающих реализацию технологического содержания профессиональной деятельности, а также освоения действий, связанных с реализацией надпрофессиональных целей и задач [7].

Анализ компетенций, необходимых на рынке труда и приобретаемых в высших учебных заведениях, позволяет сравнить как внешнюю, так и внутреннюю оценку качества образовательных услуг через перечень конкретных базовых личностно-профессиональных и универсальных компетенций, приобретенных в процессе обучения. Преимуществом в таком компетентностном

подходе является возможность оценки востребованности компетенций на рынке труда независимыми субъектами и возможность их уровневого измерения.

На первом этапе исследования на основании экспертного опроса были определены приоритетные заинтересованные группы потребителей и сформирован перечень компетенций, которые легли в основу двух больших групп универсальных надпрофессиональных (soft skills) и профессиональных (hard skills) компетенций, которые необходимы любому специалисту, исходя из требований рынка труда.

На основе экспертных оценок к заинтересованным группам были отнесены:

- студенты (экспертная оценка 8,9 балла);
- родители студентов (6,4 балла);
- выпускники (9,6 балла);
- преподаватели и администрация вуза (8,9 балла);
- профессиональные сообщества — преподаватели и администраторы других вузов, независимая внешняя оценка аудит (7,0 балла);
- работодатели (9,1 балла);
- научные сообщества, академические структуры (6,3 балла);
- институты гражданского общества (5,8 балла).

Анализ континуума компетенций-требований рынка труда позволил описать обобщенный портрет запроса (требований и ожиданий) работодателей от своих потенциальных сотрудников (табл. 1). Собранные требования были разделены на две крупные группы описанных выше компетенций — профессиональные (hard skills) и надпрофессиональные, универсальные (soft-skills).

Таблица 1 / Table 1

Собираемый портрет востребованных компетенций на рынке труда, полученный по результатам экспертного опроса / A collective portrait of demanded competencies in the labour market, obtained by the results of an expert survey

Универсальные компетенции (soft skills)	Профессиональные компетенции (hard skills)
Способность работать в команде	Профессиональная грамотность и способность применять знания на практике
Нацеленность на результат	Понимание проектной деятельности, навыки работы с проектами
Умение управлять временем и другими ресурсами для решения поставленных задач	Умение пользоваться специализированными компьютерными программами
Организаторские навыки	Знание современных технологий в профессиональной деятельности
Системное, стратегическое, аналитическое мышление	Навыки деловой переписки и делового общения, умение работать с документацией
Умение быстро ориентироваться в различных предметных областях	Знание иностранного языка
Готовность к ведению переговоров	Умение пользоваться информационными ресурсами
Обладание стрессоустойчивостью	Способность к планированию и организации профессиональной деятельности
Наличие креативного мышления	Способность профессионально обосновывать и отстаивать свою позицию в различных деловых ситуациях
Коммуникабельность, умение работать с людьми	
Адаптивность	
Управление саморазвитием, самообучаемость	
Самоконтроль	
Инициативность, активная жизненная позиция	

В результате проведенного контент-анализа вакансий работодателей оказалось, что навыки, знания и умения, связанные как с профессиональными компетенциями, так и с универсальными, предъявляются нанимателями к своим соискателям в равноценной значимости. Анализ данных показал, что среди унифицированных навыков и личных качеств (или, другими словами, среди soft-skills) наиболее востребованными оказались группы компетенций, отражающих черты характера и отношение к работе.

Построенный на основании анализа комплексного социологического исследования рейтинг компетенций и присвоенный ранг каждому навыку показал, что существует видимая разница между предоставляемым высшими учебными заведениями набором компетенций студентам и молодым специалистам в форме образовательных услуг и тем перечнем профессиональных и универсальных качеств, которые ожидают получить работодатели от своих мо-

лодых соискателей. Так, например, в категории компетенций hard skills значительное расхождение в оценках наблюдается в следующих навыках:

- способность к планированию и организации профессиональной деятельности;
- умение пользоваться специализированными компьютерными программами;
- навыки деловой переписки и делового общения, умение работать с документацией.

Рейтинг компетенций soft skills также содержит расхождения между качеством предоставляемых образовательных услуг и востребованным набором умений на рынке труда:

- способность работать в команде;
- инициативность, активная жизненная позиция;
- обладание стрессоустойчивостью;
- умение быстро ориентироваться в различных предметных областях;
- наличие креативного мышления.

Таблица 2 / Table 2

Объективные и субъективные показатели рейтингования вузов / Objective and subjective indicators of university rating

№	Наименование показателя	Единица измерения	Источник информации
<i>Объективные показатели</i>			
1	Доля трудоустройства выпускников	%	Портал мониторинга трудоустройства выпускников Минобрнауки России*
2	Средняя сумма выплат выпускникам	руб.	
3	Количество регионов, в которых трудоустроены выпускники	ед.	
4	Заработная плата, на которую может претендовать в Москве выпускник, окончивший данный вуз	руб.	Superjob**
5	Количество аккредитованных образовательных программ	ед.	Система мониторинга общественно-профессиональной аккредитации Минобрнауки России***
<i>Субъективные показатели</i>			
6	Выпускников каких вузов работодатели предпочитают принимать на работу	ед. голосов	Данные опроса
7	Доля экспертов из числа работодателей, принявших на работу выпускника данного вуза и давших ему положительную оценку («хорошая», «высокая»)	%	

* Портал мониторинга трудоустройства выпускников Минобрнауки России. URL: http://vo.graduate.edu.ru/#/?year=2015&year_monitoring=2016.

** Список лучших вузов по уровню зарплат выпускников 2012–2017 гг. URL: <https://students.superjob.ru/reiting-vuzov/ekonomicheskie/>.

*** Система мониторинга общественно-профессиональной аккредитации Минобрнауки России. URL: <http://accredpoa.ru/>.

ОЦЕНКА КАЧЕСТВА И ВОСТРЕБОВАННОСТИ ВЫПУСКНИКОВ ВУЗОВ С ПРИМЕНЕНИЕМ РЕЙТИНГОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ С УЧЕТОМ МНЕНИЯ РАБОТОДАТЕЛЕЙ

В настоящее время широкое распространение получила рейтинговая форма представления оценки характеристик различных субъектов, которые осуществляют деятельность в различных сферах, в том числе образовательных организаций. Основной целью составления рейтингов на основе оценки востребованности и качества образовательных услуг с учетом мнения потребителей является необходимость оценки способности вузов отвечать требованиям основных потребителей к качеству образовательных услуг. «Именно трудоустройство является одним из самых важных показателей востребованности того или иного вуза, и мы этот показатель будем обязательно учитывать при мониторинге системы высшего образования в России» (<http://vo.graduate.edu.ru/booklet#/?year=20>).

Подготовленная в рамках исследования модель рейтинга вузов включает как объективные, так и субъективные показатели (табл. 2).

Источниками информации объективных показателей являются порталы, находящиеся в от-

крытом доступе в сети Интернет. Источником результатов по субъективным показателям является опрос экспертов — представителей работодателей, которыми выступали собственники бизнеса, руководители организаций, заместители председателей правлений, директоров, руководители направлений, начальники управлений, отделов, департаментов, финансовые контролеры и т.д. с опытом работы на руководящей должности более 5 лет (30%), более 10 лет (15%), более 20 лет (7%). Эксперты представляли компании, осуществляющие свою деятельность в различных областях: банковская, информационные технологии, аудит и консалтинг, финансы, инвестиции, государственный сектор, страхование, авиастроение, автобизнес, военно-промышленный комплекс, медицина, право, налогообложение, продажи, медиа и т.д.

Оценка вузов на основе анализа востребованности и качества образовательных услуг с учетом мнения потребителей через призму показателей трудоустройства, заработной платы, количества профессионально-общественных аккредитованных образовательных программ и предпочтений работодателей обуславливается не только возможностью абитуриентов, студентов, их родителей

оценить будущие перспективы и оправданность зарплатных ожиданий, но и способствует (через отдельные категории заинтересованных пользователей рейтинга) реализации важной государственной задачи по увеличению количества трудоспособного населения с высоким уровнем дохода во всех регионах нашей страны.

Сравнительный анализ отечественных и зарубежных научных методов, инструментария и нормативных правовых актов позволил сделать вывод о возможности адаптации методов и инструментария оценки качества образования, используемых за рубежом, к российской специфике. И подчеркнул невозможность осуществления этой оценки без учета мнения заинтересованных групп. При этом по результатам исследования было также выявлено, что для оценки качества и востребованности образовательных услуг с учетом мнения потребителей необходимо включить

в систему оценки как объективные характеристики (уровень заработной платы выпускников вузов, доля трудоустроенных, ареал трудовой мобильности), так и субъективные (уровень сформированности компетенций hard skills и soft skills как показателя их профессиональной субъектности). Эти показатели включаются в индикативный компонент методики и модели оценки качества и востребованности образовательных услуг высшего учебного заведения с учетом мнения потребителей (заинтересованных групп). Она позволяет последовательно осуществить сбор первичных данных, их преобразование и квалификация уровня качества и востребованности образовательных услуг по исследуемым образовательным организациям и дать комплексную всестороннюю оценку качества и востребованности образовательных услуг с учетом мнения потребителей (заинтересованных групп).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Акиндинова И.А. Самоактуализация личности в различных типах организации профессиональной деятельности. Психолого-педагогические проблемы развития личности в современных условиях: Психология и педагогика в общественной практике. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена; 2000.
2. Блиева Ф.И. Структура профессиональной субъектной позиции будущего специалиста. URL: http://vestnik-adygnet.ru/files/2007.4/577/blieva2007_4.pdf.
3. Васильева А.М. Профессиональная субъектность в культурно-историческом аспекте. *Концепт*. 2016;(17):239–243.
4. Деркач А.А. Профессиональная субъектность как акмеологический феномен. URL: <http://www.sudexp.org/publ/6-1-0-59>.
5. Лебедев А.С. Формирование субъектной позиции в творческой деятельности у студентов педколледжа. Автореф. дисс. ... канд. пед. наук. М.; 2001.
6. Миронов Г.А. Формирование профессиональной субъектности будущих психологов. Автореф. дис. ... канд. псих. наук. М.; 2010.
7. Тюриков А.Г., Большунов А.Я. Профессиональная субъектность как продукт высшего образования и подходы к оценке профессиональной субъектности выпускника вуза. *Инновации в образовании*. 2018;(11).

REFERENCES

1. Akindinova I.A. Self-actualisation of the personality in different types of organisation of professional activity. In Psychological and pedagogical problems of personality development in modern conditions: Psychology and pedagogy in practice. St. Petersburg: Publishing house RGPU; 2000. (In Russ.).
2. Blieva F.I. The structure of professional subjective position of the future specialist. URL: http://vestnik.adygnet.ru/files/2007.4/577/blieva2007_4.pdf. (In Russ.).
3. Vasil'eva A.M. Professional subjectivity in the cultural and historical aspect. *Kontsept*. 2016;(17):239–243. (In Russ.).
4. Derkach A.A. Professional subjectivity as an acmeological phenomenon. URL: <http://www.sudexp.org/publ/6-1-0-59>. (In Russ.).
5. Lebedev A.S. Formation of subjective position in the creative activity of students of the pedagogical college. Abstract of the dissertation. Moscow; 2001. (In Russ.).
6. Mironov G.A. Formation of the professional subjectivity of future psychologists. Abstract of the dissertation. Moscow; 2010. (In Russ.).
7. Tyurikov A. G., Bol'shunov A. Ya. Professional subjectivity as a product of higher education and approaches to assessing the professional subjectivity of a university graduate. *Innovatsii v obrazovanii*. 2018;(11). (In Russ.).

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОГНОЗ

DOI: 10.26794/2226-7867-2018-8-6-76-82

К 2030 ГОДУ НАТО ТРАНСФОРМИРУЕТСЯ В ГЛОБАЛЬНУЮ СЕТЬ ДЛЯ СОХРАНЕНИЯ ВНУТРЕННЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Томас Флиши де ла Невиль,
Оксфордский университет, All Souls College

Аннотация. Сила военного объединения заключается не столько в его накопленной мощи, сколько в его ясной стратегической линии. Но политической воли зачастую не хватает, когда деятельность военной организации начинает затухать. Вот почему в настоящее время НАТО непросто спрогнозировать свое будущее вплоть до 2030 г. Даже ее собственные прогностические документы иногда бывают расплывчатыми: «НАТО может столкнуться с противниками, состоящими как из государств, так и негосударственных субъектов, которые будут работать независимо или согласованно...». Ранее утверждалось, что НАТО выживет и сможет существовать в течение следующих пятнадцати лет, поскольку она уже преодолела серьезные стратегические потрясения. На самом деле, НАТО выживет по другой причине. Нынешний геополитический контекст является настолько неустойчивым, что неповоротливые бюрократические военные организации стали совершенно неадекватными для противодействия затухающим внешним угрозам. Кроме того, способность американских и европейских государств принимать решения по вопросам внешней политики сильно ухудшилась из-за дефицита в отношении разведки. Однако сеть НАТО выживает, чтобы справиться с совершенно другой задачей: обеспечение внутреннего порядка в странах, глубоко дестабилизированных миграцией. В 2030 г. ослабленным американским и европейским странам бросит вызов возрождающаяся Россия. НАТО была парализована собственным геокультурным дефицитом. Тем не менее она еще может адаптироваться и трансформироваться, инвестируя еще больше в технологии для решения новых внутренних задач.

Ключевые слова: НАТО; военные организации; национальная безопасность; военные объединения

2030, NATO IS TRANSFORMED INTO A GLOBAL NETWORK DEDICATED TO THE PRESERVATION OF HOMELAND SECURITY

Thomas Flichy de La Neuville,
The University of Oxford, All Soul's

Abstract. The strength of an extended military confederation lies much less in its accumulated power than in the clarity of its strategic line. Now, we must be aware that political intelligence often lacks when the imperial heart of a military organisation starts declining*. This is why it is currently uneasy for NATO to predict its own future for 2030**. Its own documents of prospective are sometimes vague: "NATO may face adversaries consisting

* Thomas Flichy de La Neuville and Gregor Mathias, The world in 2030, what the CIA had not foreseen, Bernard Giovanangeli, 2015.

** For NATO, the main challenge of the future seems to be the technological competition, in the same time it completely denies the importance of cultural issues. NATO's "Framework for future alliance operations", published in 2015, mentions Technology 130 times and culture 15 times only.

of states as well as non-state actors, that will work independently or in concert...". They are marked, in any case, by a tremendous lack of imagination". It has been argued that NATO would survive during the next fifteen years because it had already overcome major strategic upheavals". In fact, NATO will survive for another reason. The current geopolitical context has become so volatile that rigid bureaucratic military organisations have become perfectly inadequate to counter evanescent external threats. Moreover, the capacity of American and European states to decide of a foreign policy has strongly diminished because of their cultural deficit in the treatment of intelligence. The NATO network survives however in order to meet a completely different challenge than the original one. Its main task has become to ensure the internal order of countries that have been deeply destabilised by migrations". In 2030, diminished American and European countries are challenged by an ascending Russia. NATO has been paralysed by its own geocultural deficit. However, it achieves to adapt and transform, investing even more in technology in order to meet the new internal challenges.

Keywords: NATO; military organisations; homeland security; military confederations

* "Framework for future alliance operations", August 2015, p. 13.

** The Ukrainian scenario seems to represent the ultimate horizon of the future. As a consequence, the realities of 2015 become NATO's future in 2030: "While NATO is strong in conventional capabilities and prepared for traditional territorial conflict, the Alliance will also likely face states employing non-state proxies and using hybrid means to achieve objectives. Alongside conventional warfare, future threats are likely to combine special operations and irregular forces (including mercenaries, terrorists and criminal organisations as well as offensive cyber and space activities). Dedicated adversary psychological operations will exploit social and traditional media to win the battle of the narrative". Framework for future alliance operations, August 2015, p. 14.

*** Bruno Tertrais, "La dissuasion nucléaire en 2030", 2006, p. 36.

**** A French report of 2008 was already mentioning that the scope of NATO would be enlarged and would now include operations of stabilisation and counter-insurrection. Défense Nationale, "L'environnement de la défense future 2008–2030", p. 62.

A NEW GEOPOLITICAL CONTEXT FOR NATO

In 2030, NATO appears as a remnant of the past. In effect, the transatlantic link floats in a world divided into islands¹. Having reverted to isolationism, the United States has elected their first Latino president on the motto *America to Americans*. They have disengaged from the affairs of the World. NATO thus survives, but only as a word, like the roman *respublica* under August. Marked by imperial decline, the United-States exploit their own oil. America has lost the sense of geopolitical realities. The unlimited quest for prosperity having come up against a dead end, the United States experience a religious revival, that insists upon the sacred character of the new promised land from which America has turned away in order to govern world affairs — for the better and more often the worse. The new time is marked by a return to wilderness. This isolationist withdrawal logically benefits to Americas competing powers. The Latino population now reaches 20% to 25% of the population of the United States. Spanish has become the first language spoken in the southern states. However, the implication of these changes should not be over-interpreted. Like the barbarian kingdoms willing to perpetuate the Imperium Romanum, the majority of the new American populations, see themselves primarily as "American". In any case, the internal

problems of the US or Canada are so important that waging wars outside has become a luxury they cannot afford any more. Restoring peace and order inside has become the priority. As a consequence, the size of NATO has become disproportionate to the needs of its members. Most of the civil servants recruited in 2020 have fictitious jobs.

In Europe, NATO launches periodically campaigns of communication in order to justify its presence. Competitiveness is at half-mast. Older European societies cultivate leisure as their sole purpose. Rivalled by Indian, Chinese, Russian, Iranian, Brazilian, Algerian or Mexican elites, European economic leaders carry on losing market shares. Having conditioned many export contracts to a significant transfer of technology, European industries are forced to become excellent to retain a decisive advance. The ousting of Greece from the euro area and the subsequent collapse of the monetary unit has brought about the loss of the European assets placed in Athens. An unprecedented confidence crisis in the European currency occurs. Noting the failure of all political solutions, Europeans massively turn away from politics. The democratic deficit of the European Union spawns populism and Euro-scepticism. Among the key reforms, the European Commission forces the French minister of Defence to integrate his forces into the new Eurocorps and to put in common his capacities of defence with other NATO member states in

¹ In its latest intelligence report, the National Intelligence Council foresaw a world divided into islands.

order to save money². This shift masks the collapse of the national defence policies³. In the same time, the necessity of border control, in order to prevent access to illegal Mediterranean migrations, has become so strong that countries like Italy threaten to leave the Schengen Treaty. The grandpa-boomers are now in an extremely precarious situation, they have become increasingly dependent on younger generations. Germany experiences spasmodic armed riots in its old industrial valleys between the Old Germans (*Altdeutschen*) and the self-directed Islamic regions. Scotland has left the United Kingdom. In Ceuta and Melilla, Spanish forces have been overwhelmed by flows of migrants. Facing massive migrations, the European states remember that it was once a NATO intervention that involuntarily accelerated the process by destroying the Libyan regime.

By 2030, Russia has — on the contrary — strengthened its internal coherence by reviving its own identity. Thanks to sweeping reforms finalized to the defence of a territory inherited from history, but of a much smaller size than Romanov Russia, it reconfigures itself defensively around the north-east passage. The rise of maritime traffic in the Northeast route is the indirect consequence of global warming. The melting of Arctic sea ice enables the Russians to create Siberian exploitation bases of hydrocarbons and mineral deposits. Maritime transport in the Arctic Ocean has become very profitable to supply the Kara Sea bases or to get cheaper raw materials. In Western Europe, the Russian cultural centres now select qualified asylum seekers and send the best ones to the University of St. Petersburg that welcomes carefully selected researchers. The contribution of these new migrants — which can be compared to the former Prussian or French Huguenots settlers — coupled with a rebound in the birth rate, enables Russia to reconnect with population growth. In 2030, the Russian Federation counts nearly 150 million souls. By that time, Russia has managed to break the encirclement imagined by NATO, thanks to the former Soviet republics gained to Washington. Ukraine has regained its place of matrix territory of the Slavic world, under the protection of Russia. Indeed, the active lobbying of countries like Greece, Hungary, Slovakia and Austria have influenced the bigger European States to take a more measured position vis-à-vis Russia, especially as many incidents have demonstrated the reality of the doctrinal foundations of the pretended democratic Ukrainian nationalism. Abandoned by Washington on

the one hand, and the European Union on the other, Ukraine experiences a severe economic crisis that forces it to accept a compromise with Russia. Yet if the situation in Russia seems stabilized in the West and in the Caucasus, it is facing a strong Chinese migration pressure in Siberia. In effect, hundreds of thousands of Chinese workers have crossed the Amur River to settle in Russia where their cheap labour force is exploited to re-exploit abandoned collective farms or develop the industry.

HAVE ANCIENT MILITARY CONFEDERATIONS A SECRET OF LONGEVITY?

Classical antiquity provides several examples of confederations that figure as miniature alliances compared to contemporary military organizations. Five main cases stand out. The first is the Second Athenian Confederation, from 377 to 355 BC J-C, a maritime league of Aegean cities aimed at countering the expansion of Sparta. The second is the League of Corinth, which designates several confederations of Greek cities allied to the kingdom of Macedonia. The third is the Peloponnesian league, an alliance of Greek cities dominated by Spartan power between the 6th and 4th centuries BC. The fourth is the League of Delos, a military alliance founded in 478 BC, in order to repel the Persian enemy. The fifth one is the Latin league, a confederation uniting about thirty cities of ancient Latium in order to organize a mutual defence against external aggressions. How can we explain the longevity of these confederations compared to the alliances of the early modern period? The scale — which is that of the city — is undoubtedly at stake. However, two fundamental elements must be added: even though egalitarian and collaborative institutions are put in place, the hegemony of the strongest city is ensured. Secondly, these alliances are all the more durable that they are cemented by a common religious and cultural integration.

The ancient military alliances function as a hegemon, guaranteeing the domination of the imperial centre despite the existence of representative institutions. The first League of Corinth is founded in 337 BC. This is apparently a simple treaty of “common peace”. The cities are represented by their respective delegates, who sit on a Council. However, these delegations do not have equal votes. This alliance quickly became a *symmarchy*, obedient to a man. The Peloponnesian league, controlled by Sparta, resumes the same mechanism. It is controlled by a council of allies, which consists of two bodies. The first is the assembly of the Spartans, and the second, the Congress of the Allies, in which each allied

² *Le monde vu en 2030 par la CIA*, éd. des Équateurs, 2013, p. 175.

³ *Horizons stratégiques*, ministère de la Défense, introduction, p. 24.

City-State has one vote. However, Sparta is not obliged to comply with all the resolutions of the League. The Delos League provides another example of a military alliance which ensures the hegemony of Athens under an egalitarian outlook. This hegemon could not have been established without the monetary power of the imperial heart, founded on its silver mines. The links between Athens and its allies are from the middle of the century the relations of a mother city to vassal cities. Thus, in 454 BC, AD, the treasure of Delos is transferred to Athens. The history of the League is punctuated by the revolts of allies contesting the Athenian tribute and the conquests carried out for the sole benefit of Athens. Finally, let us mention the Latin League, directed in principle by a *Concilium Latinorum* but placed under the tutelage of Rome from 493 BC J-C. The *Foedus Casianum* renews the alliance between the Romans and the Latin, but this *foedus æquum* gives Rome as much weight as all the thirty cities of the league. In theory, the treaty stipulates that the command of the federal army will be alternating, but in practice, this command is given to the Romans. The Greek and Latin confederations have therefore in common that the so-called egalitarian forums of discussion serve as a screen for the exercise of hegemony. They also combine military and cultural dominations.

The domination of Athens on the League of Delos is reflected by the wide diffusion of the Athenian model, and the obligation for the allies to use the currencies, units of weight and measures of Athens. In 440, a decree forces the allies of the League of Delos to provide a sacrifice for the Panathenaea. In 425, another decree indicates that the allies must march to the Panathenaeas as the colonies of Athens. Athens behaves like the metropolis of these allies as if it had colonized the whole Aegean Sea. In addition, the allies must go to Athens for the Great Dionysia in early spring. In the same way, the cult of Athena, protective goddess of the Athenians, spreads. It is attested in the Greek archipelagos, at Samos, Cos and in Evia. The same evolution is to be noted among the thirty members of the Latin League where each city tries to establish a sanctuary dedicated to a federal worship in order to establish its legitimacy. The Latin cities celebrate federal cults, the most important being that dedicated to Jupiter Latiaris, the deified form of King Latinus, perceived as the common ancestor of all Latin. For the celebration of this cult, the Latin gather once a year in Alba, during the *Feriae Latinae*. A common sacrifice is made at the top of Mount Albinus in honour of Jupiter Latiaris. In the ancient military confederations, the longevity of alliances can thus be explained by a

military hegemon carefully masked by *representative* institutions, combined with a deep cultural and religious influence. The domination of the mother city over its vassals naturally generates resistance. In this sense, the Antigone of Sophocles assumes a political significance: if Antigone decides to conform to the laws desired by the gods, because they are superior to human laws, this lesson is equally valid for the subjugated cities of the Empire, which sometimes wonder if it is necessary to conform to the Athenian decisions when other and more divine laws exist.

A LOST CITADEL IN THE TARTAR STEPPE: THE PARALYSIS OF NATO

For NATO, the two most relevant historical precedents are the Delos League (478–404), transforming Athens into an imperial power, and the Confederation of the Rhine (1806–1813), enabling Napoleon to give a virtual sovereignty to the little German states while imposing on them a heavy military tribute for his Russian campaign. It should be noted in both cases that the alliances were based on a financial burden guaranteed by a treasure (located in Athens or Paris). The history of these two leagues was punctuated by revolts challenging the imposed tribute. Perpetual negotiations thus accompanied their existences. The historical evolution of these alliances was marked by an increasing pressure from the imperial matrix on its vassals while the constraints imposed on them became more rigid. In reality, it was only at the very end that the small Greek cities or the German states turned their backs from the collapsing imperial power. In effect, heavy coalitions tend to put in place rigid and bruising procedures, even though the diplomatic atmosphere in which they evolve remains intrinsically volatile. They are therefore infinitely less efficient than bilateral alliances⁴ whose

⁴ The military alliances to which France participated over the centuries are, in 85% of the cases, bilateral treaties. Their efficiency is not proportional to their morality: for example, the sacrilegious union of the lily flower and the crescent lasted between 1536 and 1799, because of the rational interests of the two parties. It is noteworthy that a military agreement encountering the strong hostility of the General Staff is always liable to fail. Let us consider, for example, the Franco-Soviet Treaty of Mutual Assistance of May 2, 1935, which — confronted with the incomprehension of the general officers — was never applied. Alliances with more than two partners are relatively marginal. For France, they have generally included between three and eight members and have not lasted in time. We can quote here the Triple Alliance concluded at The Hague on January 4, 1717, between the United Provinces, Great Britain, and France, the Family Pact signed on August 15, 1761, at the instigation of the Duke of Choiseul, between the Kings of France, Spain and the Duke of Parma, the quintuple alliance formed at the congress of Aix-la-Chapelle in 1818, the eight-nation alliance which crushed the Boxer revolt in 1900,

longevity is far superior⁵. They are also less flexible than a succession of coalitions with short-term objectives⁶. Retrospectively, historians situated the climax of NATO interventions in 2003, when the pressure exerted by the imperial heart on the allies-vassals was at its maximum. During the following decades, NATO interventions continued but were increasingly questioned by its members. Strongly criticised by the United States from 2021 onwards, NATO started behaving as an independent body. By 2030, its military inactivity had fuelled its bureaucratic expansion. No surprise why the Italian President described it, as a *lost citadel in the Tartar Steppe*⁷.

In July 2025, NATO senior civil servants were hoping that the shift of hegemony between the United States and China would give a second life to the military organisation, however, no thirty-years war ever broke out again⁸. In the same time, NATO headquarters had been unable to cope with the military challenges of the Middle-East and Africa. From 2020 to 2030, the Middle East had been deeply destabilized by the new American isolationism. Having become less dependent on Saudi Arabia because of the exploitation of their own shale gas, the United States had left the country sink into chaos once the dollar had lost its function of global currency reserve. The support of the United States to Israel had become increasingly discreet as American entrepreneurs started investing again into Iran. Because of the vacuum left by the United States, the Middle East underwent a profound reconfiguration. In the north, Turkey, humiliated by the delaying tactics of the EU, had created its own competing model: the Turkic Union. Having become an average economic and military power, Turkey had hoped to regain geopoliti-

cal influence from the Mediterranean to the borders of China and Siberia. In the South, the Arab States had divided and were getting poorer. In the East, Iran had recovered its central geopolitical role through a clever policy of balance between China, India, Europe and the United States. Thanks to its stability, Iran had become one of the largest exporters of liquefied gas. As for NATO, whose image had been associated with former western interventions, it had retreated from the Middle-East to the benefit of a new American diplomacy of influence.

Within NATO headquarters, the number of specialists of Africa had sharply diminished. The black continent had become a *terra incognita* for the transatlantic organisation whose drones carefully monitored migrants in order to regulate the flows of fresh labour force entering into Europe. By 2030, Africa had discarded for a long time the legacy of the European colonization. The last infrastructures established by the former colonial powers had collapsed. Africa was poorer than ever: the exploitation of its resources didn't benefit its own population. Indeed, the new settlers, followers of an unscrupulous capitalism, only reinvested the bare minimum on site (just enough to keep them safe). New Africa was thus comparable to a panther skin: small spots of wealth in a sea of poverty. The continent, more urbanized than today, suffered more than ever from malnutrition. In effect, its agricultural or mineral wealth had been meticulously taken away. Periodically, riots flared up in order to protest against rising food prices. Looters attacked bakeries and department stores. Agricultural productivity remained low. The arable land had indeed shrunk because of global warming and land grabbing for the production of exported biofuel. To meet the growing arable land demand, some African states did not hesitate to transform parking buildings into irrigated fields. Perceived at first as a curiosity, these vertical urban areas had spread like wildfire in African cities. Millions of Nigerians continued to pile up in huge megacities that produced nothing but insecurity. In South Africa, the climate of inter-ethnic violence involved a permanent mobilization of the army. Once destined to a great future, the rainbow Republic had gradually sunk into chaos. Facing these major crises, the NATO military organisation remained paralysed, all the more so that internal problems had deeply destabilised its member-states.

COORDINATING THE INTERNAL TRANSITIONS: A NEW ROLE FOR NATO

In Europe, mass migrations have spawned violence in major cities. They have forced public authorities

the triple agreement that bound France, the United Kingdom and Imperial Russia in 1892, and finally NATO, which is an exception because of the disproportionate number of its members. Most of these alliances had very limited effects. In any case, they did not survive the limited objective they set for themselves. In these circumstances, we may legitimately wonder what is the point of making an alliance with more than two members. Paradoxically, even if the multinational alliances do not have a high military efficiency, they can be very advantageous as long as the war has not broken out. Let us remember, for example, the Franco-Indian alliance, which bound France to the various Amerindian nations. This enabled the French and the Indians to form a haven of peace in the middle Ohio valley before the conflict broke out and ruined the French ambitions.

⁵ To this respect, the Anglo-Portuguese alliance — from the 14th century to the 1890s — can be quoted.

⁶ Seven successive coalitions were necessary to defeat Napoleon, but eventually succeeded.

⁷ Cf. Dino Buzzati, *The Tartar Steppe*, 1940.

⁸ B. Wicht, *Guerre et hégémonie. L'éclairage de la longue durée*, 2002.

to take effective measures in order to ensure law and order. The local authorities have been obliged to reduce private liberties to the benefit of security. As individuals have become increasingly mobile, a central unit for the treatment of individual data becomes necessary. Now, NATO had invested during the last twenty years into cyber-warfare. This is why one of its branches became increasingly important: the central unit for the treatment of individual data (CUTID). This unit was strongly criticised by Sergey Pratoitch, a professor from Saint-Petersburg University, who was declared on 3 June 2030 to his students: "In a way, the evolution of western states towards *authoritarian liberalism* recalled the reign of August who had been able to give the illusion he was restoring the Republic. This enigmatic man, who had taken a jealous care never to define the new regime he had established, was described later by Julian the Apostate as a *chameleon, changing colour, alternately pale, red, black, and then charming Like Venus*. Son of a banker, Augustus had been introduced gradually by Caesar into the public arena. He had appeared riding at his side during his triumph for his victories in Africa on the 15th of July 46. But at that time, no one really took him seriously. Augustus took advantage of this to gain the confidence of certain followers of Caesar, who saw in him only a young heir who was fragile and easy to manipulate. Undoubtedly they did not know that Augustus could make himself master of the crowds. During the festivities marking the death of Caesar, Augustus succeeded in using skilfully the apparition of a comet, in order to make people believe that it was the manifestation of the soul of Caesar joining the domain of the gods before designating him as heir. It is thus that this eternal thirty-year-old took power never to return it. He claimed to be a friend of Concord, having built the temple of peace at great expense from 13 to 9 BC, yet no man ever gave himself up to war. During his reign, a permanent state of emergency was established. Augustus pretended to restore liberty within the republic but only to empty the institutions of their substance. In a Rome deeply divided between *Optimates* and *Populares*, Augustus, restored a disguised dictatorship in which most citizens were deceived. It is hence not useless to recall a word of Montesquieu on him: "*while under Augustus tyranny was fortified, all that was spoken of was liberty*".

Even though the comparison with August is disputable, we must admit that the silent metamorphoses of republics into empires often follow similar paths: at the end of the Roman republic, the English republic, or the French Directory, the transition was facilitated by the deification of a strong man and the simultane-

ous liquidation of the representative institutions of the regime. This double transformation ultimately enabled the control of the masses, all the more so than the very strong political instability, as well as the galloping corruption, acted as a spur. It should be noted that historians most often justify the legitimacy of this political transition, conceived *a posteriori* as necessary for the establishment of a progressive regime. These times of metamorphosis also present themselves as periods of intense military activity: the dying republics strive to prolong their existence thanks to ultramarine military successes: in 48, Caesar wages a short but efficient campaign in Egypt than in Asia. Before his fall, Cromwell takes Jamaica away from the Spaniards. As for the Directory, it almost declares war on the sea against the United States before conquering Egypt. These conquests reinforce the role of the generals who try to play a key role in the political transition: Marcus Agrippa and George Monck as Jean-Charles Pichegru are both living examples of these evolutions. As a consequence, when troubles will reach a climax in Europe, it is very possible that former NATO generals will try to play a political role. But the social context in which they are likely to operate will have completely changed.

Contrary to what one might think, the spectacular development of social networks will have confined individuals to their selected identities. The 2030s will, therefore, be marked by the return of microscopic groups, bearer of strong and sometimes subversive cultural values. On the web, the competition between competing for propaganda networks will exacerbate. In the formerly developed countries, the consequences of the use of new communication mean on innovation will clearly appear: broken to pieces by the power of immediate messaging, time for individual creative thinking will have become the exception. In this sense, the explosion of communication will further reduce any form of free thought. Within the Crypto-democratic countries, the illusion of a government by the people will have shattered long ago. Having been reduced to use violence in order to compensate for their inability to diffuse creative emotions, dead bureaucratic elites will have given way to new leaders. More than ever, the need for political action in the long term, guided not by self-interested lobbyists, but by the common good, will be felt. In short, the dream distilled by the media of a future world in which individuals would be freed by the opening of borders and the inevitable progress of democracy will have appeared as a fairy tale⁹. Now,

⁹ The recent history of Internet could be compared to that of the French press at the end of the 18th century. Progressively

this evolution is currently neglected by NATO analysts, who imagine that in 2030, “*a growing democratic deficit along the borders of Nations will threaten the stability and cohesion of the Alliance*”¹⁰. In fact, the liberal micro-spaces have become rare in 2030. A group of researchers named *Disputatio*, decides to draw their map, pinpointing Universities where public contradictory debates are still being organised. To the surprise of many, this map contradicts all pre-established and ready-to-made classifications.

In 2015, NATO analysts had correctly imagined certain evolutions, however. They had foreseen that the military operations of the future would “likely occur in un-governed or under-governed regions, in large urban areas”¹¹. According to this forecast, NATO forces would “need to understand, train for, and operate in complex urban environments with mass populations that would be networked and mobile”. NATO also imagined at that time that it would need to support civil authorities, which had become overwhelmed in a crisis. In this respect, they were quite right¹². So were some of the conclusions drawn from this hypothesis: the Alliance would “need to maintain access to resilient and robust cyber systems hardened against attack and develop alternative systems that would be impervious or less vulnerable to cyber-attack”¹³. However, the cyber warfare projects are quickly distracted from their original aim. In 2030, the world is organized in such a way that each individual emits as much data as possible.

reduced from 1774 onwards, censorship is later abolished by a decree of January 1791. In the following months, a prodigious number of pamphlets develop. This liberal parenthesis, during which opinions clash, only lasts only a moment however. Censorship is in fact restored by the decree of 2 August 1793, which orders the closure of theatres and the arrest of the directors guilty of playing uncivil pieces. We are witnessing a similar evolution in the field of high technology. In a few years, the Internet will be both commercial and standardized. Alternative websites will be maintained only so as to enable robots to control the fringe of the population in search for meaning. The consequences are not to be neglected for the intelligence services: the more time passes, the more the treatment of the insipid flows of the web loses all interest. In order to regain an understanding of the world, it is therefore necessary to bypass the black hole of internet by recovering a forgotten reflex: to draw on classical sources by reading books, then on living sources by talking to men.

¹⁰ Atlantic Council, “The shared perspective of the world in 2030 and beyond”, p. 3.

¹¹ Framework for future alliance operations, August 2015, p. 14.

¹² Framework for future alliance operations, August 2015, p. 9.

¹³ Framework for future alliance operations, August 2015, p. 9.

This harvest of information — already gathered mostly free of charge — has created a colossal market. Now the largest digital data broker is currently American: Acxiom which holds detailed information on 700 million citizens worldwide decides to sign a contract with NATO in order to protect European governments from subversive individuals. Abyssal perspectives thus open up like Microsoft, Google or Facebook hold 80% of the digital personal information of humanity. This memory becomes the new black gold of the alliance, now able to launch individualised operations rather than large and costly military campaigns. In 2007, the US Department of Homeland Security had launched a research project to identify potential terrorists, who were innocent today but potentially guilty in the future. Named *Future Attribute Screening Technology* or FAST, the program consisted in sifting through all the elements relating to the behaviour of an individual. FAST was strongly modernised in the 2020's. As a consequence, algorithms capable of detecting abnormal behaviour in urban environments became extremely efficient.

As a conclusion, the geopolitical context of the 2030's will likely paralyse the traditional military branches of NATO while giving a new life to its more innovative departments, to the benefit of the homeland security of member states. However, we cannot entirely rule out an alternative. Before collapsing, declining empires often give themselves a respite in the form of a Saint Martin's summer. This quiet period is usually followed by a desperate offensive. This movement brings about a brutal collapse if it fails, but if by chance it succeeds, then a spectacular recovery can be expected. This remote possibility conditions the violence of that last effort. The Battle of Alesia (52 BC) illustrates, for example, the ultimate military effort of the Confederation of Gallic tribes against the Roman offensive. This defeat accelerates the collapse of the Celtic tribes. Let us also remember the desperate offensives of Western coalitions, during the last crusades, to regain the Christian kingdom of Jerusalem that had cracked under the blows of the Arabs. None of these desperate attacks would have taken place if the possibility of a victory had not been considered. Indeed, the ultimate gathering of the last troops sometimes forces destiny. Will the NATO machinery be capable of launching a desperate offensive? The probability is scarce but cannot be entirely excluded.

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ И.К. КОРЯКОВОЙ «США: ПРОФСОЮЗЫ И ОБЩЕСТВО В ПЕРИОД РЕКОНВЕРСИИ (1945–1948 ГГ.)».

Саранск: Издательство Мордовского университета; 2017. 304 с. ISBN 978–5–7103–3392–1

Среди важнейших сюжетов истории рабочего движения США в XX в. деятельность профсоюзов в период реконверсии, т.е. перестройки экономики с военных на мирные рельсы развития (1945–1948 гг.), является одной из ключевых. В событиях этого времени исследователи не без основания ищут истоки и корни многих особенностей и проблем современного американского общества. По этому же пути пошла и И.К. Корякова, обратившись к исследованию политической деятельности и экономической борьбы американских профсоюзов в 1945–1948 гг.

Выбор темы следует признать удачным. Будучи массовыми и влиятельными организациями рабочих в США в тот период, профсоюзы стремились оказать серьезное влияние на характер государственной политики по ключевым вопросам, волновавшим американское общество в те годы. Именно в период реконверсии сформировался механизм политической деятельности профсоюзов, сложилось политическое мировоззрение организованных рабочих, которые практически до конца XX в. определяли характер участия тред-юнионов в политической и экономической жизни общества. Тем не менее в отечественной, как, впрочем, и в американской историографии, эта тема мало изучена, а крупные специальные работы вообще отсутствуют.

Монография И.К. Коряковой восполняет этот пробел. Ее работа представляет собой результат большого труда. Это глубокое и оригинальное исследование. Оно построено на изучении большого числа первоисточников. Документальная база исследования И.К. Коряковой весьма солидна. Это пресса различных направлений, документы конгресса, выступления и мемуары политических деятелей и руководителей профсоюзного движения, социологические опросы и другие материалы. Некоторые из них впервые вводятся автором в научный оборот. Достоинством монографии является проведенный автором глубокий и тщательный анализ документов из Мемори-

ального архива Джорджа Мини (США), в котором находится богатейшая коллекция профсоюзных материалов. Источниковая база позволяет успешно решить те научные задачи, которые поставил перед собой автор.

Сильной стороной работы также является внимательное изучение и критическое осмысление автором и американской монографической литературы по проблемам истории США эпохи реконверсии. Наконец, следует упомянуть хороший контакт автора с трудами отечественных американистов, что позволило И.К. Коряковой четко сформулировать свою исследовательскую задачу и решить в монографии те проблемы, которые ранее не находили отражения в работах ее коллег.

Структура монографии логична. Автору удалось органично вписать сюжеты, связанные с проблемами рабочего и профсоюзного движения США, в контекст социально-экономического и политического развития Америки в первые послевоенные годы, соотнеся их с деятельностью администрации Г. Трумэна.

Основные положения монографии И.К. Коряковой хорошо аргументированы и углубляют наши представления об особенностях социально-политических процессов послевоенной истории США. Так, один из основных тезисов исследователя — главными причинами проигрыша профсоюзов в развернувшейся между ними и бизнесом с наступлением мира острейшей борьбе по вопросам реконверсионного развития страны явились сдвиг вправо в рабочем курсе Г. Трумэна, а также позиция самих профсоюзов, находившихся в орбите идейно-политического влияния либералов, — логично доказан всем содержанием работы и раскрыт в многочисленных примерах, иллюстрирующих как эволюцию самого профсоюзного движения в 1945–1948 гг., так и трансформацию рабочей политики администрации Г. Трумэна в этот период.

К сильным сторонам монографии относится и удавшаяся попытка вписать основные перипетии рабочего движения США в обстановку обще-

политической жизни Америки. Здесь, бесспорно, выделяется глава IV, повествующая о том, как холодная война, а также кампания преследования инакомыслящих внутри страны стали серьезным препятствием на пути реализации основных целей профсоюзного движения. Рассмотрение темы холодной войны органично вытекает из содержания исследования и имеет не только чисто научное, но и методико-прикладное значение: вероятно, педагогам высшей школы, ведущим занятия в области новейшей истории и истории США, оценка упомянутых проблем поможет лучше организовать преподавание сюжетов, касающихся особенностей внешней политики США.

Монография содержит ценный и хорошо систематизированный фактический материал о персоналиях активистов организованного рабочего движения, о структуре и тактических формах деятельности главных политических организаций профсоюзов — Рабочей лиги политического просвещения и Комитета политических действий, — являвшихся орудиями политической борьбы соответственно двух главных профсоюзных объединений — Американской федерации труда и Конгресса производственных профсоюзов. Отдельная глава (глава VI) повествует о позиции организованных рабочих на выборах 1948 г. В ней подробно освещаются особенности отношения профсоюзов к тем или иным аспектам социальной, в том числе и рабочей, политики администрации Г. Трумэна. И. К. Корякова подробно и вдумчиво анализирует идейные истоки осуществляемой профсоюзами политической деятельности в 1945–1948 гг., рассматривает причины усиления политической активности

организованных рабочих в период реконверсии. Автор монографии, всесторонне исследуя участие профсоюзов в политической борьбе, определяет их роль в предвыборной кампании, вклад рабочих в избрание Трумэна президентом страны. Следует отметить, что тема политической активности профсоюзов давно привлекает И. К. Корякову, и исследователь уже посвятила ей ряд работ.

К бесспорным и весьма серьезным успехам автора следует отнести и освещение вопросов, касающихся как борьбы рабочих за улучшение их социально-экономического положения, так и организованной ими кампании против изменения трудового законодательства «нового курса» Ф. Рузвельта. Отдельные проблемы этих сюжетов разрабатывались автором ранее. В монографии подробно анализируется деятельность профсоюзов в новых условиях, проходившая в обстановке существенного сдвига вправо в политической жизни США. Автор показывает, как профсоюзы, противостоя наступлению консервативных сил, вели активную борьбу за сохранение наследия «нового курса». Несомненную ценность имеет проведенный автором монографии анализ ситуации, сложившейся в профсоюзах в первые послевоенные годы, и противоречий в профсоюзном движении.

Монография отличается богатством свежего фактического материала, продуманными и взвешенными выводами. Углубленная исследовательская деятельность позволила И. К. Коряковой написать работу, которая станет важным вкладом в российскую американистику.

А. Б. Шатилов

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА» ЗА 2018 Г.

№ 1

ТЕМА НОМЕРА: ВЕЛИКАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И НОВЫЕ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ XXI ВЕКА

Петров Ю.А.

Великая российская революция: проблемы исторической памяти 6

Коваленко В.И.

«Февральская республика» 1917 года: несостоявшиеся альтернативы 10

Соловьев А.И.

Российский революционаризм: коллизия культуры и политики 16

Зудин А.Ю.

«Советская современность»: главный «капитал» революции 1917 года 24

Селезнева А.В.

Представления о революции 1917 года в политическом
сознании российской молодежи. 32

Новиков О.Г., Рыжикова Д.А., Высоцкий Р.Н.

Объективные и субъективные предпосылки возникновения
цветных революций в XXI веке. 41

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

Ядгаров Я.С.

Классическая политическая экономия через призму исследовательской
парадигмы К. Маркса в его книге «Капитал» (к 200-летию со дня рождения К. Маркса). 57

Сунь Цзыци

Особенности и традиции иероглифических оснований
китайского политического менталитета 65

Шапкин И.Н.

Представители русской религиозной мысли
о хозяйстве и хозяйственной деятельности 73

АКТУАЛЬНЫЕ НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Соловей В.Д.

Особенности политической пропаганды в цифровой среде 81

Пачкалов А.В.

Еврейские финансовые династии в США в XIX–XX веках
и их роль в становлении и развитии капитализма 88

Толкачев С.А., Бржезинский В.Г.

Инструменты государственной поддержки промышленности
сквозь призму институционального подхода 97

ТЕМА НОМЕРА: РЕВОЛЮЦИЯ И РЕФОРМЫ

Аринин А.Н.	
Правящая элита в революциях 1917 года: современные уроки и задачи	6
Соловьев А.В.	
Вклад Алексиса де Токвиля в развитие теории революции	12
Милюков А.И.	
Опыт и уроки экономических реформ в СССР в 60-е — 80-е годы	17
Сересова У.И.	
Социальная политика и левая идеология в России: от революции и советского патернализма к современности	25
Бойко С.И.	
Политическая амбивалентность элиты как капитал революции	31
Зубец А.Н., Новиков А. В., Оборский А.Ю.	
Восприятие населением российских городов качества оказываемой медицинской помощи в системе здравоохранения страны	37
Тюриков А.Г.	
Социальные ресурсы и капитал: уроки и вызовы современности	51

СТАРТАП МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Дронова С.Ю.	
Современность и перспективы российско-испанских отношений в политико-экономической сфере: точки соприкосновения и противоречия	54
Яковлева А.Д.	
Мобильность населения как фактор стабильности общества: социальные лестницы и социальные лифты	60
Пылова О.А.	
Идеи жертвенности в украинской политической мифологии: истоки и эволюция	65

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА

Cui Zheng	
The Evolution and Prospects of the Russian Strategy in the Asia-Pacific Region	72
Сургуладзе В.Ш.	
Мобилизационный потенциал региональной идентичности: вынужденный сепаратизм и закономерности его развития	80
Мараховский Е.Л.	
К вопросу методологии исследования современной информационной политики	86
Просеков С.А.	
Особенности борьбы с антиобщественными явлениями в Китае	92

ТЕМА НОМЕРА: ПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ В РОССИИ

Ерохина О.В.	
«Умная Москва»: новая концепция развития столицы	6
Петросянц Д.В.	
Институциональные преобразования предпринимательской среды в современной России	11

Лукьянцев А.С.	
Модернизационная повестка России: <i>pro et contra</i>	19
Шеховцова Д.А.	
Особенности участия российских избирателей с ограниченными возможностями здоровья на выборах	24

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

Махаматов Т.М.	
Диалектика онтологических факторов политики	28
Кафтан В.В.	
Терминологическое противоборство вокруг патриотизма как ценности российского общества	36
Соколов Н.Н.	
Общественно-политические движения: противоречия в трактовке понятия	44

ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ

Подвойский Г.Л.	
Давос-2018: глобализация меняет лицо	50
Янг Да, Цуй Пудж	
Эмпирическое исследование состояния и потенциала развития китайско-российской двусторонней торговли	59
Овсеян М.Л.	
Политическое и экономическое развитие Республики Армения до интеграции в Таможенный союз и Евразийский экономический союз	70

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Белоконов С.Ю., Гладкова К.Г.	
Освещение в СМИ активности партий в период избирательной кампании и его влияние на результаты выборов в Государственную Думу VII созыва (на примере Либерально-демократической партии России)	74
Ястремский А.М.	
Алгоритм действий партии большевиков в октябре 1917 г.: опыт и уроки	79

СТАРТАП МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Осинин А.Д.	
Мониторинг и оценка качества управления региональными финансами как инструмент повышения эффективности деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации	86
Хохлова А.М.	
Трансформация крымских политических элит в контексте воссоединения с Российской Федерацией	90
Семенцова К.Р.	
Дизайн как медиатор между “Mixed Reality”, традиционной городской средой и малым бизнесом	94

№ 4

ТЕМА НОМЕРА. ЦИФРОВИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ И НОВЫЕ ФОРМАТЫ АГИТАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКОЙ РАБОТЫ

Каминская Т.Л.	
Советская модель СМИ и современные практики агитпропа	6
Маковейчук А.В.	
Перспективы цифровизации политической сферы на региональном уровне в современной России	10

Ежов Д.А.

Проект «Собчак против всех» в российском предвыборном дискурсе 16

Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Карзубов Д.Н., Чередник А.В.

Состояние и динамика русскоязычных потоков о межнациональных и межрелигиозных отношениях в Крыму и Севастополе: киберметрия и дискурс-анализ сообщений социальных медиа Рунета 23

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

Измайлова М.А.

Современное российское образование через призму глобальной образовательной политики 36

Моторина Л.Е.

Человек как антропологическая целостность: методология исследования 44

Мкоян Г.С.

Использование методов Г. Хофстеде для сравнительного анализа социокультурных ценностей среди двух поколений армянского общества 50

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА: СВЯЗЬ ВРЕМЕН

Пачкалов А.В.

Ведущие финансовые династии Нидерландов и их роль в становлении и развитии капитализма 58

Пырма Р.В.

Капитал Великой российской революции: последствия эпохальных событий 65

АКТУАЛЬНЫЕ ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Салин П.Б.

Способы нейтрализации деструктивных аспектов политической деятельности студенческой молодежи 76

Бредихин А.В.

Влияние конфликтной ситуации в Донбассе на деятельность экстремистских организаций на юге России 82

Николаев А.А.

Различные аспекты трудоустройства иностранных граждан в Российской Федерации 90

Цуй Чжэн, Инь Хонг

Политика и перспективы развития моногородов России 95

Пряжников Н.С., Полевая М.В., Камнева Е.В.

Игра-дискуссия «заработная плата работника» как средство диагностики и актуализации у госслужащих представлений о справедливости в системе мотивации труда 103

СТАРТАП МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Ракчинская Н.В.

Продвижение непопулярных политических решений как технология манипулирования общественным мнением 110

Рязанова Л.В.

Развитие массовой самокоммуникации в рамках WEB-технологического подхода 116

№ 5

ТЕМА НОМЕРА: СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: АКАДЕМИЧЕСКИЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

Бондаренко В.В., Заугаров В.В., Селезнев П.С., Юдина В.А.

Концепция совершенствования университетского обучения иностранных студентов в Российской Федерации в рамках политики «мягкой силы» 6

Знаменский Д.Ю.

Научный потенциал высшей школы России: перспективные показатели оценки 19

Реброва В.В.Формирование кадрового резерва в образовательных организациях
столичного мегаполиса (на примере Финансового университета) 24**ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ****Тюриков А.Г., Чернышова Л.И.**

«Славянская идея» в русской философской мысли 28

Воронцов С.А., Понедельков А.В., Данилов А.Г.

Об объективном характере ленинских принципов революционной ситуации 35

АКТУАЛЬНЫЕ ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**Усманова З.Р.**Основные направления кристаллизации социально-политических
представлений российских граждан в интернет-сообществах. 42**Помигуев И.А.**

Статус-кво в условиях революционной ситуации: в поисках оптимальных решений. 52

Бестаева Е.В.Автохтонные этноязыковые меньшинства как объект национальной политики
федеративного государства. Опыт ФРГ 58**Гагарина М.А., Власенкова Е.А.**

Какие личностные черты определяют готовность россиян инвестировать в криптовалюты? 66

Морева Е.Л., Абдикеев Н.М.Исследование опыта передовых индустриальных стран
по стимулированию промышленного развития 77**ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ****Косевич Е.Ю.**

Мексика и реформа Совета Безопасности ООН: традиции, преемственность и перспективы 84

СТАРТАП МОЛОДОГО УЧЕНОГО**Булатов А.Г.**Региональные элиты как кадровый резерв для федеральных органов
государственной власти: механизмы и принципы рекрутирования 93**№ 6****ТЕМА НОМЕРА: РОЛЬ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА В ПРОЦЕССЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ****Салин П.Б.**

Краткий обзор зарубежного опыта нейтрализации радикальных настроений учащейся молодежи 6

Евгеньева Т.В., Усманова З.Р.Особенности влияния цифровых коммуникаций на профессиональную культуру
и адаптацию студентов социально-политических специальностей. 12**Заугаров В.В.**

Международный опыт использования высшего образования как ресурса «мягкой силы» государства 19

Назарова Н.А., Антонович С.А.Вопросы государственного стимулирования активности молодежи в сфере науки,
техники и инноваций в Российской Федерации 24

Звягинцева Е.П., Манахова Е.Б.

Создание условий для самомотивации будущих политологов в процессе иноязычного обучения. 29

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

Расторгуев С.В.

Основные критерии оценки эффективности исполнения функций
государственной власти в контексте развития гражданского общества 35

Родионова О.В., Сигалов К.Е.

Проблемы эффективности современного социального государства:
общемировые и российские тенденции 43

АКТУАЛЬНЫЕ ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Егорченков Д.А., Данюк Н.С.

Санкции как инструмент принуждения суверенных государств: идеологический аспект 49

Зубец А.Н., Новиков А.В.

О качестве медицинского обслуживания населения
в контексте повышения качества жизни в России. 58

Тюриков А.Г., Разов П.В., Амерсланова А.Н.

Участие потребителей в оценке качества и востребованности образовательных услуг вуза 68

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОГНОЗ

Томас Флиши де ла Невиль

К 2030 г. НАТО трансформируется в глобальную сеть
для сохранения внутренней безопасности. 76

РЕЦЕНЗИИ

Шатилов А.Б.

Рецензия на монографию И.К. Коряковой «США: профсоюзы
и общество в период реконверсии (1945–1948 гг.)» 83